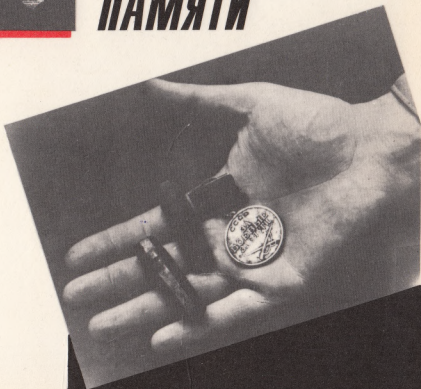


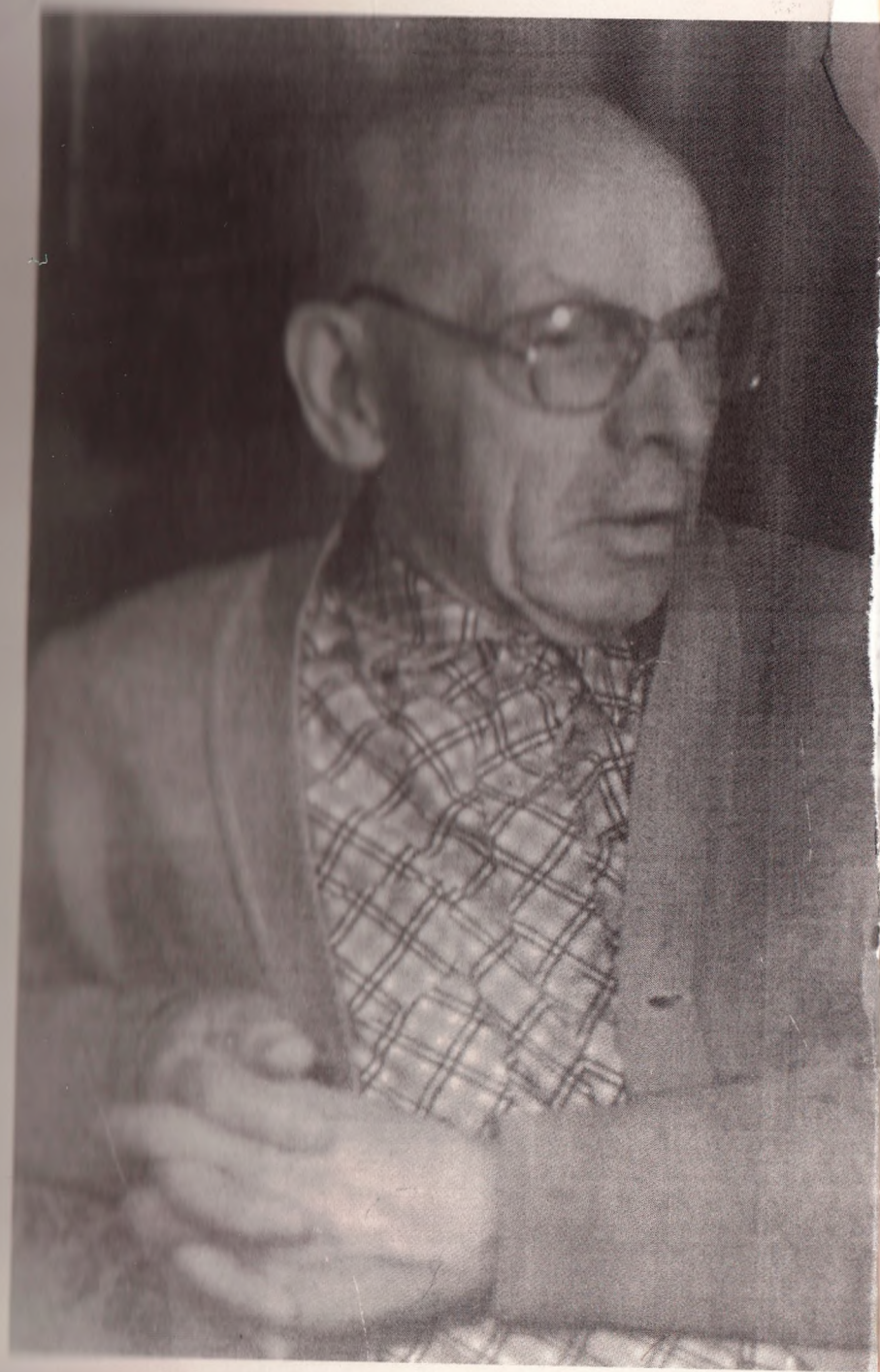
К 90-летию
со дня рождения
Мусы ДЖАЛИЛЯ

Виктор
КУЗНЕЦОВ

МОЯ КНИГА ПАМЯТИ



ДНЕВНИК ИЗ ДОЛИНЫ СМЕРТИ



К 90-летию
со дня рождения
Мусы ДЖАЛИЛЯ

Виктор
КУЗНЕЦОВ

МОЯ КНИГА ПАМЯТИ

ДНЕВНИК ИЗ ДОПИНЫ СМЕРТИ

Юлии и Вязеславу — славным
детям моего друга Михаила
Ваагерманга — сердечный привет
от автора этой книжки.

КАЗАНЬ 1996

В. Кузнецов

3.2.98

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Виктор Александрович КУЗНЕЦОВ родился в 1913 г. на ст.Кесова Гора Тверской области. С 1931 г. — литсотрудник, позднее — ответ.секретарь районной газеты “Ленинский завет”.

С 1936 г. студент Всесоюзного Коммунистического института журналистики им.“Правды”, ликвидированного в 1938 г. Продолжил учебу в Московском государственном педагогическом институте им.В.И.Ленина. Одновременно с учебой работает референтом в Центральном Кабинете редакторов при ЦК ВКП(б).

С 3 июля 1941 г. — в народном ополчении. Ответ.секретарь дивизионной газеты “За Отечество”, ответ.секретарь газеты 2-ой Ударной армии “Отвага”. На фронте до 1944 г. Участник освобождения г.Ленинграда.

С 1950 г. после окончания Военно-дипломатической академии остался в ней преподавателем.

С 1957 по 1960 г. на военно-дипломатической работе в Канаде.

Работал в Генштабе, был заместителем нач.кафедры в той же академии до 1970 г. Преподавал до 1983 г. Сейчас — активист совета ветеранов 2-ой Ударной армии. Составитель сборника “Правда о Второй ударной”.

Под редакцией кандидата исторических наук

А.А.ИВАНОВА

заслуженного работника культуры Республики Татарстан

М.В.ЧЕРЕПАНОВА

Сканирование иллюстраций А.А.ВЕРХОВСКОГО,

Р.Р.САЛАХИЕВА

Оформление обложки художника Ш.К.НАСЫРОВА

© Издательство

Книга Памяти

Республики Татарстан

1996

Наверное, ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что каждое поколение пытается дать свою трактовку истории. Порой спустя какое-то время одно и то же историческое событие получает кардинально противоположные оценки. Каждый историк — желает он того или нет — расставляет свои акценты в трактовке исторических фактов. Даже если полностью отсутствует зависимость автора от партийно-классового подхода или социального заказа существующей власти.

Если сравнить обществоведческие монографии и историческую литературу с речным потоком, то, пожалуй, чистыми родниками, питающими его, можно назвать документы и дневники очевидцев.

Именно в дневниках жизнь и события отражались как правило, без искажения. Им доверялись самые сокровенные мысли, которые невозможно было высказать даже в письмах, не опасаясь последствий. Не случайно на фронте формально запрещалось вести дневник. Попав в руки способному анализировать противнику, дневниковые записи могли выдать пусть даже косвенно самую секретную тайну. Вовремя и объективно зафиксированная деталь дает немало пищи для размышления и потомкам, желающим создать свое мнение о прошедшем.

Особую ценность и интерес имеет дневник, который вел аналитик-профессионал.

Автор публикуемых записей — Виктор Александрович КУЗНЕЦОВ — полковник в отставке, после войны долгие годы работал в дипломатическом аппарате военного атташе в США и Канаде. А тогда, в 1942-ом году, когда написан этот дневник, он был ответственным секретарем газеты 2-ой Ударной армии "Отвага". Его способность сопоставлять и анализировать факты была замечена специалистами военной разведки еще в годы Великой Отечественной. В 1944 году его отзывают с фронта на учебу в Академии им.Фрунзе, затем — во вновь созданной военно-дипломатической академии.

Дневник В.А.Кузнецова — правдивый рассказ о событиях полувековой давности, о друзьях-соратниках, среди которых поэты Муса Джалиль, Всеволод Багрицкий, скульптор Евгений Вучетич.

Автор этих строк задается целью показать не себя на фоне событий, а тех, кто его окружает.

Самостоятельную ценность имеют документы, сохранившиеся в личном архиве Кузнецова. Так, заметки М.Джалиля и рисунки Е.Вучетича публикуются в литературе впервые.

Главная причина столь значительной задержки публикации этого дневника — удивительная скромность ветерана, “усугубленная” спецификой его послевоенной специальности. Взяться за перо его побудило лишь желание реабилитировать доброе имя 2-ой Ударной армии. Той самой, в которой он служил со дня ее образования в конце 1941 по 1944 год, и которая долгие годы носила клеймо “власовской”. Первой попыткой искоренить клевету была книга “Правда о Второй ударной”, составителем которой был В.А.Кузнецов. Она вышла в Ленинграде в 1983 году.

Это было время, когда официальные историки предпочитали вообще замалчивать роль 2-ой Ударной армии и всей Любанской операции в деблокировании Ленинграда. Но эпоха гласности сыграла не менее злую шутку. Стремление к сенсации, повышенный интерес к имени Власова, гриф “совершенно секретно” на многих документах, связанных с теми событиями, способствовал еще большей неразберихе. Об армии и операции под Мясным Бором стали писать все кому не лень, только не сами участники. Одни называют солдат армии “пушечным мясом”, другие — “борцами с большевизмом”. Строятся версии одна нелепее другой.

Прочитав брошюру Ленинградского совета ветеранов о Любанской операции, излагающую очередную версию по принципу “если бы, да кабы”, Виктор Александрович убедился — пора сказать свое веское слово. И значение его дневника измеряется не страницами. Это не многотомная монография, рожденная умами десятков историков, и не энциклопедия войны, поданная читателю как истина в последней инстанции. Но сколько убедительной правды в этих немудреных записках и в комментариях к ним! Форма подачи материала, его “неиспорченность” страстями современности убеждают и сообщают гораздо больше, чем толстые тома профессиональных историков. Наверное, именно такие дневники потомки будут читать с тем же благоговением, с каким мы читаем сегодня летописи протопопа Аввакума.

М.ЧЕРЕПАНОВ

Давним моим друзьям —
поисковикам Казанского "Снежного десанта",
без устали шагающим по следам Великой войны,
с глубокой сердечной признательностью
за их благородный труд
посвящает эту книгу

АВТОР.

ПОИСКИ ПРЕДИСЛОВИЯ

...В этой папке притаилась война.

Листаю старые фронтовые газеты, потрепанные блокноты и дневники, какие-то заметки, письма военных лет, давно поблекшие фотоснимки. Вот обрывок простреленной мишени, на обороте которой красноармеец написал свои незамысловатые стихи в газету, вот пустой конверт тех лет, с призывом к бдительности и борьбе с паникерами, вот отпечатанная на дрянной машинке с еще более дрянной лентой сводка Совинформбюро...

Богу весть, как сохранилось у меня все это добро, зачем я берегу эту папку, в которой никогда не замолкнет грохот военного лихолетья...

Давно бы взяться за эти листочки, что-то сделать с ними. Не в первый раз перебираю их, с трудом вчитываюсь в полустершиеся строчки, вспоминаю... И всякий раз мне приходит на память одно и то же.

...Давным давно, еще до войны, в веселой кижевской аудитории на Мясницкой, мне, в ту пору студенту Коммунистического института журналистики имени "Правды", посчастливилось увидеть приехавших к нам в гости папанинцев, незадолго до этого снятых с обломка дрейфующей льдины. Папанинцев сопровождал корреспондент "Правды" (если не изменяет память — Л.Б.Хват), тоже участвовавший в спасательной экспедиции. В рассказе корреспондента о папанинской эпопее меня поразил один эпизод.

Вот моряки "Мурмана" и "Таймыра" откапывают из снега

палатку папанинцев, расправляют ее на снегу, начинают осторожно сворачивать. Иван Дмитриевич Папанин с грустью наблюдает за работой моряков, но когда кто-то из них начал сметать плотный слой инея, накопившегося за долгие месяцы дрейфа на внутренней стороне полотна, Иван Дмитриевич взволнованно воскликнул:

— Пойдите, пойдите! Что вы делаете? Ведь это же наше дыхание... Сохранить бы...

Как же мне сохранить дыхание войны в моих сегодняшних заметках? Как не дать растаять инею войны, осевшему на пожелтевших от времени листочках?

Все дышит временем в этих бумажках, почти случайных, не имеющих какого-либо существенного значения, совсем не официальных, но именно потому и дорогих для меня. Патина времени все более и более наслаивается на них. И, странное дело, любая попытка стряхнуть с них пыль, перенести что-либо на чистый лист бумаги, придать им какую-то упорядоченность губительно сказываются на них, они сразу лишаются чего-то весьма важного, словно бы вянут на глазах, из них улетучивается дух времени, иней войны исчезает...

И все же что-то надо делать. Ведь эти листочки, документы, заметки живы лишь со мной. Без меня они замолкнут навеки. А как бы хотелось, чтобы живущие во мне, они не ушли со мною в могилу...

* * *

"Гиблое, гнилое, проклятое Богом место! Трясина, осока, кустарник, чахлый низкорослый лесок... На стволах корявых неопрятных осин бурые пятна ржавчины. Поваленные в беспорядке, покрытые мохом гниющие стволы деревьев... От болотных трав поднимаются душные сладковатые испарения, вызывающие головную боль. Не слышно ни веселого стрекота кузнечиков, ни успокаивающего жужжания шмелей. Только висящий над всей окрестностью нескончаемый комариный звон. Как будто это звенит на беспредельно высокой ноте и давит на барабанные перепонки сама тишина...

Мы — в самом сердце Волховских болот...

Тропинка выводит нас на полузаросшую лесную просеку. Идти сразу становится легче, так как под ногами прощупываются бревна настила...

Через каждые десять-пятнадцать шагов приходится сворачивать в трясину — дорога разворочена воронками. Сколько их тут! Справа, слева, немного в стороне от дороги, прямо на полотне... Местами они тянутся непрерывной цепью, так что края одной смыкаются с краями другой. Все они доверху залиты водой, поросли осокой и остролистом...

Танки, орудия и всю крупную военную технику отсюда давно уже вывезли на металлолом. Однако в кустах еще попадаются то покореженный орудийный ствол, то отброшенная взрывом башня от танка, то остовы сгоревших машин. В траве валяются насквозь проржавевшие винтовочные стволы, позелевшие гильзы, алюминиевые солдатские котелки, советские, немецкие и испанские каски (здесь воевала Голубая дивизия). Среди молодого, послевоенной посадки леса попадаются и старые деревья, свидетели гремевших здесь когда-то боев — обломанные, обугленные и измочаленные...

Это и есть Долина смерти" *).

Эта пространная выдержка взята мною из замечательной книги татарского писателя и критика Рафаэля Мустафина, совершившего трудное путешествие по следам оборванной песни Мусы Джалиля. Впечатления, так взволнованно и точно переданные Рафаэлем Ахметовичем, охватывают, вероятно, всякого, кто впервые оказывается в Мясном Бору, у скромного памятника воинам Второй ударной армии. Именно в этом месте наша армейская дорога выходила из болотной трясины к новгородско-ленинградскому шоссе, по этому узкому коридору вдоль жердевки и узкоколейки пробивались из окружения воины Второй ударной...

После войны я долго не осмеливался побывать в этих "гиблых, гнилых, проклятых Богом местах". Думал, что никогда не осмеюсь... Что-то удерживало меня, словно я боялся каким-то неосторожным шагом, жестом, словом нарушить вечный покой и святость этих мест, светлую память о тех, кто в январе 1942 года бросился на выручку гибнущему в жестокой блокаде Ленинграду и остался здесь, в волховских болотах навечно...

Лишь в дни Всесоюзной Вахты Памяти в мае 1989 года мне довелось снова побывать в Мясном Бору...

*) Р.Мустафин, "По следам оборванной песни". Изд."Известия", 1974, с.48-53

...Долина смерти... Долина безмолвия...

Вслушиваюсь в звенящую тишину, так поразившую Рафаэля Мустафина. Но бывает ли у стариков тишина?..

Из непроглядной тьмы минувшего времени до меня начинают доходить какие-то неясные шорохи, звуки, движения. Постепенно нарастая, они переходят в чьи-то голоса, поначалу неразличимые, но вот я начинаю узнавать их, это голоса моих боевых товарищей, я уже различаю их лица, слышу их речи, споры, даже взрывы смеха, и — стоны, возгласы гнева и тоски, рыдания... Смятая тишина отодвигается в сторону. И вновь гроыхает по вздыбленной и изувеченной земле колесница войны. И что-то настойчивое, требовательное, уже обращенное лично ко мне чудится в этих далеких голосах из бездны небытия...

Эти голоса уже не оставляют меня всю обратную дорогу и, вернувшись домой, я снова достаю с дальней полки туго перетянутую шнурком папку моих военных архивов, таких же старых и ветхих, как и я сам... Мне вновь предстоит повторить этот тяжелый поход, только начну я его не от Мясного Бора, вглубь волховских болот, как это делают следопыты-поисковики, а пойду им навстречу, из глубины этих болот, от Красной Горки и Глубочки, Озерья и Дубовика, Финева Луга и Глухой Керести, и рядом со мной вновь будут продираться сквозь лесные дебри и завалы, бомбежки и обстрелы мои побратимы и друзья, следы которых с такой благородной заботой о правде нашей истории разыскивают новые поколения истинных патриотов нашей Отчизны...

Память не уходит в отставку. И если что-нибудь получится в моих нынешних попытках разобраться в сохранившихся у меня бумагах военной поры, то пусть это и станет Моей Книгой Памяти.

Май, 1995 год.

НАЧАЛО ПУТИ

Конец декабря 1941 года. Воинский эшелон безостановочно мчит нас на северо-запад. Мы уже осведомлены, что наша только что созданная 2-я ударная армия должна принять участие в битве за Ленинград, но еще не знаем, что едем под Новгород, на Волховский, тоже только что образованный, фронт. Наша военная судьба окажется надолго связанной с судьбой этого фронта...

Поздняя ночь. Утомленные дневными хлопотами и усыпляющим перестуком колес, мои друзья притихли на своих местах. Расскажу о них по порядку.

Самый старший среди нас — батальонный комиссар, или, как его все величают, “товарищ Батальонный”, — Николай Дмитриевич Румянцев. Я хорошо знаю “товарища Батальонного” еще по мирному времени. Старый и опытный журналист, Николай Дмитриевич до войны был сотрудником Центрального кабинета редакторов. В сущности, это глубоко штатский человек, никогда не помышлявший о военной карьере. Но когда над страной загредел тревожный призыв “Вставай на смертный бой!”, он в числе многих других своих коллег и товарищей добровольно записался в народное ополчение. Ему было поручено сформировать газету 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района города Москвы.

Фрунзенцы стояли на Десне под Смоленском, когда меня, в ту пору секретаря комсомольского бюро одного из полков этой дивизии, Румянцев пригласил работать ответственным секретарем дивизионной газеты “За Отечество”.

Яркая и примечательная история 5-й дивизии народного ополчения, ставшей на фронте 113-й стрелковой дивизией, заслуживает особого рассказа. Я лишь отмечу, что в ноябре 1941 года на базе походной редакции и типографии этой дивизии была создана газета



В.А. Кузнецов

26-й резервной (позднее 2-й ударной) армии.

В нашей теплушке, стремящейся к Ленинграду, Николай Дмитриевич не только самый старший по возрасту и званию, но и по положению — он редактор армейской газеты “Отвага”.

Рядом с редактором пристроился на нарах Лазарь Борисович Перльмуттер — литературный сотрудник “Отваги”, добровольно исполнявший, кроме того, обязанности литредактора, корректора и радиста. Талантливый педагог и ученый, труды которого о языке и стиле Лермонтова еще недавно горячо обсуждались в нашей студенческой среде, он добровольцем отправился на фронт вместе со своими студентами-выпускниками.

Сейчас, в вагоне, Лазарь Борисович сидит согнувшись в три погибели у приемника и записывает очередную сводку Совинформбюро. Нам и в дороге удастся выпускать на нашей американке листовки со сводками Совинформбюро или хотя бы размножить сводку в нескольких экземплярах и пустить ее по вагонам. А на остановках, обычно где-нибудь на подъезде к забитой до отказа станции, наш филолог включает на полную мощность радиоприемник (пожалуй, единственный в эшелоне), и тогда у вагона собирается толпа и происходит нечто вроде импровизированного митинга с горячим обсуждением только что переданных по радио новостей.

Лазарь Борисович принимает по ночам сводки Совинформбюро для записи. Диктор медленно диктует текст, повторяя отдельные слова по буквам, то и дело обозначая разделы сообщений стандартной фразой: “Абзац. Три звездочки”. Прозвище “Абзац-три-звездочки” почти сразу же пристало к нашему добродушному филологу, и он уже не расстанется с ним до конца своих, увы, уже считанных дней...

У походной “буржуйки” в середине вагона сидит, пошевеливая догорающие угли, пока еще безвестный, но уже Вучетич. Евгений Викторович — наш редакционный художник. Он тоже ополченец. В редакцию его порекомендовал взять комиссар нашей ополченской дивизии — профессор факультета языка и литературы Московского государственного педагогического института имени В.И.Ленина Федор Михайлович Головенченко. Наше знакомство с Вучетичем произошло в окопах.

— Рядовой Вучетич! — четко отрапортовал он, одним махом выпрыгнув из окопа и ловко, словно всю жизнь провел в армии, вытянувшись перед батальонным комиссаром.

Ладно подогнанная форма, аккуратно завернутые обмотки, сложенная по всем правилам скатка с притороченным котелком и шанцевой лопаткой — многие ли, кому довелось знать этого замечательного человека, видели его в такой форме?

Пытливо оглядев ловкую и подтянутую фигуру художника, Николай Дмитриевич говорит:

— Ну что же, рядовой Вучетич, как бы вы отнеслись к предложению пойти художником в нашу редакцию?

В нашей походной типографии не было, да, кажется, и не полагалась, никакой цинкографии, и Евгению Викторовичу пришлось на первых порах решать проблему иллюстрирования газеты, так сказать, подручными средствами. В одной из разрушенных школ он раздобыл кусок линолеума, и вот теперь с помощью самодельного резца из спицы зонтика скульптор осваивает новую для него профессию — профессию гравера. Имеет ли существенное значение, что его первые опыты в гравировании доставляли немало веселых минут нашим редакционным острословам да и самому “граверу”? Меньше радости испытали пока те, кто становился объектом изображения. Но можно не сомневаться, что любой из них с величайшей радостью завладел бы для своего семейного альбома экземпляром нашей газеты, где обычно указывалось: “Гравюра на линолеуме Е.Вучетича...”

Назову еще двух членов нашего коллектива: наборщиков Моисея Марковича Раппопорта и Самуила Левина (к стыду своему, не могу вспомнить его отчества). По возрасту они уже не подлежали



Е. В. Вучетич

призыву, но когда в типографию, где они работали, явился за содействием в создании походной типографии наш редактор, они не только упросили его взять с собой в газету, но фактически и создали нашу типографию. Они без усталы ездили по московским типографиям, где их хорошо знали, отбирали нужные шрифты и материалы, помогли достать небольшую печатную машину, которую можно было смонтировать на грузовике. Короче говоря, создали всю материальную часть для выпуска газеты. За несколько дней они успели сделать столько, сколько в обычных условиях не сделать бы и за месяцы...

Из числа ополченцев, составивших первоначальную основу "Отваги", надо еще назвать машинистку Валю Старченко — совсем еще молодую московскую комсомолку, которую родители не могли удержать дома, да Анну Ивановну Обыдену, которая в дополнение к своей официальной должности корректора стала главной хозяйкой нашего нового дома. Ее муж и сын — оба кадровые военные — оказались на фронте с первого дня войны. Она не стала сидеть дома одна и отправилась на фронт вслед за ними.

Кто еще?

Уже по дороге на фронт, в Ярославле, к нам присоединилась Женя Желтова. Бог знает, как она провела о нашей кратковременной остановке в редакции "Северного рабочего", гостеприимный редактор которого товарищ Кашин предоставил в наше распоряжение свою редакционную пресс-комнату. Женя Желтова — комсомолка, работала в заводской многотиражке. Война помешала ей закончить факультет журналистики Ленинградского университета.

— Едва ли вас устроит наше предложение. Вы ведь журналистка, а нам нужен корректор.

— Я согласна корректором...

После октябрьских боев на Смоленщине, где мне довелось побывать, я уже не считал себя новичком на фронте, поэтому осторожно спросил:

— Так захотелось на фронт?

Вопрос, видимо, обидел девушку. Внимательно взглянув мне в глаза, она подчеркнуто спокойно ответила:

— Да.

С ее приходом в редакцию мы получили не только профессионального корректора, но и прекрасного журналиста, чьи очерки и зарисовки о боевых делах воинов отличались особой эмоциональной насыщенностью и душевной теплотой.

Постепенно наша редакция пополнялась все новыми и новыми людьми. В ней появились опытные газетчики Александр Ларионов, Лев Моисеев, Борис Бархаш, Николай Родионов, Михаил Каминер, Виталий Черных. Несколько позже пришел к нам Всеволод Багрицкий — самый молодой наш журналист, ему тогда исполнилось девятнадцать. Еще позднее, уже за Мясным Бором, к нам присоединился известный татарский поэт Залилов — Муса Джалиль, чье легендарное имя лишь много лет спустя после войны стало символом высокой гордости, непоколебимого мужества, верности и преданности делу социализма. Здесь, на Волкове, суждено было начаться бессмертию воина и поэта...

Война быстро сближает людей. Уже в вагоне мы чувствовали себя коллективом, словно бы существовавшим многие годы. По вечерам, после обычных дневных хлопот, у нас возникали ставшие потом традиционными своеобразные диспуты-собеседования по самым различным вопросам, начиная от злободневных проблем войны и кончая литературой, искусством, философией и, конечно же, повседневными заботами о своей газете. Какие только проблемы не возникают в головах наших журналистов в минуты досуга!

Вот и сегодня утром наш общий любимец и забияка Вучетич горячо оспаривает мнимые на его взгляд достоинства довоенного проекта Дворца Советов, к плакатному изображению которого мы так привыкли, словно он уже был реально существующей и неотъемлемой частью нашей столицы. Философ по мирной профессии Борис Павлович Бархаш терпеливо растолковывает существо эйнштейновской относительности. Николай Дмитриевич Румянцев готов часами рассказывать о Ленине-редакторе. Лазарь Борисович без конца пилит нас за наши смертельные прегрешения против языка и стиля. Отвлекая нас от слишком серьезных, либо слишком спорных тем, Женя Желтова читает нам Есенина, которого любит без памяти и знает наизусть. Почти всегда мрачный Виталий Черных время от времени обрушивает на нас эпиграммы, чаще всего избирая объектом своего сарказма Вучетича и Перльмуттера.

...Глубокая ночь. Поезд мчит нас навстречу событиям, о которых тридцать лет спустя Маршал Советского Союза К.А.Мерецков скажет: "Мне довелось многое повидать за годы войны. И вот сейчас, перебирая в памяти увиденное, полагаю, что те недели

были для меня самыми трудными. По накалу событий, по нервному напряжению, им сопутствующему, вряд ли можно их с чем-либо сравнить”*)).

* * *

Мои воспоминания относятся к самому трудному периоду боевой деятельности 2-й ударной армии — периоду, получившему впоследствии наименование Любанской операции. Не берусь описывать ее в целом. Она получила достаточно подробное освещение в военно-исторической литературе, хотя и вызывает до сих пор противоречивые суждения и оценки.

Знаю, мало осталось в живых участников Любанской операции. Их было не так уж много и тогда, сразу после окончания этой операции, а сейчас их буквально можно пересчитать на пальцах. И мне думается, что любое свидетельство очевидца, любой факт, относящийся к этому периоду, важно сохранить для истории, это поможет воссоздать картину тех незабвенных, теперь уже давних, во многом трагичных, отчаянно трудных, жертвенных и в то же время героических дней.

Моим воспоминаниям помогают мои дневниковые заметки, относящиеся к тому времени. Будучи на фронте, я не вел систематических дневников, это были почти случайные записи то в каком-то блокноте, тетради, то просто на отдельных клочках бумаги. Эти беглые записи конечно потребовали определенной обработки, нередко расшифровки, комментария, помогали вспомнить уже забытое...

Любопытно, однако, что большая часть сохранившихся у меня записей относится именно к Любанской операции. Не знаю, чем это объяснить... Позднее, когда наша 2-я ударная армия научилась шагать семимильными шагами, стала увереннее навязывать свою волю противнику и добиваться в решающих битвах успеха, мой интерес к дневнику как-то незаметно угас, и я перестал тратить на него время.

*) Мерецков К.А. На службе народу. М., Политиздат, 1970, с. 280 - 281.

ЗА МЯСНЫМ БОРОМ

...Вот уже два месяца 2-я ударная армия ведет кровопролитные бои за Волховом. Наступление началось 13 января. Прорвав оборону противника в районе Мясного Бора, армия углубилась на 70-80 километров в глубину вражеской обороны. Однако ей не удалось значительно расширить горловину прорыва. С тылом армию соединяет узкий коридор постоянно меняющейся ширины. Начиная наступление, все четыре армии Волховского фронта, включая и нашу, действовали на участке в 150 километров. Участок нашей армии составлял 15 километров, а теперь фронт ее боевых действий растянулся до 150 километров.

Находясь фактически в глубоком тылу противника, армия ведет сложную борьбу, включающую одновременно и наступление и оборону. Сейчас основная цель армии — прорваться к Любани — крупному опорному пункту обороны врага. С северо-востока туда же пробивается 54-я армия генерала Федюнинского Ленинградского фронта. Падение Любани будет означать окружение крупной немецкой группировки, возможно, прорыв блокады Ленинграда. Противник понимает значение этого участка фронта. Еще в середине декабря Гитлер издал приказ, требовавший не уступать здесь русским ни шагу. За несколько дней до наступления, 5 января, командир 422 пехотного полка немецкой армии объявил в своем приказе: "Господин командующий генерал сказал мне вчера, что если мы не удержим Волхов, мы проиграем войну, удержим его — выиграем войну. Это стоит жизни..."

Когда наши войска все же прорвали вражескую оборону на Волхове, Гитлер снял с постов командующего группой армий "Север" фельдмаршала фон-Лееба и его начальника штаба Беннеке...

10 марта.

В последних числах января 1942 года редакция "Отваги" перебралась вслед за нашими наступающими войсками за Волхов и разместились вблизи деревни Новая Кереть. В глухом лесу, среди вывороченных деревьев и почти незаметных, занесенных снегом полуподземных жилищ, мы ориентируемся легко и свободно, словно в родной Москве.

Дорога на фронт уже хорошо обжита. Во всем чувствуется порядок, даже с оттенком некоторого, доступного в данных условиях комфорта. На свежеструганных дощечках, прибитых к деревьям, аккуратные указатели, знаки, даже плакаты. “На Тигоду — 12 км” — стрелка указывает направо. “Лес не рубить. За порубку — трибунал”. Кое-где синее сквозь ветви почтовый ящик: значит поблизости ППС (полевая почтовая станция). Вот указатель в подсвеченном изнутри красным крестом и надписью: “482 МСБ” или “108 МСР” (медико-санитарный батальон; медико-санитарная рота).

Редакция разместилась в землянке, совсем недавно служившей убежищем для партизан. Прочная, добротнo срубленная изба врыта в землю по самую крышу. В потолке есть даже окна, сделанные из узких рам, взятых, вероятно, со скотного двора. Она затерялась в глухом сосновом бору, который был недосыгаем для немцев.

Наши войска продрались сквозь эти дебри, и рядом с землянкой пролегла наша основная фронтовая магистраль. Землянка сразу оказалась на бойком месте. Рядом расположились артиллеристы. Когда упершиеся почти в зенит стволы орудий начинают изрыгать огонь и грохот, землянка гудит и трясется, гаснут копилки, шрифт подпрыгивает в наборных кассах, звенят котелки, у нашего филолога опрокидывается чернильница. Вот какую замечательную формулировку придумал комиссар соседнего с нами госпиталя, докладывая в политдонесении по поводу нежелательного соседства с этими громогласными пушками: “...противник может засечь наши орудия и нанести госпиталю неприятности”.

...Партизаны, судя по всему, обосновались в этой землянке прочно, капитально, надежно. Каждая уцелевшая здесь вещь свидетельствует о их нелегком ратном труде. В землянке все трофейное: плита-духовка с какими-то готическими вензелями, гильзы немецких снарядов, хитроумно приспособленные для всяких хозяйственных потребностей (вплоть до рукомойки), электрическое освещение от аккумулятора и фар, снятых с немецкого автомобиля. На подоконнике я нашел самодельную партизанскую ручку: к карандашу с маркой “Родина” суровой ниткой прикручено перо, на котором выдавлено чужое слово “Берлин”. Какие партизанские документы были написаны этим пером? Эту ручку надо бы сохранить, как хранит наш Вучетич мундштук, некогда принадлежавший Александру Блоку. Парти-



Район боевых действий 2-ой ударной армии в Любанской операции.
Точками на карте обозначены пункты размещения редакции
газеты "Отвага": Папоротно, Глухая Кересть, Новая Кересть, Огорели,

занской ручкой я делаю сейчас эту запись в блокноте...

На землянку, которую мы теперь занимаем, было немало претендентов. Однако после одного забавного случая редактору без особого труда удастся одолевать "конкурентов". Случай этот произошел в феврале, когда в нашей армии побывал К.Е.Ворошилов. В беседе с редактором Климент Ефремович интересовался жизнью и работой нашего редакционного коллектива, охотно согласился посетить типографию, размещавшуюся тогда в очень неудобной и совершенно непригодной для работы землянке вблизи деревни Огорели.

Разговаривая, Климент Ефремович и редактор приблизились к землянке. В этот момент из нее выкарабкался наборщик с тяжелой формой в руках. Вид его был ужасен. Насквозь прокопченный и вымазанный типографской краской, он представлял собой колоритное зрелище на фоне безупречной белизны утреннего снега. Легко узнав гостя, наборщик от неожиданности застыл на месте в очень неудобной позе.

— Батюшки мои! — почти с восхищением воскликнул Климент Ефремович. — Это что за чудовище! Ну, теперь, пожалуй, нам и смотреть здесь нечего. И так все ясно...

И сразу становясь серьезным, он обратился к начальнику политотдела:

— Не мне объяснять вам, какое значение имеет для всех нас газета. Забота о ней — первейшая обязанность политоргана.

Надо отдать должное нашему Военному совету и политотделу: после этого случая для типографии и редакции выделялось лучшее из того немногого, чем они могли располагать в тех условиях.

13 марта.

В нашу армию прибыли делегации трудящихся Казахской и Киргизской республик. Они привезли воинам армии подарки: от Киргизской ССР — 25 вагонов продовольствия, от Казахской — 11. В числе подарков — мясо, свиное сало, колбаса, мука, сухари, крупа, сливочное масло, сахар, мармелад, сухие фрукты, яблоки, орехи, табак, кондитерские изделия, вино.

Готовим специальный выпуск "Отваги", посвященный посланцам трудящихся братских республик. Одна из страниц воспроизводит первую страницу специального номера "Акмолинской правды", обращенную к воинам ударной. За материалами для специального номера отправилась целая бригада в составе Александра Ларионова,

Вся наша страна, все народы нашей страны подпирают нашу армию, наш флот, помогая им разбить захватнические орды немецких фашистов. И. СТАЛИН.

В последний час

По решению Совнаркома РСФСР на протяжении нескольких лет в районах Московской области осуществляются отселения, окупаются, а в 1925 году отпущено около 30 миллионов рублей. Кроме того, выдано 2 миллиона рублей на восстановление лесопарков. Наркомзем РСФСР. В объеме 5,5 миллиона рублей отпущено работ Моссовет.

Николая Родионова и самого редактора.

14 марта.

Взята Красная Горка — важный опорный пункт врага на пути к Любани. Первый раз Красная Горка была взята нами 19 февраля. Дерзкий ночной бросок лыжников и кавалеристов в обход основных укреплений противника дал прекрасный результат. Однако 27 февраля врагу удалось оттеснить наши войска. Теперь Красная Горка снова наша.

Вслед за наступающими войсками вглубь прорыва передвинулась и наша редакция. Теперь мы обосновались вблизи Озерья, примерно в пяти километрах от Красной Горки и в 12 — 15 километрах от Любани.

Как окажется несколько позже, она — самая дальняя точка нашего прорыва в Любанской операции. Ах, сколько крови пролилось в этом пункте, которого нельзя найти ни на одной, даже крупномасштабной топографической карте: Красная Горка — это не населенный пункт, это всего лишь одинокий домик лесника на опушке и до войны он был известен лишь охотникам, забредавшим в эти глухие места.

16 марта.

Ожесточенные бои на всех участках не ослабевают. Усилилось сопротивление немцев. Последние дни особенно свирепствует вражеская авиация. Самолеты бомбят соседнюю деревню, от которой и так ничего не осталось, кидают бомбы в наш лес, обстреливают из пулеметов каждую автомашину, каждого замеченного с воздуха человека. Бомбежка продолжается двенадцать часов подряд — с восьми до восьми. Беспрерывно гудит родное небо, до отказа заполненное вражескими самолетами. Наших самолетов не видно. Едва заходит солнце и прекращаются полеты самолетов, в действие вступает тяжелая артиллерия, расположенная где-то за Ольховкой.

...Весь день сегодня меня томила какая-то неуловимая мысль, словно я должен был что-то сделать, что-то вспомнить, и не мог. Лишь поздно ночью хватился: ведь сегодня день рождения моей Нины. Ей исполнилось двадцать три. В прошлом году после окончания института я — на фронт, она — учительствовать в свою родную Пунему в Вологодской области. Нашу давнюю институтскую дружбу мы скрепили 24 июня, на второй день войны,

Областная газета „Акмолинская правда“ выпустила специальный номер, посвященный бойцам, командирам и политработникам ударных частей нашего участка фронта, героически сражающимся за быстрое освобождение города Ленина от немецко-фашистской осады.

Мы помещаем на этой странице некоторые материалы из специального номера "Акмолинской правды".

МЫ ВСЕМ СЕРДЦЕМ С ВАМИ, РОДНЫЕ И ЛЮБИМЫЕ!

**ВПЕРЕД,
К ПОБЕДЕ!**

...Душевные боины, коими
дымы в политработники
грудь отталкивающие из
шу родную землю, горячо
показавшись нас с XIII
годовалой германской
Красной армией! От нестер-
пимых жидов нам повел
славных побед в оконча-
тельном разлуке в уни-
тарном зомб до единич-
ных захватов.

Мы знаем о великих и
мощных действиях на фронте
нашей отечественной вой-
ны против фашизма.

...борх с нас кривор,
табачка на труба-
...тоу тик жо, пак
а стоде и кулестанко
...котоу фамит-
...варизов, по жо-
...сина, сна н инди-
...визи

Мы предлагаем все ус-
ловия записки, чтобы сию-
час же дать фронту и
раненому хлебу, масла,
овощи, сыра для
комфортности, не-
обходимой для наших са-
нитаров. И в этом го-
ловном деле у нас
полное согласие, о чем
мы сейчас расскажем.

Трудящиеся на-
сти заверяют нас,
на фронтовики,
ре... наша помощь
... самоотверженным
тылу будут еще и
... инициативам. Не
... о нас. Все
... эти необходимые
... развитию Красной
... мы еще должны
... и доброты наших

Нельзя не отметить силу и то, что Освобождение дало земле от феодалов и помещиков. Это были огромные земли, которые разоренные с войны, за пролетариатом наших жён, стариков!

Да хранит вас
любовная Красная
Да хранит вас
кх. генералы !

Газета "

БЕСПОЩАДНО ГРОМИТЕ И УНИЧОЖАЙТЕ ВРАГА

ВОЙЩАМ, КОМАНДИРАМ И ПОДПРАБОТНИКАМ УДАРНЫХ ЧАСТЕЙ

В день ХХУ годовщины героизма Красной армии Виз, славянам, немцам, грузинам отставникам сподать, честь и беззастенчивость нашей армии, ссылающую на свои собственные заслуги, и в то же время не признающей Советов депутатов трудящихся и областной комитет коммунистической партии большевиков Казахстана от имени трудящихся имеет огромный стратегический промах!

Запрещено, что нации должны роготу, будет расти непрерывно, индустриальный, сельскохозяйственный трудом, рабочим, талантами, которые питаются нашей обла-

Председатель исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся **Х. РАМСОВ**.

полить окончательную победу над ненавистным врагом — германским фашизмом.

Под великим знаком Ленина — Сталина, под мудрым руководством гениального полководца Маршала Оберома И. В. Сталина бейтасе мужеством, стойко, славные земляки, бесстрашно гранить и губить бейтасе врага, освободить нашу советскую землю от ненавистных захватчиков.

Да охраняют наша героическая
Рабоче-Крестьянская Красная армия
и ее гениальный полководец великий
Сталин!

Секретарь областного комитета коммунистической партии Владимир Болдыревский. В центре — Ю. КУПАР.

Смелей, друзья, мы победим!

Взлет у ворот. На город	придаст
На город, сражу дорогой,	Топтать народную мо-
Он рвется в прости про-	боды!
ставой,	Как наше сердце тесно
	бьется,

Он хочет варшавской порой Топтать просторы Лешин- града,	Как дышит покаянием кровь.
В бегах сомнамбулы для нас,	Одной семьей, одной мечтой
Но мы остались стальной крепидой,	Лезвием, грозной для врагов,
Встречая грозный восток	Отгнани вражескою тучи От дорог нам дорогих.

Приоткрыл подруги брови,
 Идем на бой за нашу
 За этот город, где слезы
 Всею кровью до камен
 И враг найдет себя не

Звезда свободы запылала.
Нет, черной своре не
Смысли, друзья! Мы по-
бедим.

ПИСЬМА НА ФРОНТ

Занк гордится весь
народ

Материальное присутствие
Полковника Василия

[illegible]

1945 10-11-12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152 153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168 169 170 171 172 173 174 175 176 177 178 179 180 181 182 183 184 185 186 187 188 189 190 191 192 193 194 195 196 197 198 199 200 201 202 203 204 205 206 207 208 209 210 211 212 213 214 215 216 217 218 219 220 221 222 223 224 225 226 227 228 229 230 231 232 233 234 235 236 237 238 239 240 241 242 243 244 245 246 247 248 249 250 251 252 253 254 255 256 257 258 259 260 261 262 263 264 265 266 267 268 269 270 271 272 273 274 275 276 277 278 279 280 281 282 283 284 285 286 287 288 289 290 291 292 293 294 295 296 297 298 299 300 301 302 303 304 305 306 307 308 309 310 311 312 313 314 315 316 317 318 319 320 321 322 323 324 325 326 327 328 329 330 331 332 333 334 335 336 337 338 339 340 341 342 343 344 345 346 347 348 349 350 351 352 353 354 355 356 357 358 359 360 361 362 363 364 365 366 367 368 369 370 371 372 373 374 375 376 377 378 379 380 381 382 383 384 385 386 387 388 389 390 391 392 393 394 395 396 397 398 399 400 401 402 403 404 405 406 407 408 409 410 411 412 413 414 415 416 417 418 419 420 421 422 423 424 425 426 427 428 429 430 431 432 433 434 435 436 437 438 439 440 441 442 443 444 445 446 447 448 449 450 451 452 453 454 455 456 457 458 459 460 461 462 463 464 465 466 467 468 469 470 471 472 473 474 475 476 477 478 479 480 481 482 483 484 485 486 487 488 489 490 491 492 493 494 495 496 497 498 499 500 501 502 503 504 505 506 507 508 509 510 511 512 513 514 515 516 517 518 519 520 521 522 523 524 525 526 527 528 529 530 531 532 533 534 535 536 537 538 539 540 541 542 543 544 545 546 547 548 549 550 551 552 553 554 555 556 557 558 559 560 561 562 563 564 565 566 567 568 569 570 571 572 573 574 575 576 577 578 579 580 581 582 583 584 585 586 587 588 589 590 591 592 593 594 595 596 597 598 599 600 601 602 603 604 605 606 607 608 609 610 611 612 613 614 615 616 617 618 619 620 621 622 623 624 625 626 627 628 629 630 631 632 633 634 635 636 637 638 639 640 641 642 643 644 645 646 647 648 649 650 651 652 653 654 655 656 657 658 659 660 661 662 663 664 665 666 667 668 669 670 671 672 673 674 675 676 677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689 690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702 703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715 716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726 727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737 738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748 749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760 761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771 772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815 816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826 827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837 838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848 849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859 860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871 872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882 883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893 894 895 896 897 898 899 900 901 902 903 904 905 906 907 908 909 910 911 912 913 914 915 916 917 918 919 920 921 922 923 924 925 926 927 928 929 930 931 932 933 934 935 936 937 938 939 940 941 942 943 944 945 946 947 948 949 950 951 952 953 954 955 956 957 958 959 960 961 962 963 964 965 966 967 968 969 970 971 972 973 974 975 976 977 978 979 980 981 982 983 984 985 986 987 988 989 990 991 992 993 994 995 996 997 998 999 1000 1001 1002 1003 1004 1005 1006 1007 1008 1009 1010 1011 1012 1013 1014 1015 1016 1017 1018 1019 1020 1021 1022 1023 1024 1025 1026 1027 1028 1029 1030 1031 1032 1033 1034 1035 1036 1037 1038 1039 1040 1041 1042 1043



Газета "Отвага" за 15.3.1942 г.

Встреча делегатов из Киргизии и Казахстана с воинами армии. Выступает зав.военным отделом Эркешуликского РК КП(б)К Н.Я.Онищенко, за ним справа в ушанке — М.И.Панфилова, секретарь Макинского РК ЛКСМК Акмолинской обл. И.Ф.Иванов, секретарь Акмолинского ГК ЛКСМК Т.П.Головкина.

**Вооружение и военное искусство
есть основа боеспособности армии.
Беречь, как зеницу ока, оружие,
боеприпасы, продовольствие, обмун-
дирование — величайшую народную
ценность.**

Дорогие товарищи!

Братья и сестры, матери и отцы!
С тупах востанавівайце радасць і аздоровленне астротамі жыцця паслання і прыклад жыцця педуч. Ней слас, каб вырваць жы радасць і блізкасць за жыцу заботу а нас.

В решающие дни прорыва наших представителей им было сказано: забудьте на время советского народа о своей армии. История России, да и не только России, не знает столь долгого продолжения единства фронта и тыла, какое существует в нашей советской стране. Бразилия первая и весь наш народ слыли в одно целое, и как бы ни возникали требования фронта к тылу, — они будут выполнены.

Граждане освобожденных советских территорий твердо знают, что своим избавлением от нацистских захватчиков, своей жизнью они обязаны Красной армии. Безграничная любовь и благодарность к родной Красной армии никогда не покинут в сердцах совет-

[illegible]

Клянутся вам, сыны и дочери братских республик, не имея своих сил, будут использовать кровопролитием чужих немцев и немцев немцев, пробираясь к вам на родину. Если понадобится, то мы знаем свою кровь свою кровь и готовы отдать для торжества не без нас людей.

[illegible][illegible][illegible]

Эта позиция материализма — поддержка фронта нации, защита тех, чьим домом была оккупированная земля, — это не только морально, но и политически правильное решение. Оно способствует сплочению народа, разгрома врага, спасает его от гибели.

Наилучшим образом, командир и солдаты должны понимать, что это материальное обеспечение армии должно стать приоритетом, что является внутренним — значащим критерием.

[illegible]

Такие люди, как тов. Фомин, будь они профсоюзными, комсомольскими, заводскими и т. д. должны рвистейшим образом работать над осуществлением своего доброго замысла: коммунистическому делу — над врагом.

Иногда казалось, что случается катастрофа и даже преступление относится к личности внутреннего стана. Отказываясь от ответственности, они аргументируют, что они не агенты, а просто люди, а значит, являются в том же значении, что и все остальные. Но когда они обвиняли в том же значении, что и все остальные, они обвиняли в том же значении, что и все остальные.

30. А та, кто своей бездель-
ностью, попустительством воле-
но был вероломно соотечествен-
никам, и после войны

Безразличия, а также раз-
личия в уровне культуры
и в развитии сельского хо-
зяйства, где, к сожалению,
еще не везде есть достаточ-
ное количество скота, и т.д.



Делегаты из Киргизии и Казахстана с воинами одного из лыжных батальонов.

брачным союзом, надеясь, что этот союз окажется вечным... Не так уж далеко она от меня сейчас, а разделяет нас непреодолимая пропасть. Дай же тебе Господь благополучия, милая моя Нина...

18 марта.

В характере действий враждующих сторон на нашем участке фронта прослеживается любопытная особенность: обе стороны словно бы преследуют одну и ту же цель — окружение.

В то время как мы усиливаем нажим на Любань, немцы сосредоточивают удары по горловине нашего прорыва в Мясном Бору. Кто кого захлопнет? Если нам вместе с федюнинцами удастся соединиться в Любани, то отрезанной окажется сильнейшая часть немецкой группы "Север". Если же нет...

Впрочем, наша армия фактически уже с самого начала действует в окружении. С тылом нас соединяет единственная узкая коммуникация, которая находится под постоянным воздействием врага. Положение немцев выгоднее: они удерживают в своих руках основные железнодорожные и шоссейные магистрали, ведущие к фронту. Им легче маневрировать резервами. У нас — болота и полное бездорожье...

На днях, 15 марта, немцы предприняли очередную атаку в районе Мясного Бора. Девять танков и до тысячи пехоты атаковали наши позиции. Атака отбита с большими потерями для врага. Говорят, что решающую роль в отражении атаки сыграли залпы нашей "катюши". К сожалению, она только и успела дать три залпа. Вражеская авиация нащупала ее с воздуха и вывела из строя.

На второй день немцы возобновили атаки и им удалось захватить деревню Мостки. Более двухсот немецких самолетов участвовали в атаке. Взятие Мостков — серьезная потеря, усиливающая опасность полного окружения нашей армии: ведь это как раз в направлении к Мясному Бору...

20 марта.

Выясняется, что взяты не только Мостки. Взят Мясной Бор, перерезана наша единственная коммуникация с тылом.

Похоже, что командование считалось с такой опасностью, так как все последнее время к нам шел непрерывный поток грузов. Мы не должны оглядываться назад. Что бы ни

происходило сзади, наш путь только вперед — к Ленинграду. Только к Ленинграду! Надо забыть обо всем другом. Любань почти рядом, до нее осталось не более 10-15 километров. Каждый шаг вперед стоит нам колоссальных жертв. Чудовищны и потери немцев. Остервенелые атаки с обеих сторон сменяют одна другую.

На одном участке развороченного железнодорожного полотна, ведущего на север, к Ленинграду, я видел чудом уцелевший семафор, за которым проходят немецкие позиции. Закрытый семафор, словно зловещий символ, преграждает путь к Ленинграду. Неужели нам не удастся открыть этот семафор?..

Позже нам станет известно, что именно в это время, в середине марта, гитлеровское командование создало севернее Мясного Бора мощную ударную группировку, так называемую "группу Венделя", с задачей перекрыть горловину, соединяющую нас с тылом.

С этого времени борьба за горловину становится основной задачей действующих на этом участке сил. Борьба эта ожесточалась с каждым днем, коридор постоянно пульсировал, то сжимаясь, то разжимаясь, то перекрываясь совсем...

22 марта.

Связь с тылом не восстановлена. Это сразу сказалось на обеспечении армии всем необходимым. Один артиллерист рассказал мне, что гвардейский полк "катюш" выведен из боя из-за отсутствия боеприпасов. Большого количества эшелонов, день и ночь шедших к нам по нашей единственной магистрали, с трудом хватало наступающей армии лишь на "одну заправку".

Разведка сообщает о концентрации новых крупных сил противника в районе Мясного Бора. А на севере, в сторону Любани, всю ночь шел бой, отчетливо слышимый у нас. Наши войска отбивают контратаки и сами атакуют, тесня врага. Продвижение вперед на 100-200 метров считается значительным успехом. О каждом таком продвижении немедленно докладывают в штаб.

Вот из очередной сводки, вошедшей в сегодняшний номер "Отваги": "Бойцы командира Ларичева (это наша 92-я стрелковая дивизия), ведя основными силами бои за овладение

первым снеговым валом вражеской обороны, вышли своими авангардными частями вплотную ко второму снеговому валу и прорвались к железнодорожной ветке”.

Дивизия полковника А.Н.Ларичева вместе с дивизией И.М.Антофеева ведет бои в самой дальней точке нашего продвижения к Любани. С таким трудом дается нам каждый шаг вперед. Не рота, не батальон, а целая дивизия своими о с н о в - н ы м и, как сказано в сводке, силами овладевает... одним снеговым валом. И сообщается об этом с нескрываемой радостью, словно бы речь идет о падении крупного вражеского узла обороны. Невольно душу леденит сомнение: сколько таких Любаней лежит на тысячеверстном пространстве захваченной и цепко удерживаемой врагом советской земли? Хватит ли нас всех на это?..

Вместе с Александром Ларионовым, Виталием Черных и Евгением Вучетичем мы побывали в дивизии полковника Ларичева. Возвращались в редакцию на попутной полуторке. Машина ходко бежит по хорошо накатанной зимней дороге. В одном месте машина, не сбавляя хода, переезжает труп уже давно расплющенного в лепешку фашиста. Никто и не подумает (не подумали, разумеется, и мы) отшвырнуть этот труп с дороги. Но прерванный, было, разговор переключился на “запретную” тему: как же все-таки ожесточается и черствеет душа на войне.

Александр вспоминает недавнюю встречу с танкистом, только что вернувшимся из боя:

— В гусеницах танка застряло какое-то грязно-бурое крошево. В этом крошеве я неожиданно замечаю оторванный человеческий палец, бледный, совершенно бескровный. Танкист ветошью обтирает свою машину, еще не успел остыть от возбуждения боя, тоже заметил палец, бормочет себе под нос: “Это ничего, ничего. Это мы сейчас ототрем, почистим...”

У Виталия Черных свой пример своеобразного “солдатского гуманизма”. Недавно ему рассказали в одной из наших частей о таком случае. Боец поймал в лесу трех немцев. Двое из них босые, третий в каких-то опорках. До штаба далеко, — размышляет боец, — все равно не дойдут бедолаги, замерзнут. Босых он пристрелил, а третьего, обутого, доставил в штаб. Отобранное у пленных оружие и документы тоже доставил в штаб...

Да и самому мне припомнилась моя первая встреча с

командиром 366-й стрелковой дивизии полковником С.И.Булановым. Дивизия была только что введена в прорыв на Волхове и устремилась вперед, преодолевая сопротивление врага. Мы шли лесной тропой в штаб дивизии. Мела пурга, и вдруг в этой снежной круговерти я увидел невероятную картину: по обе стороны дороги расставлены торчком, как попало, в самых невероятных позах окоченевшие трупы гитлеровцев. Меня поколебало это зрелище. Испытующе взглянув на меня, полковник беззлобно сказал:

— Полюбуйся. Моих сибирячков работа...

Я подавленно молчал. В том же тоне полковник добавил:

— И то сказать, кто их звал сюда?

Молча мы продолжали путь по этому чудовищному коридору.

— Ну ладно, ладно, — прервал затянувшееся молчание полковник. — Не хмурься, политрук. Не буду тебя пугать. Это ведь не озорство. Похоронная команда собрала их и расставила вдоль дороги, чтобы не занесло снегом... Их же убирать надо...

А потом раздумчиво добавил:

— У русских ведь свое отношение к смерти, святое. Они никогда не шутят со смертью. Даже и с вражеской...

Как-то чудовищно переплетаются на войне, уживаются рядом, не только сосуществуют, а словно бы выделяют друг друга жирным шрифтом добро и зло, неистребимая ненависть и беспредельная любовь. Оба эти чувства перестали существовать в качестве каких-то отвлеченных, рассудочных категорий, превратились в конкретные, осязаемые и ощутимые действия, поступки, мысли. В ожесточенной рукопашной схватке солдат бросается на врага, и если у него выбивают оружие, он душит врага, рвет зубами ненавистное горло или сам гибнет с проклятьями, застрявшими в горле. И посмотрите на этого же солдата, когда он пишет письмо домой — матери, жене, детям своим, или девушке, которую может быть он никогда и не видел...

23 марта.

Первый по-настоящему весенний день. Тает снег, на припеке появляются лужи. Дорога начала проваливаться. Как бы не оказалась эта весна для нас без солнышка...

Тяжелая, судя по свисту снарядов, 155-миллиметровая артиллерия била ночью по нашему расположению. К счастью,

все обошлось благополучно, и сегодняшний номер "Отваги" выпущен в обычное время. В этом номере, между прочим, есть маленькая заметка, как бойцы медсанбата капитана Осадчего за сутки соорудили в лесу баню-землянку, пропускной способностью не менее 150 человек за день. Почти всему редакционному коллективу удалось попариться в этой славной баньке в день ее открытия. Такой редкостной привилегии мы были удостоены за обещание дать в газете информацию о бане. Охотно исполнили это обещание. Даже сообщили, что инициатором и главным организатором работ был повар медсанбата Ф.Ященко. А помогали ему старшина А.Письменный, санитары В.Мятлев и Н.Долженко.

Баня в наших условиях — неоценимое благо. В оставленных фашистами при отступлении землянках и блиндажах мы сталкиваемся с умопомрачительной завшивленностью. Мерзкие паразиты в этих заволховских болотах — сущее бедствие...

В какой-то книжке из нашей походной библиотечки Жене Желтовой попало подходящее случаю описание древнерусской бани.

— Послушай, — говорит она, — как похоже на баню-быстро-стройку нашего санбата: "Бани были деревянные, пережгут люди камня румяно, раздеваются наги и обливаются щелоком. Возьмут прутье младое и бьются едва живы. Обливаются водою студеною и тако оживают..."

Действительно, совпадение почти стопроцентное: и "каменья румяно", и "бьются прутьем пока живы", и обливаются "водою студеною", да еще вдобавок для особо заядлых любителей русской бани — пластунские переползания по снегу (кто дальше?)...

Впрочем прогресс современной цивилизации в банно-прачечном деле все же заметен: вряд ли у наших пращуров были столь современные механизированные дезкамеры (в солдатском просторечии — вошебойки)...

По поводу немецкой вшивости автор подготовленной заметки о бане Александр Ларионов заметил:

— У фашистов таких вошебоек, должно быть, нет...

— Конечно, нет, — горько иронизирует Никитич. — Их ученые заняты изобретением не вошебоек, а душегубок...

В сегодняшнем номере "Отваги" есть еще одна заметочка, в которой тоже чувствуется какая-то особая солдатская смекали-

стость, озорная удаль, умение не теряться в любых обстоятельствах. Шофер Зайцев и старшина Ченцов заметили в расположении врага на окраине деревни бочки с горючим. Охраны вроде бы не видно. В сумерках, на своей машине, не включая фар, они тихо подъехали к складу и начали грузить бочки. Заметив какую-то возню у бочек, один из немцев дал для острастки очередь из автомата. Однако Зайцев и Ченцов не прекратили погрузки. Это, видимо, дезориентировало немцев, и они успокоились. Закончив погрузку, наши бойцы тоже спокойно отправились в обратный путь. Когда фашисты поняли свою промашку, было уже поздно. Машина смельчаков скрылась в лощину и оказалась в необстреливаемом пространстве.

24 марта.

Горестные размышления об окружении. Совсем недавно я рассуждал на редакционной летучке: "Механизм окруженной армии подобен часовой пружине: чем круче ее сжимаешь, тем сильнее должна быть отдача..." Сейчас уже невозможно без смеха вспоминать эти разглагольствования. Связи с тылом все еще нет. С передовых позиций снимается часть так необходимых под Любанью сил и направляется к Мясному Бору, пробивать там треклятую дорогу. Разве это наше дело? Что же делают армии, действующие на наших флангах? У нас ведь совсем другая задача. В оперсводке читаю: наша часть ликвидирует в районе М.Б. (то есть Мясного Бора) автоматчиков, осевших в лесу и срывающих сообщение армии с тылом. Неужели какие-то "автоматчики" удерживают всю армию в окружении? А что же произойдет, если в этот район подойдет свежая дивизия противника, котбрая, судя по той же сводке, перебрасывается в район Мясного Бора? Стоит немцам продержат в своих руках нашу единственную коммуникацию еще несколько дней и у нас, пожалуй, отпадет необходимость тратить здесь свои силы: армия сама потонет в болоте.

Нам надо на Любань! Иного пути у нас нет. Только там возможность победы. Скорее выбираться из болота на твердую землю, на сухие дороги, скорее соединиться с федюнинцами, которые сейчас тоже совсем близко к Любани...

Любань, Любань!.. Никак не могу вспомнить, что говорится в радищевском "Путешествии..." о Любани. Помню лишь, что

есть там такая глава... Вот в кровопролитных схватках у Любани рождается еще одна глава, тяжелая, мучительная, страшная...

После того, как немцам удалось захлопнуть наш коридор в Мясном Бору, они усилили пропаганду, уговаривают сдаваться в плен. То и дело вместе с бомбами с самолетов летят листовки. Не очень-то большие грамотеи сидят там в органах контрпропаганды, да и "аргументы" убогие. "С пленными мы обращаемся справедливо и хорошо... Перебежчики получают у нас особенно хороший приют и увеличенный паек". Не знаю ни одного случая, чтобы кто-то воспользовался этими приманками. Ведь мы же идем по следам оккупантов, каждый солдат видит, что творят они на нашей земле.

На днях развешали на виду у наших буханки хлеба, включили громкоговоритель. Для начала завели музыку, нашу музыку: "Выходила на берег Катюша..." Потом начинается:

— Рус, иди к нам в плен. У нас хорошо. Водки и хлеба вдоволь...

Кто-то с нашей стороны отвечает злой пулеметной очередью. Когда стрельба стихает, немец опять за свое:

— Сдавайся, рус! Все равно вам капут. К нам новое пополнение идет...

Кто-то из наших не выдерживает, тоже кричит, сложив ладони рупором:

— А нам один хрен, какое пополнение бить — старое или новое...

Жаль, однако, что крепкие русские слова нам не удастся подкрепить чем-либо более существенным...

25 марта.

Чудеса храбрости и героизма показывает 327-я дивизия И.М.Антюфеева. Она почти всегда выдвигается на самые решающие участки. На днях гитлеровское радио сообщило об уничтожении этой и нескольких других советских дивизий. Наши сотрудники А.Кузьмичев и В.Черных отправились в "уничтоженную" дивизию, чтобы подготовить материал в газету о том, как реагируют советские бойцы на сообщение берлинского радио.

Бойцам-антюфеевцам действительно есть о чем расска-

зять. Это они прорвали в январе волховские укрепления, штурмом овладели опорными узлами немецкой обороны — Костылевым, Бором, Коломном, открыли путь для стремительного кавалерийского рейда конников Гусева по тылам противника.

Солдаты боготворят своего командира. Антюфеев — чкаловец. Ему 45 лет. Был пастухом, окончил, как говорит сам, ЦПШ. “Думаете, центральную политшколу? — хитро улыбается он. — Нет, церковно-приходскую...” По рассказам солдат, не было случая, чтобы он поклонился вражескому снаряду. На поле боя ходит словно в парке. Живет в жиденьком срубе, постоянно сотрясающемся от бомбежек. Немцы прячутся в блиндажах под семью накатами...

В боях за Красную Горку немцам удалось отрезать один из полков 327-й дивизии (1100-й). Однако через пять дней ожесточенных боев полк вышел из окружения, сохранив оружие и боеспособность.

В редакцию поступили письма-отклики от красноармейцев из дивизии Антюфеева. Одно из них мне хочется сохранить. На обрывке какого-то канцелярского бланка красноармеец Владимир Мальцев написал: “Посылаю вам стихотворение антюфеевцев; быть может подойдет для вашей газеты”. А потом еще приписочка: “На эту же тему пишу поэму, будет готова через две недели”. Вот так-то!

Стихотворение (песня, как ее назвал автор), конечно же не выдерживает строгих литературных критериев. Но как замечательны простые, бесхитростные слова солдата, идущие от самого сердца. Только послушайте:

*Споемте, товарищи, песню свою
Про наши дела боевые,
Как мы, антюфеевцы, били врага,
Давали сраженья лихие.
Как зимней порою, в безлунную ночь
Зло вьюга трепала сугробы,
Как жег нас трескучий январский мороз,
Как рыли в снегу мы окопы.*

Далее в том же духе дается точное описание наиболее памятных сражений дивизии с обозначением места, обстоятельств, времени событий и даже состояния погоды. И после

каждого куплета — энергичный, задорный, озорной припев:

*Антюфеевцы-бойцы - дюже добре молодцы!
Били-били, колотили и в атаку все ходили,
Били пулей и клинком, воротили и штыком.
Эх, как дюже молодцы антюфеевцы-бойцы!*

Черт-те что! Прелесть-то какая! Всегда меня поражает одно обстоятельство: в каком бы крошечном аду мы ни находились, в редакцию не перестают поступать красноармейские письма. И что еще удивительнее: многие из них пишутся стихами. За стихи на фронте очень часто берутся даже те, кто вообще в своей жизни редко держал карандаш в руках. И вот, пожалуйста: "Через две недели будет готова поэма..."

Я бережно храню эти бесценные красноармейские листочки со стихами. Ведь в иных, будничных, условиях чувства не выражаются с такой предельной открытостью и приподнятостью, с такой искренней доверительной интонацией и простотой. Объясняется ли это тем, что авторы этих стихотворений живут в особом эмоциональном настрое, возвышающем их над грубой повседневностью? Или здесь что-то иное?

Вся эта солдатская "поэтическая продукция" на страницы газеты почти не попадает: слишком строги наши заскорузлые издательские требования, а редакционный литправщик так вылизет и выскоблит строки, что и сам автор их узнать не сможет. А ведь нельзя заменять в этих строчках ни слова, ни запятой. Оплошности стиля и грамматики, как это ни странно, придают особую прелесть этим творениям, сообщают им своеобразную окраску, порою дают ключ к пониманию духовного состояния самого автора, взявшегося за столь необычное для него занятие.

Вот в редакцию пришел уже немолодой боец. Рекомендуется: — Ефрейтор Яворский. Стихи вам принес.

Листок бумаги непривычно выглядит в жилистой, огрубевшей руке.

— Стихи... — смущенно повторяет он.

Сам прочитать не решается. Протягивает листок мне.

*Вы не хвастайте успехом,
Что дошли до Ленинграда.*

*Как вы выйдете обратно?
Смерть вас ждет, фрицы поганы,
А не фюрера награда...*

Не правда ли, как хорош этот неожиданный срыв ритма в четвертой строке. Боец словно бы задохнулся от ненависти к врагу, пока еще одолевающему нас. Чувства, переполняющие воина, драматизм происходящих событий заставляет его искать какие-то особые слова и выражения. Право, эти неуклюжие строки солдата куда впечатлительней профессионально вылизанных и выутюженных строк, воспевающих подвиг того же солдата.

Вот еще одна трогательная приписочка к стихам, присланным в нашу редакцию. Она словно и сделана для подтверждения несовершенства посылаемых стихов, но сколько в ней доверчивой искренности: "Составляла лично сама Свердлова Анастасия Александровна на мотив спят курганы темные сонцем опаленные". Так и написано: "сонцем опаленные". Девушка конечно знает, как слабы ее стихи. Но они потому и хороши, что слабы...

Между прочим, стихи бывают и там, по ту сторону фронта. Как раз на участке антюфеевской дивизии, в те самые дни, когда немецкое радио распространяло весть об "уничтожении" этой дивизии, у одного немецкого пленного были найдены стихи — тоже солдатская песня. Не могу избежать соблазна поставить эти солдатские песни рядом.

Начинается песня немецкого солдата весьма тоскливым признанием:

*Ах, были мы дома, досадно не быть там!
Мы сидим в дзотах, без света и тепла.
Наша "выставка" прекрасна:
Взглянешь, — останавливается дыханье.
На высоте под Волховом только лес да снега...*

В том же безнадежном духе песня подводит итог:

*Наш курс здорово снизился,
И в этом виноваты мы сами.
Мы можем только сильно вонять...*

О том, что у противника “курс здорово снизился”, говорится не только в стихах, но и в прозе. В политотделе меня познакомили с документом, по тону своему тоже не совпадающим с победоносными реляциями гитлеровского командования. Это письмо ефрейтора Рудольфа Бока, датированное 24.3.42 года. Он не успел отправить его домой:

“Дорогие родители, братья и сестры! Сегодня уже восьмой день, как мы в бою, и до сих пор обошлось все по-хорошему... Русские со всех сторон постоянно ведут артиллерийский, пулеметный и минометный огонь. Офицеры нам говорят, что здесь заперто до 40 тыс. русских и что они все время пытаются опять прорваться. Но что-то этому плохо веришь. Здесь, кажется, создалась обратная картина...”

26 марта.

Мне довелось побывать в деревне Дубовик. Здесь месяц назад, 26 февраля, погиб наш товарищ — Всеволод Эдуардович Багрицкий. Впрочем, Всеволодом Эдуардовичем он еще и не успел стать. Для всех он был просто Всеволодом, а сам любил называть себя Севкой. Всеволод Багрицкий — первая жертва, понесенная редакцией в этой трижды клятой войне.

В деревне — следы разрушительной бомбежки, той самой, в которой погиб поэт. Я разыскал дом, в котором произошла трагедия. Он уцелел, но насквозь прошит множеством осколков крупной авиабомбы. Этими же осколками был насквозь пронизан и Всеволод. В тот день Багрицкий торопился в Дубовик, чтобы побеседовать с летчиком, сбившим накануне в неравном единоборстве два немецких истребителя. К большому своему сожалению, я не нашел в своих записках фамилии летчика-героя. Он погиб во время беседы вместе с Багрицким. Когда над деревней появились немецкие бомбардировщики, Багрицкий и летчик отошли от окна и сели на пол в простенке. Это была единственная мера предосторожности с их стороны. Мгновенная смерть так и настигла их в этом положении. На бледном лице Всеволода навек застыло выражение удивления или, пожалуй, недоумения, словно в последний миг своей жизни он произнес негромко: “О!”

На сохранившейся у меня карте тех лет крестиком отмечено место могилы Багрицкого. Гроб мы соорудили из случайно уцелевших ворот крестьянского сарая. Никаких других

материалов в выжженных немцами окрестных деревнях нам найти не удалось. Скорбная группа "отважников" собралась в тот день у могилы. Легкий снег падал на землю, оседал на ветвях елей, ложился на лицо поэта и не таял. Это последний чистый дар земли, который Всеволод уносил с собой в могилу. Коротко прозвучал в морозном воздухе нестройный залп наших выстрелов.

Я вечности не приемлю.

Зачем вы меня погребли?

Мне так не хотелось в землю

С любимой моей земли.

Эти немного перефразированные стихи Марины Цветаевой, которые любил повторять Всеволод Багрицкий, вырезал на куске фанеры Евгений Викторович Вучетич.

27 марта.

Серый пасмурный день. Сырой южный ветер несет к нам весну. Она все больше становится владычицей ленинградских лесов и болот. Оседают снег, проваливается дорога. Сегодня я видел стайку белоснежных и, по всей вероятности, уже не нужных теперь аэросаней, грубо сброшенных с дороги.

Появились, как доложил наборщик Лычагин, первые "подснежники": из-под осевшего снега высунулась окоченевшая, сжатая в кулак рука. Чья она? Наш или чужой остался здесь навеки? Рукав лохмотьями свисает вниз...

В стороне от дороги бойцы свежуют труп лошади, убитой осколком. С продовольствием плохо. Подвоза нет. Авиация (стоит отвратительная погода) не в состоянии обеспечить армию нужным количеством боеприпасов и продовольствия. Вместо хлеба стали выдавать сухарные крошки. Меряют их как сыпучие тела — кружкой. Воздухом доставляется даже фураж для конницы.

Невольно вспоминается наш замечательный 170-й полевой автохлебозавод. Он был гордостью нашей армии, хоть экскурсии води. Комиссар хлебозавода Изосимов показывал мне замаскированные в густых зарослях необычные для фронта механизмы и сооружения, затянутые огромными полотнищами брезента защитного цвета. Лишь неповторимый запах

свежевыпеченного хлеба выдавал предназначение этих загадочных сооружений. Хлеб, поступавший из этой чудопекарни, мог поспорить с хлебом столичной выпечки. Говорили, что эта пекарня была дана нашей ударной армии по личному распоряжению Сталина. Солдаты и называли ее не иначе, как сталинской...

Потом настали тяжелые времена. В муку пришлось добавлять размельченную березовую кору, хлебные буханки стали больше похожи на плотные увесистые кирпичи. Потом не стало и такого хлеба...

На фронте вот уже второй день затишье. Перед бурей? Для очередного номера отправил в набор обращение Политуправления фронта к воинам нашей армии: "Не дать немцам удержаться до весны!" От этого зависит судьба всей операции. Но весна не ждет. В штабе говорят, что Ставка без конца торопит нас, ибо каждый день промедления стоит Ленинграду неисчислимых жертв. Скоро вскрыется Ладога, и тогда Ленинград лишится последней своей магистрали, связывающей его с Большой землей...

Сорок лет спустя друг моей давней комсомольской юности Маша Иванова, ставшая уже почтенной старушкой Марией Васильевной, рассказала мне об одном случае из своей жизни, совпавшем по времени с только что приведенной записью из дневника. В феврале 1942 года она сопровождала большую группу детей, эвакуируемых из Ленинграда по Ладожской ледовой дороге.

— По Дороге жизни? — уточнил я.

— По дороге смерти... В нашей колонне несколько грузовиков с ребятами было разбито и потоплено, несмотря на то, что машины шли со знаками Красного креста. Потом мы долго добирались до Челябинска. Власти делали все, чтобы облегчить тяжелое путешествие ребят, но особенно поражало отношение к нам совершенно посторонних людей, оказавшихся поблизости. Узнав, что в эшелоне ленинградские дети, они отдавали ребятам последнее: шарф, варежки, платок, одеяло, талончик на обед...

Справившись с волнением, вызванным горьким воспоминанием, Мария Васильевна закончила свой рассказ:

— На одной станции молодой парень, железнодорожник, дал мне свой талон в столовую:

— Это вам, ступайте, пообедайте.

— Почему мне? — пыталась я возразить. — Нам же выдают...

— Вам, вам, ступайте, пообедайте сами...

В столовой я впервые за много дней увидела себя в зеркале и поняла, почему парень отдал мне свой обеденный талон. Я упала в обморок, увидев свое отражение в зеркале...

30 марта.

Радостная весть: дорога на Мясной Бор вновь пробита. Выясняются подробности недавнего боя. В районе Мясного Бора, как оказывается, действовали не "отдельные группы автоматчиков" (так сообщалось в нашей сводке), а весьма значительные силы. Немцы были уверены, что перешеек прочно закрыт, и поспешили сообщить по радио об окружении 2-й ударной армии и "планомерном" ее уничтожении. Попытки 52-й и 59-й, обеспечивавших коридор, продолжительное время ни к чему не приводили. Затем объединенными усилиями армий, действовавших с востока и запада, задача была решена. Этому в значительной степени способствовал смелый рейд 7-й гвардейской танковой бригады, которая в связи с весенней распутицей переводилась с нашего участка фронта на другой. Танкисты действовали совместно с воинами 24-й стрелковой бригады. Особенно проявили себя роты капитана Ф.З.Семенова и старшего лейтенанта И.Я.Олейника из 2-го танкового батальона 46-го танкового полка.

Появление группы тяжелых танков из тыла, откуда немцы их не ожидали, ошеломило их. Танки шли прямо по орудиям, блиндажам, дзотам, смешивая все. Поддержка артиллерии довершила разгром. Дорога была очищена на сто метров по обе стороны. В последующие дни здесь был разгромлен еще один полк немецкой пехоты. Дивизию, срочно переброшенную немцами в этот район, сковала наша артиллерия, не дав ей развернуться.

Интересны рассказы очевидцев, прибывших к нам на другой же день после прорыва. Вот что говорил комиссар 380-го автобата старший политрук Леонтий Корнеевич Гуйван (может быть Чуйван? Запись в дневнике неразборчива):

— 28 марта перед отправкой в путь командир тыла генерал Анисимов, лично руководивший отправкой первого эшелона машин, собрал всех шоферов и сказал: "Армии, которая действует за этим перешейком, нужны боеприпасы, медикаменты, продовольствие. Их везете вы. 200 машин должны ценой любых усилий проложить себе путь. Прибудет туда 80 машин — отлично, 60 — хорошо, 50 — посредственно. Ехать надо во что бы то ни стало. Пусть хоть одна машина пройдет, она там необходима, ее ждут".

Генерал находился на КП, непрерывно обстреливавшимся вражескими минометами. Он сам руководил отправкой машин, которые пятерками отправлялись в опасный путь. Первой пятеркой руководил младший воентехник Волжанин, я поехал с ним. Едва мы выехали из лесу на дорогу, как с двух сторон начался пулеметный и минометный обстрел. Первая, вторая и третья машина сразу вышли из строя. Пришлось повернуть обратно, подцепив подбитые машины. Через два часа попытка была повторена. Тот же результат.

Третья пятерка отправилась, когда уже стемнело. Не включая фар, с приглушенными моторами машины шли по дороге, изуродованной взрывами снарядов и авиабомб. Полосы трассирующих пуль хлестали по дороге справа и слева. Шоферы не вылезали из кабин. Если машина застревала в воронке, из придорожных канав выскакивали прятавшиеся от огня бойцы рабочего батальона и буквально на руках перетаскивали машину на ровное место.

Застопорил мотор у водителя Мошкина. И так было велико его стремление вперед, что он выскочил из кабины и, не выключая зажигания, стал крутить заводную ручку. Много ли так можно было проехать? Ну, полтора-два метра. Но все-таки это было движение вперед, туда, к вам...

Гуйван рассказывал, что он, уже бывалый воин, не раз побывавший в сложных фронтовых передрягах, никогда еще не видел такой картины разрушения, какую ему пришлось наблюдать в Мясном Бору.

— Мы ехали прямо по трупам фрицев, расплющивая их в лепешку. Кругом изуродованные немецкие танки и орудия, раздавленные дзоты и блиндажи. Никогда не видел столько трупов. Мы ехали дорогой, вымощенной трупами врагов...

Дорога эта пока еще очень узка. Движение возможно

только по ночам. Фашисты не оставляют усилий замкнуть горловину снова.

10 апреля.

Давно не записывал в свою тетрадку. Как-то суматошно проходили эти дни, хотя и значительных событий на нашем участке фронта после восстановления прохода в Мясном Бору не происходило. Попробую, однако, восстановить хотя бы некоторые из событий последних дней.

Мясной Бор и сейчас остается для нас еще не решенной проблемой. Немцы и не думают оставлять нас в покое. Ожесточенные бои в этом узком коридоре не утихают ни на минуту. Мясной Бор уже получил устрашающее наименование Долины смерти...

Активных наступательных действий в направлении Любани не ведется. Обычный огневой бой с противником, действия разведывательных групп, охота (с обеих сторон) за "языками".

Нашим газетчикам удалось проникнуть в штабе, что разрабатывается некий новый вариант наступательных действий в обход Любани. Впрочем, дотошными оказались не только наши газетчики. Тайные замыслы наших стратегов и для немцев являются не более чем секретом полишинеля. После двух-трех дней затишья немцы выдвинули на передний край радиоустановку, и началось:

— Думаете, что мы не знаем о готовящемся новом ударе? Хотите врасплах застать? Ну, ну! Старайтесь! Пожертвуйте еще одну-другую тыщонку солдатских душ...

Голос диктора противный, чужой, хриплый. Говорит картавя и заикаясь, словно и сам чего-то боится...

На другом участке (у полковника Антюфеева) группа немцев поднялась в полный рост и направилась к нашим позициям, горлая во всю глотку:

— Рус, давай брататься!..

Растерявшиеся командиры не знают, что предпринять, запрашивают Антюфеева. Тот тоже не знает, сообщил в штаб армии.

Ни о каком братании, разумеется, не может быть и речи. Ответ однако был достаточно вежлив:

— Брататься будем в Берлине, а теперь предлагаем вам сдаться в плен...

Нет, немцы 1942 года еще не расположены сдаваться в плен,

их пришлось отпугнуть пулеметным огнем. Жестоко, конечно, но что же поделать? Ведь немцы еще хозяйничают в нашем доме. Какое может быть братание с разбойником? Впрочем, мне рассказали, что и стрельба с нашей стороны оказалась достаточно милосердной: ни один из немцев, пришедших "брататься", не пострадал...

В борьбе за деревню Ручьи немецкие контратакующие части пустили дымовую завесу, которую наши солдаты приняли за газовую атаку. По команде они надели противогазы. Так был отмечен этот факт в оперативном донесении штабному. На другой день оказалось, что это была не дымовая завеса. Химзавод, обследовавший участок, обнаружил следы какого-то ядовитого, слезоточивого газа. Сейчас это сообщение проверяется. Неужели немцы начинают химическую войну? И именно на нашем участке фронта?...

В районе боевых действий нашей армии еще до того, как она прорвалась сюда через Волхов, активно действовали партизаны. Они и сейчас оказывают армии большую помощь. Становятся известными многие факты подлинного героизма наших партизан в тылу врага.

В декабре под Любанью действовала группа разведчиков в составе всего двух человек — 74-летней финки Веролайнен и 15-летней русской девушки Нади Беловой. У группы было странное наименование — "Стармал". Произошло это так: руководитель разведки Ленфронта, знакомясь с документами готовящейся к выброске в тыл противника группы, сказал: "Ну, что ж! Старый да малый? Так и назовем..."

Сначала предполагали выбросить группу на парашютах. Старая женщина усомнилась в своей храбрости, но согласилась сделать пробный полет на самолете, первый в своей жизни.

— Нет, — сказала она после полета. — Это не для меня. Я приземлюсь мертвой.

Тогда был разработан вариант (к слову сказать, не менее, если не более опасный): с посадкой самолета в тылу противника.

К счастью, все обошлось благополучно. И вот старая женщина и ее юная помощница приступили к работе. Они вязали шерстяные теплые носки и продавали их местным жителям. Охотно покупали носки и оккупанты. Финское происхождение старой женщины помогало ей входить в доверие к немцам. Вместе с Надей они

добывали ценные разведывательные сведения и передавали их командованию с помощью рации, хранящейся в лесном тайнике.

По возвращении из вражеского тыла обе разведчицы были награждены орденами Красной Звезды.

Господи! Да разве они не заслуживали звания Героев Советского Союза!

15 апреля.

Каждое утро выходит в свет чистенький и опрятный номер "Отваги". Читатель не подозревает, скольких усилий стоит каждый номер коллективу, его создавшему. Если бы он увидел вымазанных и прокопченных в дымной землянке наших наборщиков Голубева, Холодова, Левина, Купорева, которые, не считаясь ни с чем, по 16-18 часов в сутки стоят низко склонившись над наборными кассами, он не поверил бы что именно они и сделали эту чистенькую газету, которая принесла сегодня утром самые свежие новости. Читатель не знает, что вчера ночью печатники Лакин и Смолин не прекратили работы, когда в расположении редакции стали рваться вражеские снаряды. Они торопились отпечатать газету...

Впрочем, что же это я так, читателя-то... Ведь наш читатель тоже не бросается в щель от первого выстрела. Именно об этом и говорит каждая строка нашей газеты. Дай Бог нам самим оказаться достойными нашего читателя, его повседневного, будничного подвига, который он творит неустанно, даже не задумываясь о том, что творит подвиг...

Рано утром к нам приехала странная колымага. Лошадь запряжена в какую-то самодельную волокушу. Первобытное это сооружение — единственный вид транспорта, при помощи которого только и можно передвигаться по нашим болотам. Тяжело дыша запавшими боками, лошадь остановилась возле машины, вывешенной на подпорках-сваях. Два человека, с ног до головы промокшие и вымазанные болотной грязью, бережно сняли с волокуши что-то тяжелое, завернутое в мешковину, и так же осторожно понесли в наборный цех. Это наши соседи — "Боевая кавалерийская" — газета одной из дивизий генерала Гусева. У них выведена из строя печатная машина. За полтора десятка километров они возят к нам по болотам сверстанные полосы и печатают газету у нас. Редактор этой газеты — наш давний друг и коллега Ксен Крылов, приехавший с формами

очередного номера "Боевой кавалерийской", привез нам свои новые лирические стихи. Завтра мы дадим их в газете:

*Полночь. Не смыкая глаз,
О тебе мечтаю.
Может, ты не спишь сейчас,
Может, спишь — не знаю.
Врыта в землю глубоко
Тесная землянка.
Далеко ты, далеко,
Радость-северянка.
Далеко Двина-река,
Ты того далече.
Но коль так, то пусть близка
Будет наша встреча.*

На улице настоящая весна. Потоки внешней воды затопили все. Из палатки в палатку в нашем лагере приходится пробираться по торчащим из воды кочкам. Дорога на Огорели совсем расплылась. Прилетели жаворонки. После ужасающего грохота последних дней, непрерывного воя пикирующих бомбардировщиков установилась удивительная, прямо-таки невероятная тишина. словно не доверяя этому неожиданному диву, Женя заворожено шепчет слова ленинградского поэта Александра Прокофьева:

*Вот тишина,
Возьми ее и трогай...*

Ладошки Жени подняты вверх, словно она ловит легчайшие пушинки одуванчика или теплые капли первого весеннего дождя. Кто-то, подчиняясь очарованию минуты, мечтательно замечает:

— Скоро соловьи прилетят.

Наборщик Иван Иванович Голубев приземляет мечтателя:

— Это какие соловьи? Двухмоторные, трехмоторные?

16 апреля.

Работой газеты постоянно интересуется дивизионный комиссар

Иван Васильевич Зуев — член Военного совета нашей армии, прибывший к нам из 4-й армии. Герой гражданской войны в Испании, удивительно деятельный и сердечный человек, он сразу стал любимцем всех политработников армии, да и солдат тоже. Редактор часто бывает у него и у начальника политотдела армии И.И.Гаруса, и по их рекомендации наши корреспонденты вовремя оказываются там, где происходят наиболее интересные и решающие события. Оперативный состав редакции — Николай Родионов, Александр Ларионов, Борис Бархаш, Лев Моисеев, Александр Кузьмичев — поддерживают постоянную связь с членом Военного совета и Политотделом, и газета никогда не страдает от недостатка самой свежей боевой информации.



Политрук М.Залилов (Джалиль)

На днях наш редакционный коллектив пополнился еще одним новым сотрудником — приехал Муса Джалиль, известный татарский поэт, который производит впечатление серьезного и энергичного журналиста. В редакцию его привез из Малой Вишеры Лев Моисеев. Они знакомы еще по совместной довоенной учебе в МГУ. Лев Александрович отзывается о нем в высшей степени похвально. Сейчас он знакомит Залилова с редакционным коллективом, представил его в политотделе, вместе они ездят в подразделения и части армии.

В газете особое место принадлежит боевому отделу. Возглавляет этот отдел Николай Никитович Лихачев или Никитич, как его привыкли называть в редакции. Никитич — единственный в редакции сотрудник, имеющий систематическую военную подготовку и опыт работы в красноармейской печати. Все материалы о боевой деятельности войск армии проходят, как правило, через него. А наиболее ответственный материал в газете — оперативная сводка “На нашем участке фронта” — готовится лично им. Составляя сводку, Никитич долго изучает карту, сопоставляет данные, полученные в штабе, с заметками наших корреспондентов, с вчерашними и позавчерашними сводками. Динамику боя, своеобразную пульсацию фронта на нашем участке он знает и чувствует не хуже любого штабиста. Материал Никитича наши редакционные шутники именуют “Малой сводкой Совинформбюро”, впрочем, именуют с достаточной долей почтительности, так как знают свою полную зависимость от Никитича, когда несут ему свои материалы. Беседы с Никитичем для наших газетчиков — самое изнурительное испытание, которого они боятся, пожалуй, хуже, чем вражеских бомбежек.

Вот и сейчас перед Никитичем беспокойно ерзает на стуле наш самый плодовитый и самый оперативный репортер Миша Каминер.

— Не торопись, не торопись,— притормаживает его Никитич. — Вот ты пишешь, что батальон имярек занимал позицию на самом важном участке. Покажи мне этот участок на карте. Что-то не совпадают твои сведения с теми, что я получил в штабе.

И бедняга Каминер, после долгих и тщетных ползаний по карте, покаинно признается, что “решающий участок” он подпустил “для пущей важности”.

А вот Никитич сам корпит над какой-то корреспонденцией и время от времени удовлетворенно бросает в пространство свой излюбленный боевой клич:

— Огоньку! Перчику!

У Никитича удивительная способность отключаться во время работы от всего на свете и в то же время каким-то непостижимым образом не терять связи с внешней средой, даже как-то реагировать на происходящие вокруг него события, не отдавая себе отчета в этом.

Вот в землянку спустилась Женя с ворохом очередных корректур. Заметив атмосферу всеобщей сосредоточенности, она шепчет мне:

— Хочешь, заведу пластинку?

Догадавшись о ее озорном замысле, я молча киваю головой. Женя негромко, словно бы про себя, запевает:

— Утомленное со-о-лице...

Волшебный автомат Никитича немедленно срабатывает, и он подхватывает песню:

— ...нежно с морем прощалось.

Теперь ему долго не освободиться от этой песенки, вернее, именно от заданной ему строки: "Утомленное солнце нежно с морем прощалось..."

Он вряд ли и знает этот "сердцещипательный романс" до конца, но это и не имеет значения, ведь он поет, сам не замечая этого, он по прежнему сосредоточен на своей заметке, и если что-нибудь у него не ладится, и он начинает без конца зачеркивать, заменять зачеркнутое и снова зачеркивать, все это немедленно отражается и на его песенке, словно на заедающей патефонной пластинке:

— Нежно с мо..., нежно с мо...

Теперь его уже не остановить. По крайней мере до тех пор, пока он не покончит с незадавшейся строкой в заметке. Остановить нельзя. А вот "переключить" можно. И когда "нежно с мо..." достаточно надоедает находящимся в землянке, Женя или кто-либо другой легко "меняет пластинку":

— Когда я на почте служил ямщиком...

Сосредоточенно грызя кончик карандаша, Никитич немедленно подхватывает:

— Был молод, имел я силенку...

Теперь он готов хоть до вечера хвастаться своей, увы, уже увядающей молодостью и силенкой...

В обязанностях наших "отважников" все как-то странно перепутано, все не по штату, почти каждый может заменить каждого. "Налет гражданской шелухи", как когда-то в самом начале существования нашей ополченской дивизионки определил наш редакционный сатирик Марк Геллер, так и не слетает с нас. Профессор-философ Борис Бархаш охотно едет к авиаторам, чтобы рассказать о подвигах летчиков. Филолог Лазарь Борисович Перльмуттер чаще других усаживается по ночам принимать по

радио официальные материалы для армейских газет: его поразительная пунктуальность оберегает нас от каких-либо досадных промахов при приеме важных сведений по радио. Он же нередко исполняет и обязанности корректора. А наш штатный корректор Женя Желтова, в недавнем прошлом — студентка института журналистики в Ленинградском университете — нередко выпрашивает у меня разрешение на поездку в часть, и тогда в газете появляется корреспонденция, которой могли бы позавидовать многие наши газетчики, но не делают этого лишь из профессиональной гордости.

Тема ее недавнего выступления в газете — самодеятельный концерт артиллеристов, на котором она побывала. С большой теплотой рассказывает она о войнах старшего политрука Б.Басса (являющегося, кстати, нашим активным военкомом), которые создали коллектив художественной самодеятельности и в редкие минуты фронтового досуга радуют бойцов своими концертами. Рассказ о замечательных плясунах, певцах, декламаторах Женя удачно сочетает с рассказом о их еще более замечательных боевых делах. Короткая и яркая концовка: "После концерта землянка мигом опустела. Бойцы расходятся к батареям. Оббитые хвоей грозные и невидимые для врага стоят орудия. Бойцы занимают свои места. Сейчас они дадут новый концерт — концерт артиллерийской музыки".

Но у Жени есть еще одно занятие, которому она охотно посвящает свободные минуты между читками корректур. Не уступая в язвительности Виталию Черных, она любит изображать в легких шутливых строчках подсмотренные ее лукавым оком сценки из нашего редакционного житья-бытья.

Вот тихим ранним утром наша дружная редакционная семейка живописно расположилась возле редакционных машин, спрятавшихся под деревьями и замаскированных хвойными ветками. Последнее время нам редко удастся встречаться вот так, всем вместе. Большую часть времени наши корреспонденты находятся в частях, ненадолго возвращаются в редакцию, чтобы освободиться от своих блокнотных записей, и снова разъезжаются по частям.

Хорошая погода выманила из землянок даже наборщиков. Они пристроили свои наборные кассы на самодельных козлах под деревьями.

Завязывается неторопливая общая беседа. В какой-то связи

Муса Джалиль упоминает Омара Хайяма. Вспоминаются другие великие имена древности. Виталий Черных не упускает случая затеять очередную дискуссию, на этот раз имеющую явно восточную окраску.

Мирный спор неожиданно прерывается вражеским воздушным налетом. Возникла общая суматоха, невольный трагикомизм которой немедленно улавливает Женя. И вот на листочке бумаги стремительно ложатся ее размашистые строки (листочек этот у меня сохранился):

*Виталий Иванович, спасения ради,
Забыл про Хафиза, Джалиля, Саади.
Он восклицает:*

— Бомбы и мины!

Мины и бомбы!

Наверно не выжишу,

...сойду с ума...

*Ах, где вы, вишерские времена,
800 граммов хлеба
и даже*

стопка вина?..

Не помню, как чувствовали мы себя под бомбежками в Малой Вишере, где мы квартировали недалеко от железнодорожной станции, не знавшей ни днем, ни ночью покоя от вражеских бомбардировщиков. А вот как вела себя хозяйская кошка, хорошо помню. В нашем доме она первая угадывала каким-то своим особым чутьем приближение немецких стервятников. Она очень боялась бомбежек, хорошо различала звуки моторов наших и немецких самолетов. Еще не слышно гула моторов, еще молчат сирены воздушной тревоги, а наша Муська уже забиралась в самый дальний угол под кроватью и от страха пускала там лужу.

— Муська! — спохватывалась хозяйка. — Ты где? Под кроватью? Так и есть! Значит, опять летят, паразиты...

Бросив возню у печки, хозяйка спешила во двор, где у дровяного сарая была вырыта щель.

Женя хотя и приписывает Виталию Ивановичу тоску по "вишерским временам", но и ей, и всем нам эти вишерские времена представляются здесь, за Мясным Бором, чем-то невероятно далеким, безмятежным и неповторимым...

17 апреля.

У нас — новый командующий — генерал-лейтенант А.А.Власов. Командарм Н.К.Кликов заболел. Вучетич, вернувшийся из санчасти, куда он сам обращался за медицинской помощью, узнал, что заболел командарм серьезно и, по-видимому, надолго. У него что-то вроде эпилепсии. Очень жаль нашего командарма. Все, кто встречался с ним, отзываются о нем с большой симпатией. У нас в редакции так и остался его не использованный клишированный портрет, который мы берегли для торжественного события — прорыва блокады Ленинграда...

19 апреля.

В свой "Отваге" мы сразу поместили биографическую справку о новом командарме. Биография его весьма впечатляющая.

Родился в 1901 году в селе Ломакино Горьковской области, в семье крестьянина-кустара. До 1920 года учился, получил высшее специальное образование. С 1920 года непрерывно в рядах Красной Армии на должностях красноармейца, курсанта, командира взвода, роты, батальона, полка, дивизии, корпуса. Участвовал в гражданской войне. После гражданской войны командовал 99-й стрелковой дивизией, занимавшей первенство в РККА по боевой подготовке.

На фронте с первых дней Великой Отечественной войны, командовал механизированным корпусом, оборонял Киев. В дни контрнаступления под Москвой командовал армией, участвовал в освобождении Солнечногорска, Волоколамска, Шаховской. Середы.

Перед назначением в нашу армию был заместителем командующего Волховским фронтом. Имеет награды — орден Ленина, Красного Знамени и медаль "XX лет РККА".

Новый командующий производит любопытное впечатление. Обращает на себя внимание прежде всего его самоуверенность и властность. Наше редакционное знакомство с ним началось с весьма забавного случая: с ним нечаянно столкнулись на дороге наши корреспонденты — Лазарь Борисович Перльмуттер и Виталий Иванович Черных. Это наши трудно поддающиеся "военизированию" и, как правило, редко бреющиеся "отважники". Командарм остановил их, строго спросил, кто они такие. Филолог постарался отпаротовать, как мог, а Виталий Черных

тем временем пытался спрятать свою щетину за спиной филолога. Узнав, что перед ним журналисты армейской газеты, Власов заметно подобрел, сам отрекомендовался, не упустил случая заметить, что он любит журналистов, и распорядился передать редактору, чтобы тот явился к нему на следующее утро.

В назначенный час Николай Дмитриевич явился к командарму. Власов добродушно пригласил его к завтраку с блинами ("Сейчас мы масленицу устроим") и начал разговор о вещах, казалось бы имеющих весьма отдаленное отношение к нынешнему положению армии. Он говорил, что надо лучше браться за партийную и пропагандистскую работу, наладить питание солдат ("Это безобразие, что в красноармейской столовой нет соли"). На шесть часов вечера он назначил совещание начальников отделов в политотделе.

Любопытное для нового командующего начало. Словно у армии не предвидятся боевые дела... Кто видел Власова раньше, говорят о его недюжинных способностях, считают его широкообразованным, культурным военачальником. До войны ему довелось быть военным советником в кабинете Чан Кай-ши, за что был награжден китайским золотым Орденом Луны ("130 грамм чистого золота" — не без гордости сообщает он). Орденов не носит. Заметно стремление казаться человеком широкой души, демократом славянофильского типа. Первым здоровается с встречаемыми красноармейцами.

20 апреля.

На вчерашнем совещании в политотделе Власов произнес речь, сразу предупредив, что это первое и последнее совещание. Будет беседовать только индивидуально. Рассказал о встрече со Сталиным в самые тяжелые для Москвы ноябрьские дни 1941 года. Власов, контуженный под Киевом, переживал, как он рассказывает, самые страшные дни после сдачи врагу столицы Украины, где он командовал механизированным корпусом.

— Я хандрил и по-стариковски брюзжал. Никто не навещал меня в госпитале, я ничего не знал о судьбе своего корпуса. Перед падением Киева я видел, как плакал Хрущев, и сам не мог перенести горечь утраты. Я чувствовал, что заболел надолго...

Однажды утром адъютант доложил мне, что в госпиталь звонил Сталин и, узнав, что я сплю, не велел меня беспокоить и просил передать, что интересовался моим здоровьем, что

хотел бы меня видеть в Москве, как только я буду чувствовать себя лучше.

— Конечно, — с пафосом восклицает Власов в этом месте своего рассказа, — на другой же день я был здоров!

— В Кремле мне пришлось ждать минут пятнадцать, — продолжает Власов. — Секретарь Сталина извинился передо мной и сказал, что Сталин лег только в семь утра и просил разбудить его ровно в десять. Ровно в десять Сталин принял меня. Он был свеж, подтянут, бодр. Только худоба и совершенно седые волосы свидетельствовали о том, как ему нелегко.

— Ну докладывайте, — обратился ко мне Иосиф Виссарионович.

Я растерялся. Докладывать мне было не о чем. Я не знал даже судьбу своего корпуса. Сталин, видимо, почувствовал мое состояние.

— Ну, тогда я доложу...

И он подробно рассказал о положении на фронтах, о моем корпусе, о повсеместном отступлении наших войск. Удивляла его осведомленность. Он все хорошо знал. Дислокация не только армий, но и дивизий ему известна. Знает на память множество имен командиров.

— Рассказ Сталина удручил меня, — продолжал Власов. — Я сидел, понуро опустив голову, а Сталин ходил по кабинету, дымил своей трубкой и тоже молчал. Потом он посмотрел на меня и уже совсем по-новому, оживившись, заговорил:

— Чего нос повесил, генерал? Наступать скоро будем! Да! Да! Наступать! Тут под Москвой и начнем наступать. Тут начнем разгром немцев. Вы знаете, как иногда бывает на состязаниях: бежит спортсмен, уже недалеко заветная ленточка. Вот-вот он ее порвет. Но в самый последний момент он сдает, не хватает духу. И его обходит сзади бегущий. Так будет и с немцами. Мы не упустим этого момента, генерал, мы ждем его, ловим. Он должен вот-вот наступить. Наполеон тоже говорил, что в войне бывает момент, когда может не хватить духу. Нам надо уловить этот момент... Только вот не помогаете вы мне, генералы, опыта не передаете. А мне сейчас нужен военный опыт, я же штатский человек. Все в писанине приходится ртыться...

— Перед тем, как я приехал в вашу армию, — продолжал Власов, — я совершал инспекционную поездку по другим армиям фронта. И надо вам сказать, что больших беспорядков, чем в вашей армии, я не видел нигде. Нет дисциплины. А ведь в этом самое

главное. Единственное, чем сильна немецкая армия и чем она нас бьет, это — дисциплина и организованность. Надо уметь воевать без паники. Надо создать спокойную обстановку на фронте. Только тогда можно нормально работать. Надо учиться у Сталина спокойствию и выдержке даже в самые тяжелые времена. Чем сложнее обстановка, тем лучше должны быть условия, способствующие спокойной работе...

Речь командарма свободная, видимо, не подчиненная какой-либо заранее намеченной схеме и словно рождающаяся из экспромта, легко переходила с одного предмета на другой, порою утрачивала логическую связь, но слушать его было интересно и сам оратор, чувствовалось, понимал это.

— Командир должен быть отцом родным для бойцов. Солдат должен знать своего командира. Моему отцу уже более восьмидесяти лет, но попробуйте ему сказать, что раньше в армии были муштра и мордобой. Спросите его о командире, он и сейчас готов жизнь за него отдать. “Человека любить надо”, — говорит мой отец и всегда вспоминает такой пример из своей солдатской жизни. Один солдат проворовался. За воровство полагался военный суд и тюрьма. Построил командир свой полк и обратился к солдатам: “Этот мерзавец украл у своих же. Что, солдаты, прикажете делать? Суду предать или самим расправиться?” Солдаты молчат. Командир повторил вопрос. Тогда кто-то из строя подал голос: “Будь отцом родным. Сами расправимся...” Полковник засучил рукава и со всего плеча врезал провинившемуся. Два зуба выбил и родным отцом остался. Вот так-то, любить человека надо...

— Задачи нашей армии, — снова возвращается генерал к теме своего доклада, — остаются те же. Мы должны помочь Ленинграду. Но сейчас мы будем решать частные задачи. Что будем делать дальше — пока не скажу. Дел хватит. А сейчас будем действовать здесь. Меня спрашивают, будет ли у нас пополнение? Будет! Жалуются некоторые товарищи, танков, мол, нет. А я знаю, что поля Удмуртии изборожжены гусеницами танков. Страна готовит могучие резервы. Армии, дивизии во множестве готовятся к боям. Весной будут вести наступление и они и мы. Их силам, как бы они ни были велики, мы должны противопоставить в достатке свои силы.

Свою речь на том совещании Власов кончил весьма картинно:

— Я начну с дисциплины и порядка. Никто не уйдет из моей

армии просто потому, что ему захотелось уйти. Люди моей армии будут уходить либо с орденами на повышение, либо на расстрел...

Полубовавшись произведенным эффектом, он добавил:

— Относительно последнего я, конечно, пошутил. Сам не люблю эту меру, но предупреждаю, что сурово буду расправляться с любыми проявлениями недисциплинированности.

Приведу еще одну запись из дневника о встрече с командующим в изложении нашего философа Бориса Бархаша, который чаще других сотрудников "Отваги" встречался с Власовым, так сказать, "в домашней обстановке", даже, приходилось, в шахматы с ним играл.

— Как у нас бывает почти всегда, — толкует командарм. — Командир думал, думал, а на утро собрал своих бойцов, сорвал шапку с головы и с криком: "Ура! За Родину!" побежал впереди всех в атаку. Я запрещаю это делать! Нет, ты накануне доползи на брюхе до каждого бойца, расскажи ему о предстоящей атаке, сам осмотри местность, по которой пойдут люди, а раз уж начался бой — сиди на КП и руководи боем. Генерал нам обходится дороже, чем солдат. Солдата можно в две недели подготовить, а генерала — десяток лет потребуется. Правда, у нас сейчас такое положение, что боец нередко — профессор (Власов испытующе поглядел на корреспондента: он знал, что Бархаш пришел в народное ополчение с должности профессора философии. К тому же, вероятно, и партия за шахматной доской складывалась не в пользу командарма), и тем не менее жизнь генерала на войне дороже жизни профессора-солдата...

...Так записывал в своем дневнике младший политрук Виктор Кузнецов. А старик Кузнецов, которому известна последующая судьба генерала Власова, окончившего жизнь позорной виселицей, задается сейчас вопросом: неужели для него, для редактора, для Бориса Бархаша, для всех "отважников" были незаметны тогда и очевидное честолюбие Власова, и его позерство, его хвастливость, пристрастие к краснобайству? Нет, не видели мы этого, да и могли ли видеть? Ведь он пришел командовать армией в ореоле только что отгремевшей Московской битвы, героем которой он был (во всяком случае, не стеснялся выдавать себя таковым).

Да и не так-то проста судьба любого предательства, чтобы замечать его со стороны, в самом зародыше. Вполне можно допустить, что предательство Власова и для него самого явилось катастрофой, крушением всех его честолюбивых устремлений, вскормленных блистательной предвоенной карьерой. Как это ни парадоксально, он тоже своеобразная жертва войны, так безжалостно корежащей людские судьбы. Не всякому дано выдержать в ее лютых тисках, как это сумел сделать, скажем, Муса Джалиль — солдат той самой армии, которой командовал тогда генерал Власов, и который попал в плен к врагу тогда же вместе со своим командармом.

Легко также допустить, что совершенно иначе могла сложиться вся последующая судьба Власова, если бы Любанская операция окончилась не катастрофой, а успехом. Ничто не мешало бы тогда дальнейшему стремительному взлету служебной карьеры Власова, не в малой степени определявшейся и ранее недюжинными способностями его красноречия, лицемерия и двуличия.

Любые слова и речи проверяются делом, только делом и ничем иным. И каждый получает по заслугам. История уже вынесла приговор предателю, он получил свое. И тщетны нынешние попытки некоторых историков (а вернее, политиканов) "переосмыслить" Власова, оправдать измену своей Родине и своему народу.

21 апреля.

Наступательные возможности армии, видимо, подошли к концу. После неудачных попыток прорваться к Любани через Красную Горку был предпринят удар на д.Ручьи. Он оказался для врага неожиданным, и деревня была взята сравнительно легко. Но что же произошло дальше? Вместо того, чтобы немедленно закрепиться на новом рубеже, командиры дали волю солдатам и многие из них принялись обшаривать захваченные блиндажи в поисках барахла и шнапса. Стоило появиться четырем пикирующим бомбардировщикам, и деревня снова оказалась в руках фашистов.

Почти то же произошло и в деревне Кривино. Части Веденичева заняли ее, но потом оставили якобы из-за невыносимого огня противника. А разве наш артиллерийский огонь был для обороняющихся менее опасен? Однако немцы не убежали от него, их выковыривала из блиндажей и окопов наша пехота...

Конец — делу венец. Похоже, что такая трудная, но успешно начатая на Волхове операция уже не увидит достойного конца. Наши части теряют свою ударность...

Но как же тяжело оставлять мысль о наступлении. Мы были так близки к цели. “Остался еще один стремительный бросок вперед на крупный узел сопротивления немцев, и выстрелы наших орудий, пулеметов, винтовок сольются в единый победный хор с героическими залпами бойцов города Ленина. В нашей воле, в наших силах ускорить соединение с героями-ленинградцами”. Так писала наша армейская газета несколько дней назад. И это не были просто слова. Артиллеристы подполковника М.Б.Фридланда (18-й артполк РГК) уже обстреливали Любань из своих восьмитонных 152-мм гаубиц. Наши разведчики разглядывали в стереотрубу окраины Любани. До нас доносились звуки артиллерийской стрельбы федюнинцев, атакующих Любань с северо-востока, увы, тоже безуспешно...

После падения Красной Горки наша редакция, оказавшаяся в Озерье слишком близко к передовой, вернулась на прежнее место в районе Огорели.

На днях Перльмуттер и Муса Джалиль присутствовали на допросе пленных. Лазарь Борисович, хорошо знающий немецкий, спросил пленного летчика, каких классиков немецкой литературы тот больше всего любит. Словно не поняв вопроса, летчик недоуменно пожал плечами. “Гете, Гейне, Шиллер?” — подсказывает Джалиль. Пустое дело! Взгляд гитлеровца совершенно равнодушен. Летчик только что переброшен на Волховский фронт из Франции и знает только одно: убивать. Некоторые из пленных также новички на нашем фронте: прибыли сюда из Европы и составляют весенние резервы Гитлера.

Муса Джалиль словно бы даже огорчившийся за духовное убожество гитлеровцев, написал злую сатиру, которую мы дали в газете. Стихи так и названы — “Весенние резервы Гитлера”. Вот несколько строк из них:

*Не резервы это — мразь,
Мокрый снег, отбросы, грязь.
Ведь весной все утекает,
Что земле дышать мешает...*

ПЕРЕПИСКА С РАНЕНЫМИ БОЙЦАМИ

Здраствуйте боевые фронтовики, бойцы, командиры и политработники! Шлю вам пламенный привет. Сообщаю, что мое здоровье хорошее. С нетерпением жду дня, когда я снова вернусь к вам и буду бить фашистских врагов. Моя рука, не потерявшему твердая рука будет работать так, как еще не работала до этого. Желаю вам лучших боевых успехов. До скорого свидания. Крепче бейте фашистов!

Это письмо прислал в свою часть из госпиталя артиллерийский разведчик, отличившийся в боях и награжденный орденом боевого «Красного знамени», боец тов. Ваньков. Полевая почта почти ежедневно приносит комиссару артиллерийской части тов. Байраману письма от раненых бойцов, находящихся в госпиталях. Простыми и теплыми словами бойцы рассказывают о хорошем уходе за ними, об обстром выздоровлении, о желании как можно скорее вернуться в строй. С особой жаждой они расспрашивают о боевых делах части. Всем известный в части своей храбростью и умением раненый командир орудия П. Емельянов пишет:

«Товарищи, желаю вам всем отличного боевого успеха и победы над фашистами. Бейте их в пух и в прах, гоните их, чтобы не погнали они нашу ценную нашу землю. Как только выздоровлю, я тут же вернусь в свою часть и буду еще крепче и беспощаднее бить фашистов из своей пушки».

Такие же письма прислали в часть бойцы и командиры тт. Сорокин, Самохвалов, Шарин и др.

Письма боевых товарищей коллективно читаются в подразделении. Разрешены также личные приветствия и письма призыва к борьбе за освобождение нашей родины. Часто читаются письма стихийно переписанные в госпиталях на материи, тряпках, выражающие свою преданность родине и кланяющиеся доверию своих товарищей боевыми делами. Боец друг Ванькова разведчик тов. Пудовкин, выступая после того, как было прочтано письмо его товарища, сказал:

— Я буду действовать в бою так же храбро и мужественно, как действовал мой друг. Я отомщу за каждую каплю крови моих товарищей...

Вскоре тов. Пудовкин показал это на деле, блестяще выполнив боевой приказ и проявив при этом мужество и героизм, за что представлен к правительственной награде.

Иногда в письмах раненые бойцы обращаются к своему комиссару с теми или иными просьбами. Командование части быстро удовлетворяет все просьбы. Так, по просьбе одного бойца комиссар принял на себя заботу о его семье, связанной по этому вопросу с райкомом партии. Секретарь райкома сообщил в часть, что семья этого бойца окружена заботой: дети обеспечены обувью, одеждой и продуктами, устроены в школу и т. д.

М. ЗАЛИЛОВ

Между прочим, эти стихи Джалиля и его заметка о переписке раненых бойцов были опубликованы в газете 19 апреля, тогда же, когда была напечатана и биографическая справка о нашем новом командаре.

Таким образом, волею судеб, в один и тот же день — 19 апреля 1942 года, на страницах нашей "Отваги" впервые сошлись два имени — Власов и Джалиль, теза и антитеза, два прямо противоположных своей полярностью явления, — одно из которых навеки стало символом самого черного и подлого предательства, а другое превратилось в сверкающую легенду мужества, воли, непоколебимой стойкости и преданности своему святому делу защиты свободы и независимости нашей Отчизны...

История любит подобные лобовые противопоставления. И Власов, и Джалиль почти одновременно прибыли во Вторую ударную, одновременно и в одинаковых обстоятельствах оказались во вражеском плену, оба погибли мученической смертью — один под ножом гильотины, другой в петле на виселице... Но какая же бездна разделяет ниши, занятые ими в человеческой истории!..

22 апреля.

В постоянных перемещениях с места на место приходится время от времени освобождаться от всякого накопившегося хлама, без которого можно обойтись. Заглядываю и в свою полевую сумку, которая тоже пухнет да пухнет. Вот какой-то блокнот с полустершимися карандашными записями. Что там? Ах, это кажется о первых днях существования нашей "Отваги". Как же это было? С трудом разбираю свои собственные записи, которые воспринимаются сейчас как события безмерно далекого прошлого:

"Конец октября 1941 года. После выхода из окружения на Западном фронте наша походная типография около двух недель находилась в селе Михайловском под Подольском. Наши автомашины ремонтировались в местном автобате, а мы, чтобы не тратить времени попусту, выпускали свою дивизионку, которая, увы, не доходила по назначению: наша 5-я дивизия народного ополчения дралась в это время в окружении под Боровском. Газету мы делали на Варшавском тракте и распространяли среди войск, без конца следующих и к фронту

и от фронта.

Ник.Дм.Румянцев уехал в Москву (теперь она рядом), чтобы выяснить дальнейшую судьбу нашей редакции. 25 октября он прислал мне коротенькую записочку:

"Тов.Кузнецов!

Вчера в 20.00 был принят полковым комиссаром т.Пановым (заместитель т.Баева). Приняли очень приветливо. Предложено составить и представить список работников газеты и типографии к 12.00 с коротеньким докладом для получения назначения для деятельности газеты.

Газету без меня не выпускать. Ждать меня. В случае необходимости выезд может быть только по указанному

мною адресу: Кропоткинская, 10 (там размещался Центральный кабинет редакторов при Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП/б/ — В.К.) Вместе с т.Перльмуттером постараюсь выехать сегодня, если не задержится оформление документами от Главного Политического управления РККА.

Еще раз. Газету без меня не выпускать.

Н.Румянцев. 25.X.41. 9.15."

Ну как же выбросишь эту записку? Ведь это же, можно сказать, наш паспорт — день рождения нашей "Отваги". Даже время указано — 9.15.



Николай Дмитриевич Румянцев — батальонный комиссар, первый редактор газеты "За Отечество" (позднее — "Отваги").

Что же еще в этом блокноте?

“С 1 по 5 ноября мы пробыли в Москве. Наша дивизионная газета превращена в армейскую. Сообща придумали и название новой газеты. Хорошее название — “Отвага”. Сейчас едем в Алатырь — в глубокий тыл, где формируется 26-я резервная армия.

Алатырь, Алатырь! Вот и еще один городок, о котором я ничего не знаю. Припоминается какой-то фольклорный “Бел-горюч камень”, но имеет ли он какое-либо отношение к городку, куда мы едем? Ведь тот “Бел-горюч-камень” был вроде бы “на Море-Окияне, на острове Буяне”, а этот очень далек от любого “Моря-Окияна” и притулился в самой что ни на есть равнинной части России — Чувашской республике. К тому же еще, “остров Буян” был, кажется, страной вечного лета. А тут кругом снег, снег, чем дальше, тем больше снега...

Едем своим ходом — на машинах. Москва — Владимир — Горький — Арзамас... В Горьком нас застала вражеская бомбежка. Как оказалось, это была первая бомбежка города. Она вызвала среди горьковчан большой переполох. Ведь город считался в таком глубоком тылу. По дороге, на восток тянутся толпы горожан, перепуганных, с наспех собранными в узлы пожитками, с детьми, на санках. Некоторых взяли к себе в машины...

Ночь с 7 на 8 ноября провели в Борисовке, большом и странно разбросанном селе, в котором нам удалось даже выпить в честь Великого Октября... И на нашей улице будет праздник...”

Несколько страничек в блокноте совсем стерлись, не прочесть, а вот довольно разборчиво:

“18 ноября. Тихий вечер в тихом провинциальном Алатыре. Деревья окутаны пушистым снегом. В темноте мы с Вучетичем пробираемся на Кировскую, 19. Там живет удивительный человек, известный вероятно всему свету график и гравер Федор Степанович Быков. Более сорока лет не расстается он с резцом. Его многочисленные ученики на фронте. Школа, некогда созданная Федором Степановичем, теперь перестала существовать. Федору Степановичу здесь, в эвакуации, помогают его дети — сын и дочь. Но работы сейчас нет. До войны Федор Степанович заканчивал серию гравюр для юбилейного академического издания “Кентерберийских рассказов” Дж.Чосера, но война прервала эту работу.

С грустью перебирает Федор Степанович ватманские листы с превосходными рисунками. “Пригодятся ли?”

Мы приняли Федора Степановича в редакцию на временную работу, пока находимся в Алатыре. Надо было видеть, с какой детской радостью встретил этот уже пожилой человек сообщение, что мы сможем платить ему из расчета восемьсот рублей в месяц. На этот раз, когда мы пришли к нему, он весело сообщил:

— А мы сегодня на радостях даже обед приготовили..."

Нет, думаю я, листая блокнот дальше. Жалко выбрасывать, нельзя...

Вот еще запись:

"30 ноября. Семья скульптора Георгия Ивановича Мотовилова приехала в Алатырь после московской паники 16 октября. Уехали из Москвы впопыхах, не захватив с собой ничего. Вучетич мне рассказал, что Мотовилов большой мастер монументально-декоративной скульптуры, известен как оформитель нескольких станций метро в Москве (в частности, станции Комсомольской). Узнали от Федора Степановича, что скульптор заболел, и решили навестить его. Он тоже временно работает в нашей редакции, и я искренне полюбил этого человека с чистой, открытой и наивной душой романтика.

Живут они в бедной и грязной избе. Радужно встречают нас, усаживают на лавку "в переднем углу". Шея у Георгия Ивановича закутана теплым женским шарфом, на ногах какие-то чудовищные самодельные мокасины из кусков войлока, скрепленных сверху обрезками ковровой дорожки. Пьет чай из металлического стаканчика от бритвенного прибора, чай, разумеется, без сахара, мокровный...

Вместе с Мотовиловым приехала сюда и его лучшая ученица — Галина Озолина. Она тоже скульптор, талантливая ученица большого мастера. Галина очень красивая и стройная девушка. Вучетич сказал мне потом, что ее фигура, изваянная в скульптуре Георгием Ивановичем, украшает цоколь высокого здания на углу улицы Горького и Тверского бульвара. Я помню эту скульптуру, она мне очень нравилась. Москвичи в шутку называли ее "Московской троеручицей" из-за развеваемого вместе с взмахом рук длинного шарфа. И вот я вижу перед собой "Московскую троеручицу" в натуре. Вместе с Мотовиловыми она стойко переносит тяжести бездомной эвакуации, старается помогать старикам, чем может. Ежедневно ходит на работу в загородный колхоз, подает снопы в молотилку, перебирает картофель, таскает мешки. Руки без привычки в кровавых мозолях. Рассказывает



Г.И. Мотовилов, 30.11.41

Портрет В.А.Кузнецова, сделанный Г.И.Мотовиловым
На снимке: Е.В.Вучетич, Г.И.Мотовилов и Ф.С.Быков.

мне: обратилась раз к парню, запрягавшему лошадь:

— Вася, не подвезешь ли до города?

— Сама дойдешь, не ба-рыня..."

Итак, в Алатыре в нашей редакции судьба свела замечательных деятелей советского искусства — превосходного графика и гравера Федора Степановича Быкова, мастера монументально-декоративной скульптуры Георгия Ивановича Мотовилова, Евгения Викторовича Вучетича, пока еще младшего в этом созвездии, Галину Озолину, детей Федора Степановича, тоже художников.

Пожалуй, многовато не только для одной редакции, но и для всего Алатыря...

С удовольствием включаю в свою подборку сохранившиеся у меня рисунки этих полюбоившихся мне своей сердечной добротой людей.

Федор Степанович дал много полезных советов нашему начинающему граверу Вучетичу, подарил ему бамбуковые плашки, набор разнообразных резцов, взамен самодельного, изготовленного Евгением Викторовичем из обломков спицы от зонтика. Не было конца радости у Евгения Викторовича от такого щедрого подарка.

Портрет летчика 704-го легкобомбардировочного авиаполка нашей армии сержанта Суворова — первая настоящая гравюра, сделанная для нашей "Отваги" Федором Степановичем.

А первый опыт гравирования на бамбуке настоящими, а не самодельными резцами,



Летчик сержант Суворов.

Гравюра Ф.Быкова.



Евгений Викторович решил испытать при изготовлении экслибриса для меня. Приступая к работе, Евгений Викторович попросил меня назвать "тему" экслибриса и его точный размер, заметив, что "это так полагается". Я покорно исполнил требования строгого мастера. "Темой" я избрал развалины какой-нибудь древней крепости или замка с непременным обитателем этих развалин — совой или филином.

Евгений Викторович долго измерял линейкой указанный мною размер экслибриса, а потом удивленно промолвил: "А ты знаешь, ведь у тебя получилась золотая пропорция. Это очень трудно сделать на глаз, требуются очень точные измерения..."

Я и теперь не знаю, что такое "золотая пропорция"...

Алатырь мы покидали в первых числах декабря. Вот и записи об этом:

"Снова на Запад. Едем под Москву. Из Алатыря окольными путями мы прибыли в Коломну. Нашей армии предстоит мстить за позор, испытанный нами здесь в октябре..."

Первые радостные известия о первых наших победах под Москвой. Вот он, праздник на нашей улице!

Девушка в столовой, радостная, веселая, подает чай, доброжелательно жалуется:

— Уж вы извините. Чай у нас не настоящий. Малиновый...

Напрасно звучит в ее милом голосе виноватая интонация: чай отменный, давно такого не пили..."

В Коломне, однако, стояли мы недолго. Вероятно первоначальный план Ставки по использованию нашей армии в контрнаступлении под Москвой был изменен, и нашу армию, еще не успевшую сосредоточиться здесь, срочно перебрасывают куда-то в объезд Москвы на север.

Вот еще несколько страничек в блокноте:

"14-16 декабря. Опять в дороге. Воскресенск, Егорьевск, Куровская, Орехово-Зуево, Ростов. Каким-то весьма запутанным маршрутом мы движемся в северном направлении. В Ростове простояли сутки, ожидая разрешения на Ярославль.

Большой пульмановский вагон, в котором мы едем, день и ночь полон жизни. На половине, где расположились наборщики и печатники — веселье, песни, пляски, кошачьи концерты. Евгений Викторович Вучетич пленил всех своей действительно



В.А.Кузнецов, Н.Румянцев, М.Геллер у эшелона.

артистической трескотней на ложках, заменявших ему кастаньеты. На другой половине — “у интеллигентов”, как всегда иронизирует наш поэт Марк Геллер,— не умолкают ученые споры о чем угодно — о главной идее пушкинской трагедии “Моцарт и Сальери”, о роли Игоря Северянина в русской поэзии, о тысячах других, теперь уже никому не нужных предметов.

Впрочем, заразительное веселье первой половины вагона вскоре перетягивает к себе одного за другим и наших “интеллигентов”...

“Дни проходят в обычных дорожных хлопотах: воспользовавшись кратковременной остановкой, надо успеть заготовить в лесу дров для нашей “буржуйки”, сбегать за продовольствием по аттестату. Румянцев умудряется и в дороге выпускать на нашей американке листовки со сводками Совинформбюро, принятые накануне Лазарем Борисовичем по радио. Если этого не удастся, то Валя Старченко отпечатывает на машинке две-три закладки этих сводок, и мы пускаем их по вагонам. К нашему вагону уже привыкли, как к некоему центру информации, и на каждой остановке со всего эшелона бегут посыльные: что новенького?

Сегодня новое радостное известие: 16 декабря освобожден



Снова в дороге. В дверях вагона М.Геллер, Л.Перльмуттер, Н.Румянцев, Е.Желтова.

город Калинин. Освобождена моя родная Тверь! Возле нашего вагона, у запущенного на полную силу приемника, пожалуй, единственного во всем эшелоне, состоялся импровизированный летучий митинг..."

Еще страничка:

"Разъезд 277. До Ярославля всего лишь четыре километра, а мы уже вторые сутки стоим и ждем, когда нас смогут принять на Всполье. Вечер я провел в комнате у дежурного по станции. На мраморном щите мерцают разноцветные огоньки автоблокировки. Все пути забиты. Военские эшелоны, вероятно, поважнее нашего, безостановочно следуют один за другим почти без интервалов..."

Наш редакционный фоторепортер А.Соркин и в дороге не дает своему аппарату лежать без дела.

Этот снимок сделан на одной из длительных задержек по дороге на Волховский фронт.

Вероятно, какой-то дорожный эпизод, наблюдаемый нашими "отважниками" из своей теплушки, был на самом деле весьма забавным, если даже наш филолог Лазарь Борисович, обычно сдержанный и уравновешенный в проявлении эмоций, застигнут

фотокамерой весело смеющимся...

“Интересно наблюдать “поведение” поездов на железнодорожных путях, ведущих к фронту. Вот товарный состав долго торчит где-нибудь на запасном пути, какие-то командиры то и дело бегают к начальнику станции, коменданту, трясут перед ним какими-то важными документами, требуют, ругаются, грозят. Начальник устало отруливается, пытается объяснить что-то не желающим ничего слушать командирам. Наконец товарняк ставится на погрузку. Теперь очередь торопить и ругаться переходит к начальнику станции и его команде. Но вот тяжело нагруженный состав выходит на



В.А.Кузнецов. Ярославль. 21.12.1941 г.

магистраль и, стараясь наверстать упущенное, стремительно пускается в путь, не останавливаясь на промежуточных станциях, лишь дробно погромохивая на стыках и оглашая окрестности протяжными и требовательными гудками — сигналами своей торопливости.

Недолго задерживается поезд и при разгрузке. Лишь только состав оказывается на товарной платформе, как из него выскакивает множество людей, с опечатанных дверей срываются пломбы, из утробы вагонов выбрасывается, выкатывается, вывозится все, что подлежит разгрузке. На платформе образуется беспорядочная свалка всевозможных предметов. Облегченный состав также торопливо исчезает, а не успевшие еще прийти в себя от лихорадочной суматохи люди начинают разбираться со своим грузом, готовя его к дальнейшей транспортировке на грузовиках, тягачах, конных подводах, а то и на своих загорбках...”

Судя по блокнотным заметкам, в Ярославль мы прибыли

вечером 18 декабря. Уже ночью добрались до редакции "Северного рабочего", гостеприимный редактор которого тов.Кашин предоставил в наше распоряжение пресс-комнату. Именно здесь мы узнали, что 26-я резервная армия решением Ставки преобразована во Вторую ударную. Узнали также, что наша дальнейшая боевая судьба будет связана с судьбой Ленинграда. Воодушевлению нашему нет предела. Еще бы! Едем к Ленинграду, едем наступать! До этого мы только отступали, позорно отступали...

"22 декабря. Сегодня самый короткий в году и самый хлопотливый у нас день в Ярославле. Уезжаем отсюда. Погрузка в эшелон назначена на 24.00. Перед отъездом успел послать письмо Нине: "Теперь путь дальше. Пожелай мне счастливого пути, Нина. Из всех путей, пройденных мною, это будет самый трудный и самый ответственный. Путь наступления!"

28 декабря. Вчера приехали на место. Поздно ночью выгрузились на станции Бурга. Сейчас полным ходом готовим к выпуску первый номер "Отваги". Редактор побывал у командующего нашей армии генерал-лейтенанта Г.Г.Соколова. Николай Дмитриевич в восторге от командарма. Потрясая довольно объемистой пачкой листов, он объявляет:

— Печатать будем, Виктор! — Это наш командарм написал!..

Листки оказались рукописью нашего командарма, составленной в духе суворовской "Науки побеждать". Они и стилизованы явно "под Суворова". Именно это привело в восторг нашего романтика-редактора...

Долго хранилась эта забавная рукопись в редакции, но, к сожалению, не сохранилась. Я приведу лишь выдержку, приведенную К.А.Мерецковым в его воспоминаниях, отлично характеризующую литературный стиль и "воинский дух" готовящегося к схватке с врагом нашего первого командарма:

"1. Хожение, как ползание мух осенью, отменяю и приказываю впредь в армии ходить так: военный шаг — аршин, им и ходить. Ускоренный — полтора, так и нажимать.

2. С едой нелажен порядок. Среди боя обедают и марш прерывают на завтрак. На войне порядок такой: завтрак —

затемно, перед рассветом, а обед затемно, вечером. Днем удастся хлеба или сухарь с чаем пожевать — хорошо, а нет — и на том спасибо, благо день не особенно длинен.

3. Запомнить всем — и начальникам, и рядовым, и старым, и молодым, что днем колоннами больше роты ходить нельзя, а вообще на войне для похода — ночь, вот тогда и маршируй.

4. Холода не бояться, бабами рязанскими не обряжаться, быть молодцами и морозу не поддаваться. Уши и руки растирай снегом."

Мы не успели напечатать в "Отваге" новую "Науку побеждать". Иные уже были времена на дворе, и бравых призывов, будь они еще вдохновеннее, было явно недостаточно для одоления противостоящего нам врага.

В ходе первых же дней начавшегося 7 января наступления генерал Соколов проявил явную неспособность руководить войсками армии и был заменен генерал-лейтенантом Н.К.Клыковым, до этого командовавшим 52-й армией на нашем же Волховском фронте.

После Бурги мы вскоре перебрались в Малую Вишеру, незадолго до того освобожденную нашими войсками. В Малой Вишере располагался и штаб Второй ударной.

Когда войска нашей армии прорвались за Волхов, наша редакция устремилась вслед за ними: бездорожье затрудняло связь газеты с войсками, нам следовало быть поближе к своим солдатам.

"...Дорога наступления — тоже страшное зрелище, Ни-на. С застывшими от ужаса и ненависти сердцами мы наблюдаем еще дымящийся прах родных деревень. Все разрушено, искорежено, сожжено. Тысячи немецких трупов на дорогах (их не успевают убирать). В легких летних шинелях, пилотках и кожаных сапогах они лежат на трескучем морозе скрюченные, словно им и после смерти невыносимо холодно. Живые цепляются за тепло, не хотят бросать уцелевших домов, блиндажей, землянок. Но их выкуривают отовсюду, и они гибнут и от лютых морозов, и от пуль. И от пуль, и от морозов гибнут и наши люди..."

* * *

Вернемся однако из краткого путешествия по блокнотным

страничкам конца 1941 года к апрелю 1942 года, уже явно обозначавшему не только затухание наступательной операции, но и грозные предвестники близкой катастрофы.

23 апреля.

Первый весенний дождь... После погожих и ясных дней, установившихся за последнее время, западный ветер нагнал свинцовые тучи, и они кропят сейчас теплыми каплями. Стаял почти весь снег. Лишь на северных склонах кое-где остались замусоренные пятна снега. Капли дождя приятно шуршат о туго натянутое полотно палатки.

Виталий Черных взял горсть теплой влажной земли, хорошо, по-мужицки, сказал: "Сейчас бы не воевать, а землю целовать..."

Но земля лежит мертвая, непривычно чужая. Сгнили копны неубранного хлеба на прошлогодней ниве, некому обрабатывать родную землю, нечем засеивать ее...

Вести с переднего края мало утешительны. У нас затишье, но и удар федюнинцев на Любань не увенчался успехом. Бой там еще продолжается. Видимо, Федюнинский пытается обойти Любань с флангов...

Свои дневниковые заметки я пишу обычно поздно ночью, когда заканчиваются хлопоты по выпуску очередного номера газеты, в притихшей ночи хлопотливо затарахтит движок, и на приемный талер печатной машины лягут первые свежие газетные листы. Для газетчиков нет, кажется, большей радости, чем держать в руках этот первый оттиск завтрашнего номера газеты. Утром опять кипение жизни, споры с корреспондентами по поводу их материалов, шум ближнего боя, самолеты, артиллерийские обстрелы... А сейчас — тишина. Такая редкая на фронте и такая благодатная...

Иногда на поздний огонек тянутся сюда и другие сотрудники, не связанные с выпуском газеты. Вот и сегодня у юлинского автобуса (так называют наш наборный цех по имени водителя этого автобуса Юлина) собрались несколько человек, сидят, покуривают, тихо беседуют. Размечтались о будущем. Женя без труда определяет даже и "точную" дату этого будущего:

— Энский год, энское число! Вот и кончилась война! Первые дни тишины. Не слышно воя бомбардировщиков, они снова, как до войны, спрятались где-то в секретных ангарах, стали военной тайной. Танки теперь видим только на военных парадах... И

странным, и непонятным кажется исчезновение всего военного из жизни...

Критически оглядев свои вдрызг разбитые сапоги, добавляет уже иным, задорным голосом:

— Надену платье вместо гимнастерки, тонкие чулки, модные туфли. Завью волосы...

Александр Ларионов иронически развивает мечтания Жени:

— А я вернусь домой, вырою во дворе блиндаж и поселюсь там, не боясь никаких бомбежек и обстрелов...

25 апреля.

Ребята у нас в редакции славные, но и за ними глаз да глаз нужен. То и дело в их творениях попадаются вот такие перлы:

“...Медсестра шарахалась от куста к кусту, подбирая раненых и делая им перевязки...”

Или:

“...Политрук Тюлин заметил торчащие из кустов тощие ноги в желтых стоптанных сапогах.

— Немец! — догадался политрук.

Незаметно подкравшись к немцу, Тюлин стремительно бросился на фашиста, схватил его за волосы и, подняв с земли, наставил на него пистолет.

— Сдавайся, негодяй! — закричал политрук...”

Бывает и похлеще. Вот кое-что из творений нашего обаятельного М.:

“Отважный сапер рубил топором, не обращая внимания на ураганный обстрел. Не раз (“не раз” зачеркнуто, вместо этого вставлено: “Время от времени”) осколки мин вышибали из его рук топор, но он подхватывал его на лету и снова принимался за работу.

— Вражеские уловки провалятся, — думал про себя храбрый сапер, и звон топора сливался с противным визгом падающих мин.”

Право, хоть отдел пародий заводи для наших “отважников”. Нет, никогда этим “шараханьям от куста к кусту” не стать документами истории. Документами истории станут другие материалы, подобные, например, письму, которое я буду хранить, пока живу. Оно написано на двух листочках из школьной тетрадки, видимо, очень жестким карандашом (слова еле проглядывают

на бумаге, читаются с трудом). На конверте вслед за номером полевой почты обозначено: "получить Клокову Никите Филипповичу". Не буду поправлять в этом письме ни слова, ни буквы, ни знака.

"...От супруги Анны И. Посылаю своему мужу Никиту Филипповичу. Еще кланюся дочка Маничка и дочка Настенька, посылают своему тятяке ниски поклон, еще кланются кума Соня и бабушка, посылают горячий привет, еще кланится теща Авдотья Борисовна и Орина здочкой посылают горячий привет своему зятю. Дорогой супруг Никита Ф., просим тебя пропиши чево у тебя, болеет стара рана или вновь ранен, пропиши. У меня корова пока цела, сена я накосила несколько, додут или нет не знаю. Мы тебя ждем домой к Октябрьской. Мы живем пока хорошо, работы хватает досыта, день и ночь, а кушать нипроси. Картошки нарыла мало, а про хлеб сам знаешь как дают. Деньги я получила все 400, благодарю за эти деньги. Еще просим тебя Никита Ф. присоветуй нам чево нам делать, корову держать или продать, мы сами не знаем, у нас голова кружеца, неским посоветоваться. Еще пропиши ты от нас письма получаешь или нет. Мы тебе услали много писем, у нас из армии домой никто не пришел, из родных от кума Кости нет слуху, от Тимофея тоже нет слуху, от Гаврила тоже нет слуху другой год. Лобанов Николай дома работает в Мелеузе.

Еще кланится кума Авдотья Петровна и здетками посылают горячий привет. Я работаю в совхозе (далее четыре строки вычеркнуты цензором, вычеркнуты старательно — не прочтешь; уж что там за секреты могла выдать Анна Ивановна?)... пока досвидания, остаемся все живы и здоровы, тово и тебе желаем."

До полутора десятков имен родственников названо в этом письме, и все одни женщины, иные "здетками". Лишь один мужик значится живым, а о других упомянутых только и сказано, что о них "другой год нету слуху", живы ли, нет, все на фронте...

Заключительные строки этого поразительного документа военного лихолетья надо бы выделить аршинными буквами.

Вот они:

“ПЛОХО ВЫ ВОЮИТИ, ДОЛГО ВРАГА ТИХО ГОНИТИ. ГОНИТИ ВЫ ЕВО ЧТОБЫ ДУХ ЕВО НЕ ПАХ НА НАШЕЙ ЗЕМЛЕ. ЗАКАНЧИВАЙТЕ СКОРЕЯ ВОЙНУ, ИДИТЕ ДОМОЙ.”

Ах, как еще далеко нам до дома!

27 апреля.

Кончилась тишина. Последние дни на нашем участке фронта отмечены значительной активностью гитлеровцев. Они оказывают давление с двух сторон: в районе Еглино — самом дальнем пункте нашего прорыва в западном направлении — и в сторону Новой Деревни. На востоке не переставая грохочут орудия. Чуть свет с запада потянулись немецкие самолеты, летят к Мясному Бору. Что там происходит? Залилов отправился в штаб за последними сообщениями с фронта, но еще не вернулся.

Платформу Еглино противнику удалось блокировать. Долгое время ее удерживали 35 наших воинов. Кроме них было еще 15 раненых. Не дождавшись помощи, все они с боем вышли из окружения и вынесли раненых. Всех до единого... А на другой день наши наблюдатели видели, как на платформе Еглино немцы играли в футбол...

1 мая.

Вышел праздничный четырехполосный номер “Отваги”. В нем опубликован первомайский приказ войскам армии, подготовленный дивизионным комиссаром И.Зуевым. Напечатано обращение комсомольцев и молодежи столицы к комсомольцам нашего фронта. “Замечательные дела комсомольцев волховских рубежей,— говорится в обращении,— будут вписаны золотыми буквами в славную летопись борьбы народов нашей Родины за свою независимость, за разгром гитлеризма”.

“Воины Ударной, вперед к Ленинграду!”— призывает газета.

В ту пору мы, конечно, не могли знать, что уже было очевидным для командующего фронтом. За несколько дней до праздника, 24 апреля, К.А.Мерецков докладывал в Ставке:

— Вторая ударная армия совершенно выдохлась. В имеющемся составе она не может ни наступать, ни обороняться... Если ничего не предпринять, то катастрофа неизбежна...*)

Не знали мы еще и того, что с 30 апреля армия по приказу командующего Ленфронтом генерала М.С.Хозина перешла к обороне и уже начался отвод по намеченному плану...

Нашему печатнику Сергею Михайловичу Лакину удалось совершить разве только не чудо: на плоскочечатной машине, совершенно не приспособленной к разноцветной печати, он ухитрился выдать номер газеты в двух красках. Через всю полосу прямо по тексту — алое полотнище флага, прикрепленное к красноармейскому штыку. Вучетич долго трудился над этим замыслом и, надо отдать ему должное, гравюра получилась на славу. Двухцветная газета, выходящая в окружении, — это что-нибудь значит! Мне уже приходилось замечать волшебное влияние газетного листа в критических ситуациях: раз газета выходит, значит еще не так плохи дела, значит все идет своим чередом, значит существует порядок. А тут еще и в двух красках...

3 мая.

На днях побывал в 13-м кавалерийском корпусе генерала Гусева. Гусевцы прославились своим стремительным рейдом по тылам врага в самом начале операции, а сейчас ведут ожесточенные бои на самых ближних подступах к Любани.

Поездка к гусевцам огорчила множеством фактов беспечности, совершенно недопустимых в нынешней обстановке. В оперативном отделе штаба корпуса, стоило лишь отрекомендоваться корреспондентом "Отваги", как начальник отдела (я встречался с ним впервые), не спросив удостоверения, охотно ознакомил меня с боевой обстановкой, дислокацией частей и подразделений корпуса. То же произошло и в отделе разведки. По дороге от штаба до штаба корпуса (это более 20 км) никто ни разу не остановил, не потребовал пароля и пропуска. А ведь уже не раз появлялись в нашем расположении и вражеские лазутчики, и автоматчики, и "кукушки", и диверсанты...

От поездки к гусевцам у меня сохранились два любопытных документа — опросные листы военнопленных, захваченных на

*) Мерецков К.А. На службе народу. М., Политиздат, 1970, с.282.

гусевском участке фронта.

Допрос вел офицер разведотдела корпуса И.И.Левин. Он еще совсем юноша, задача у него не так-то проста. В беседе с пленными надо получить, вернее добыть (недаром в разведке существует особый термин — добывание сведений) любые данные, которые в какой-то, пусть самой малой, степени будут полезными для штаба, планирующего боевые действия. Допрос пленного — это кропотливая, сложная и, можно сказать, нудная работа.

Не пропускается без внимания ни одного слова, ни одного жеста пленного. Ничто не берется на веру, все проверяется и перепроверяется, сличается с другими сведениями и документами, которыми уже располагает разведка. Учитывается любая мелочь, ибо только из мелочей и удастся слепить мозаику общей оперативной обстановки. Эта обстановка находится в постоянном движении, ежечасно, ежеминутно меняется. И нет конца-края в работе разведчика, обязанного держать свой штаб в курсе самых последних новостей в полосе своего участка фронта.

Только эта цель и стояла перед разведчиком, допрашивавшим пленного. Вероятно, ни о чем ином не думал и я, присутствуя на допросе. Передо мной находился враг, который должен рассказать, что делается там, у них, меня интересовало, как выглядит этот враг, о чем он думает, что замышляет против нас. Вероятно, именно в этом духе я использовал показания пленного и в своих газетных корреспонденциях...

Но вот прошло полвека с той поры. И в этих случайно сохранившихся у меня опросных листах я вдруг обнаружил новый, неожиданный срез войны, скрытый в ту пору от моего внимания. Теперь я увидел перед собой не врагов, которых я люто ненавидел и должен был ненавидеть, а самых обыкновенных людей, которые не по своей, а по чьей-то чужой воле оказались в этих гнилых болотах Заволховья. Что им здесь нужно? Зачем они пришли? Они и сами не смогли бы ответить на это!

Где-то в архивах быть может сохранились подобные опросные листы, их можно раскопать, вытащить на свет Божий, задуматься о прошлом... А мне и сейчас не хочется расставаться именно с этими двумя листочками, в которых так нечаянно отразились на фоне всей громады войны две крохотные пылинки, две единичные человеческие судьбы, две жизни,

вырванные из привычной среды какой-то неведомой для них самих силой и безжалостно исковерканные колесницей войны.

Читаю эти опросные листы и словно заглядываю в узкую щель через линию фронта, вижу кусочек реальной войны в районе никому неведомой теперь деревеньки Глубочки, на подступах так и не взятой нами тогда Любани.

Вот что содержится в первом документе:

“Опросный лист военнопленного рядового Франца Шольца, взятого в плен 30 апреля 1942 года в 1 км юго-западнее отметки 43,3 (недалеко от деревни Глубочка).

Родился в 1921 году в д.Шерскендорф(Силезия). Мясник. Родители землепашцы, имеют 112 моргенов земли.

Призван в армию 6 февраля 1941 года, обучался 3 месяца в Форбах (Эльзас — Лотарингия) в качестве связиста-радиста. Служил в Форбахе в 44-м резервном артдивизионе. 12 февраля 1942 года в составе маршевого батальона в количестве 150 человек прибыл в СССР (через Эстонию) в район Любани. 15 февраля направлен в Глубочку. Стал связистом при 12-й батарее 4-го артдивизиона. Батарея из трех 150 мм орудий стояла в 500 м. западнее Федосьино. Северо-восточнее Глубочки в 1,5 км в лесу стоит артбатарея из трех 105 мм орудий и северо-западнее Глубочки в 1,5 км — также 105 мм батарея (7-я батарея 4-го артдивизиона). Дивизион входит в состав 4-ой моторизованной дивизии.

Командир артполка 291-й пд полковник Карсин. Кроме этих батарей пленный знает об артиллерии в Гришкино, но калибра, принадлежности и месторасположения не знает.

Пленный был на НП в 2 км западнее Глубочки и по радио корректировал огонь.

Части 291-й пд располагаются: 2-3 км западнее Глубочки с северной стороны железной дороги 504-й пехотный полк, восточнее него — 505-й пп (район Глубочки), еще восточнее — 506 пп. На самом крайнем левом фланге располагаются две роты артиллеристов (составлены из ездовых, обозных и т.п.). Их численность до 120 чел.

505 и 506 пп имеют общий штаб и одного командира. 291-я пд сильно обескровлена, в батальонах осталось не более 100-120 чел. Особенно тяжелые потери дивизия понесла зимой убитыми и обмороженными. Командир 291 пд генерал-лейтенант Герцог.

В Глубочке периодически отдыхают 100-120 чел. сменяющихся

частей, а также размещается 30-40 чел. саперов. В Глубочке — братская могила на 300 солдат. В Федосьино — тыловые части полка.

Начальник разведотдела 13 кк майор Болозов
Переводчик техник-интендат I ранга Левин”.

Опросный лист дополнен еще такими сведениями: “По мнению Шольца в плен собираются многие, но фамилий назвать не может. У пленного один брат убит на русском фронте, другой обморожен. Говорит, что ему тоже не хотелось погибать зря, и он сдался в плен. Был захвачен нашим бойцом, который шел на склад за продовольствием. Жалуется на грубость и произвол своих офицеров, на плохое питание: в день дают 250 гр. хлеба и 75 гр. эрзац-колбасы”.

Второй документ — тоже официальный допрос, но допрашивается не немец, а наш бывший солдат, оказавшийся на службе у фашистов. Всяко калечила война людей, по-всякому распоряжалась их судьбами. Послушайте:

“Опросный лист военнопленного Жулика Евгения Саввича, взятого 18 апреля 1942 года в 300 м северо-западнее оз.Черное (квадрат 6062-4), 1912 г. рождения, украинец Ровенской обл. Вербского района. Крестьянин, сапожник.

В Красную Армию призван в 1940 г. Перешел на сторону противника 18.X.41 г. в районе Ораниенбаума, где в это время находился 301 сп 78-й сд, в котором служил. Был отправлен в лагерь русских военнопленных в Красногвардейск. В это время в лагере находилось 3-4 тыс.русских солдат. В апреле 1942 г. осталось только 200-300 чел., остальные умерли, некоторые завербованы в немецкую армию. В лагере (с окт. до апр.) работал вместе с другими по расчистке аэродрома, на стройке домов у аэродрома, по пилке дров в лесу. В лагере выдавали 250 гр хлеба и 500 гр баланды. Сейчас в лагере свирепствует тиф. В лагере карантин, за попытку к бегству расстреливают.

В декабре пытался бежать, но был пойман и отправлен обратно. Во время работы на аэродроме видел 4-5 самолетов и несколько ремонтирующихся машин. В районе Красногвардейска расположены эстонские части. Там же много складов. Советская авиация очень часто с успехом бомбит Красногвардейск. 2 апреля Жулика и еще шесть военнопленных вызвали в комендатуру и сказали, что отныне они будут служить в

немецкой армии. 4 апреля обмундировали в немецкую форму, а 12 апреля построили и сказали, что посылают на выполнение боевой задачи. Тут же была создана группа из русских в составе 34 чел. В их числе было 7 гестаповцев.

Группу разбили на 3 отделения по 10 чел. в каждом. Командир отделения и командир группы из военнопленных. Командир группы Федотов, командир отделения Рассик. К каждому отделению прикреплены гестаповцы, хорошо владеющие русским. Группа вооружена автоматами, ручными пулеметами. Гестаповцы и командир группы вооружены автоматами. Все оружие русское. Пленные друг друга не знают, подобраны из разных лагерей. В сутки выдавали по 500 гр. хлеба, 30 гр. масла, рыбные консервы, по воскресеньям 100 гр. водки. Перед группой была поставлена задача: выдвинуться через оз.Черное в район опушки леса в I км. севернее озера и разведать на этой опушке район русской обороны, огневые точки, позиции артиллерии и минометов.

Вечером 17 апреля, переправившись из д.Нестелково на лодках через р.Оредеж, направились на лыжах к сараям, что в I км юго-западнее отметки 59,3. В этих сараях пленный видел по 20 немецких солдат. Ночью производилась смена часовых. Переночевав в сараях, с рассвета, 18 апреля эта группа вышла на выполнение задачи, оставив лыжи в лесу. Вся группа была одета в маскхалаты. Был получен приказ: во время разведки огня не открывать. В пути часто предупреждали, что местность заминирована, держались цепочкой по одному. Гестаповцы держались сзади с автоматами наготове. В районе северо-западнее озера Черное столкнулись с нашей разведкой. В завязавшемся бою немцы потеряли много убитыми и ранеными. Сам пленный ранен в руку и спину. После короткого боя группа противника разбежалась, раненый Жулик был взят в плен."

Вот такие частицы живой войны сохранились в этих документах...

Стоит ли задаваться вопросом, как сложилась дальнейшая судьба этих двух бедолаг. Наша армия находилась тогда в окружении, да и положение фашистской армии было, как видим, не легче: она уже и отдаленно не напоминала той армии, что торжественным маршем прошагала по всей Европе. Эти два человека попали к нам в руки как враги. И поступили с ними,

видимо, как с врагами. Было ли время рассуждать тогда иначе?..

6 мая.

В районе Мясного Бора бой не ослабевает ни на минуту. Вернулись из полета в один из авиаполков за Волховом Борис Бархаш и Николай Родионов. Летели туда на У-2. Возвращались ночью. Рассказывают, как выглядит ночной бой в горловине. "Очень похоже на праздничную иллюминацию,— говорит Борис Павлович, но тут же добавляет. — Впрочем, эта ассоциация у нас исчезла сразу, как только наш самолет стали обстреливать зенитки".

Наши корреспонденты сидели в тесной кабине без парашютов и мечтали о том благословенном моменте, когда самолет пойдет на посадку. Надо заметить, что корреспонденты не были праздными пассажирами: им было поручено разбрасывать над вражеской территорией листовки.

Вчера в политотделе проведено совещание военнопленных. Пятеро согласились участвовать в контрпропаганде среди немецких солдат. Кто-то в шутку окрестил их внештатными инструкторами политотдела.

Офицер, занимающийся с пленными, рассказывает о их "затруднениях" при изучении русского языка:

— Странный все-таки у вас язык, — жалуется один из пленных, — "Кошка" это "ди катце", а "окошка" — "дас фенстер"; "Настя" это "айн шёнэ медхен", а "Ненастя" — это "плохой погода"...

9 мая.

Из Ленинграда прибыли два офицера политуправления Ленфронта. Мы не представляем себе, какое значение имеет для блокадных ленинградцев наша борьба здесь, в болотах Заволховья. В Ленинграде килограмм сливочного масла можно достать не менее чем за полторы тысячи рублей, 100 грамм хлеба — 50 рублей. Велок капусты на рынке 400 рублей, горстка капустных листьев, что раньше обрывались для скота — 40 рублей.

Сейчас, говорят, стало легче. Вполовину легче, чем зимой...

А мы движемся не к Ленинграду, мы пятимся назад, к Мясному Бору...

Сегодняшняя сводка Совинформбюро, как обычно в последние дни, сообщает, что "на фронте ничего существенного не произошло."

В этой, казалось бы, нейтральной фразе, невольно чудится предвестник какого-то неблагоприятного на фронте...

...Вечереет. Шофера заканчивают подготовку к дальнейшему путешествию. Наборщики развели костер и готовят ужин. Ужин сегодня прямо-таки царский. Удалось купить у эвакуируемого отсюда населения немного картошки (впервые за всю зиму), и в большой артельной кастрюле закипает картофельный суп. "Ах, картошка объединяет, пионеров идеал!..." Наборщики сидят вокруг костра и мирно толкуют о предстоящем пути...

...Никто еще не знает, что обычный сегодняшний день, 9 мая, ровно через три года станет историческим днем, Днем Победы.

Любопытно, о чем же в тот день за три года до Победы рассказывала наша "Отвага"? Пройдемся по ее страничкам.

Передовая статья "Учиться на боевом опыте передовиков" рассказывает об артиллерийском расчете сержанта Воротова, уничтожившем в последние дни 3 немецких противотанковых орудия, 2 полевых пушки, 3 танка, 4 дзота, 8 блиндажей, 11 пулеметных точек и 2 роты вражеской пехоты. В расчете хорошо организована работа с новым пополнением (все номера расчета взаимозаменяемы).

Под рубрикой "Мастера своего дела" Муса Джалиль рассказывает о боевых успехах кочующего миномета Ибрагимова из подразделения лейтенанта Пехотина, который, умело меняя позиции и оставаясь незаметным для противника, уничтожил в одном бою 11 гитлеровцев, разбил повозку с грузом, огневую точку, сжег два сарая, в которых находились огневые точки противника.

В другой заметке этого же номера "Отваги" Джалиль рассказал об автоматчике К.Полякове, отразившем атаку противника и уничтожившем вместе с товарищами около 40 гитлеровцев.

Авторами заметок этого номера являются, кроме М.Джалиля, политруки В.Мякишев, И.Забилов, Н.Григорьев, А.Бондаренко, старший лейтенант П.Шашнев, замполитрук С.Сальников, сержант П.Оцебера, партизан А., батальонный комиссар Н.Лихачев (это наш Никитич). А рассказали эти авторы о боевых делах наших воинов — рядовом артиллеристе Карманове из подразделения лейтенанта Тарасова, сержанте Малько, старшем сержанте Завьялове, коммунисте Москаленко, связистах Фарфонове, Дмитриевиче, Некрасове, Зуеве, Бебешко, ко-

миссаре Рубине и многих других. На двух страничках газетного листа названы десятки воинов нашей ударной. Я намеренно перечисляю их фамилии. Как знать, ведь не исключено, что именно их неопознанные останки обнаруживают ныне наши славные следопыты-поисковики в болотных хлябях Мясного Бора и отдают им воинские почести, которые должны были состояться полвека назад...

11 мая.

У нас снова затишье. Впрочем, какие-то события происходят. Многие части уведены со своих позиций за Волхов. Начинается эвакуация немногочисленного здесь гражданского населения. Жители пойдут пешком, захватив с собой лишь ручную кладь. Всю домашнюю утварь они закапывают в землю. Эвакуация должна быть закончена 22 мая.

Итак, эвакуация. Неужели готовится сдача всего участка, с таким трудом завоеванного зимой? Не хочется верить этому...

Вчера редакцию покинули четыре наших товарища — А.Кузьмичев, Л.А.Моисеев, Н.И.Родионов, А.И.Ларионов. Радостные, они отправились в многокилометровый путь и в течение трех долгих месяцев будут находиться в глубоком тылу на курсах военных корреспондентов. Доведется ли когда-нибудь увидеться вновь?

Редакция пополняется новыми людьми.

В разведотделе армии имеются любопытные данные, собранные в значительной степени от партизан и жителей Оредежского района. На Ленинградском фронте к весне фашисты готовили войска, в количестве до 100 тысяч, для окончательного штурма Ленинграда. Но уже зимой, в боях на Волхове, потеряли не менее половины. На всем нашем участке фронта немцы ведут лихорадочные работы по укреплению обороны. Такие же оборонительные работы ведутся, по данным разведки, и по всей германской границе. Неужели они страшатся нашего наступления? Но вот уже весна на исходе, но ни о нашем, ни о немецком наступлении пока не слышать...

17 мая.

Просто невероятно, но за добрый десяток последних лет я впервые люблюсь прелестью весеннего пробуждения природы. Вчера пронеслась первая настоящая гроза, и сразу все

зазеленело. Раскрылись почки берез, и оттуда вылезли на свет божий изумрудные клейкие листочки. В нашем лесу становится душно. Такого соловьиного раздолья мне никогда еще не приходилось слышать.

Помаленьку оживают изуродованные артиллерийским штурмом деревья и кустарники. Робко оживают, неуверенно, словно бы еще не верят воцарившемуся покою и с минуты на минуту ожидают повторения сокрушительного грома, который опять сомнет тишину...

В прошлом году в эту самую пору я зубрил в институте всякие древние, средние и прочие литературы, готовясь к самым жарким, на этот раз государственным, экзаменам. До института я торчал дни и ночи в редакции своей кашинской районной газеты "Ленинский завет" и мне тоже было не до весенних красот.

А здесь, на фронте...

Где-то в лесной чаще закуковала кукушка.

— Кукушка, кукушка, сколько лет я проживу?

Дальше трех я не считал, вполне удовлетворенный отпущенным мне сроком...

И на войне, и в природе — тишина. В чистом небе спокойно плавится диск солнца. Вдали послышался слабый журавлиный курлык. Скорбные звуки, щемящие душу какой-то светлой грустью, все ближе и ближе. Когда караван журавлей приблизился к немецким позициям, неожиданно раздались частые хлопки зенитных выстрелов. Вблизи журавлей вспыхивают ватные облачка разрывов. Господи, журавлей-то за что? Краткая пауза, и снова выстрелы — это уже наши зенитчики. Снова недолгий переполох в птичьей стае, но треугольник выравнивается, и на фронте вновь воцаряется мертвая тишина...

Вечером Женя копается в ящике с книжками — это наша походная библиотечка. Там есть хорошие книги. Часть мы забрали еще из Москвы, часть подобрали в одной разбомбленной школе. Можно бы набрать и больше, но в походных условиях вечная проблема — свободное место в машинах для этого сокровища. Среди книжек — толстые тома хрестоматий по западноевропейской литературе XVIII и XIX веков, даже средних веков, античной литературе. Составители этих трудов — наши недавние преподаватели филфака — Н.Ф.Дератани, Б.И.Пуришев, А.А.Аникст, Р.О.Шор, Н.П.Андреев, Н.Ф.Голо-

венченко. Многие из них вместе со студентами ушли в народное ополчение, и Богу весть, где их носит сейчас военная судьба.

Женя листает учебник Николая Каллиниковича Гудзия по истории древней русской литературы — моего любимого профессора в институте. Неожиданно спрашивает:

— Ты писал стихи?

Спрашивает каким-то полуутверждающим тоном, словно и не требуя ответа.

В самом деле, писал ли я стихи? В моей памяти возникает зеленый городок моей юности Кашин. Весеннее раздолье вишневых садов и черемух. Самый лучший пока из известных мне городов света...

Март, апрель. Опять идет весна.

Хороши весенние ноктюрны,

Даже если музыка грустна.

И настроены фальшиво струны.

Стоп, стоп! Какие же там фальшивые струны могли звучать для меня? Ведь, помнится, совсем рядышком, в этих же стихах, было и такое:

Мы устали от мечтаний,

Золотистый, золотой.

Лето нежно сердце ранит,

Не качай, брат, головой.

Качай, говорит, кивай, говорит,

Свисти и улыбайся,

Развеселить взгрустнувшую

Любимую старайся...

Но как же давно все это было. Тысячу лет назад...

— А теперь бросил? — допытывается Женя.

— Не теперь. Давно. Теперь я вот сочиняю заголовок к заметке Виталия Черных. Представляешь? Приходит и говорит: "Не могу придумать, придумай сам". Но ведь это значит, что в заметке нет цели. Значит, она ни о чем...

Женя однако не дает мне уклониться в сторону, перебивает меня:

— Как же мы не умели ценить своей жизни до войны! Уцелею — обязательно вернусь в университет...

* * *

В разных местах моих записных книжек и блокнотов, а то и на отдельных клочках бумаги занесены какие-то отрывочные фразы, обрывки разговоров, наблюдения. Обычные для газетчика "заготовки впрок". Что-то уже использовано, что-то вряд ли когда пригодится... Можно бы и выбросить, но ведь это тоже "частицы бытия", крохотные кусочки нашей повседневной жизни за Мясным Бором.

А что если попробовать собрать их в одном месте?

☐ Солдат осторожно, чтобы не замутить, набирает каской воду из болота.

— Великое дело — солдатская каска, — говорит он. — Она тебя и от пули бережет, и картошку в ней сварить, и в баню вместо шайки возьмешь...

☐ Очень хорошо сказал красноармеец Дошуков на слете военкоров нашей газеты:

— Без газеты нам голодно...

☐ Ротный агитатор заканчивает свою политинформацию перед бойцами:

— А теперь, товарищи, коротенько о зверствах...

☐ Солдат И. Никонов жалуется:

— Вши нас донимают хуже фашистов. На полущубки страшно взглянуть: вся шерсть забита гнидами и вшами...

☐ В деревне Дубовик спросил крохотную девочку с покрасневшим от холода носиком:

— Куда вы прячетесь, когда бомбят?

— Домой, — ответила кроха. — К мамам...

☐ Группа ребят возится с какой-то кучей мусора. За деревней раздались взрывы.

— Опять бомбят? — полувопросительно говорит один пацан и тут же забывает о своем вопросе. Точно также он мог спросить: "Опять дождь?..."

☐ Огромная воронка от тяжелой авиабомбы превратилась в

обыкновенный крестьянский пруд. Деревянные ступеньки ведут к мосткам над водой, скопившейся в воронке. Из соседней избы выходит женщина с тяжелыми бельевыми корзинами на коромысле, осторожно спускается по ступенькам, придерживаясь за перильца, начинает полоскать белье...

Как-то незаметно будни войны вплетаются в будни повседневного быта. Словно и бомба эта была для того и сброшена здесь, чтобы крестьянке удобнее было полоскать белье, не уходя далеко от дома...

□ В крестьянской избе на самоваре вместо конфорки — выпотрошенный зенитный снаряд. Очень красиво получилось: готический самовар...

Хозяйка печалится:

— Не могу пить чай, если самовар не шумит. Двадцать лет прожила одна. Самовар шумит — будто разговариваешь с кем. Веселее на душе становится...

□ На прифронтовой станции разгружается вагон новеньких поблескивающих свежим лаком костылей. Немало страшных картин повидал я на войне, но почему-то эта произвела особенно гнетущее впечатление. Ведь к этому множеству костылей встанет такое же множество искалеченных. Немыслимо даже вообразить себе такую колонну...

□ После удачной вылазки за “языком” рассказывает разведчик 320-го полка 11-й стрелковой дивизии Иван Михайлов. Рассказывает сочно, живописно, с картинками:

— Вышли затемно. Приблизились к переднему краю. Теперь уже надо ползком. Осторожно ползем, гуськом, через десять-пятнадцать метров останавливаемся, прислушиваемся. Потом опять ползем. Перед собой я едва различаю только подошвы валенок Митьки Савельева. Валенки ползут и я за ними, валенки стоп, и я замираю...

Ребята, окружившие рассказчика, весело зубоскалят, словно речь идет о каких-то пустяках, а у меня в душе тоскливо бьется тревога за этого замечательного парня: “Господи, неужели и его не пощадит безжалостная судьба. Ведь он рожден явно для чего-то иного, светлого, жизнерадостного. Да и все эти славные ребята, что сейчас окружают его, мусолят свои самокрутки...”

Помнится, где-то уже были такие же валенки. Да-да, конечно, у Горького: огромные п у с т ы е валенки, бредущие по п у с т ы н н о й снежной русской равнине, приснившиеся Алексею Максимовичу и так понравившиеся Льву Николаевичу Толстому... Только, право, валенки этого солдата куда живописнее тех, горьковских, очень возможно и придуманных классиком...

□ Странное чувство охватывает меня всякий раз, как я смотрю в перископ. Мышинные норы врага, старательно замаскированные, настороженная тишина вражеского стана. Все застыло в неподвижности, не шелохнется ни листок, ни ветка. Мертвые, засосанные болотной трясиной остовы обгоревших танков, то со вздернутыми, то с бессильно опущенными вниз стволами пушек. Чудодейственная сила оптических стекол словно перебрасывает тебя в этот чужой, мертвый, враждебно насупившийся мир. Все беззвучно в этом мире, как в немом фильме, утратившем титры...

□ Генерал Антюфеев встречается группу солдат, которые под минометным огнем идут не пригибаясь.

— Почему не бережетесь? — строго обращается он к старшему группы. — Ведь потери могут быть.

— Да ведь и вы не пригибаетесь, товарищ генерал, — осторожно возражает пожилой солдат.

— Что я? Я и рад бы пригнуться, да мне нельзя: я генерал.

□ Утренний разговор с Никитичем. Стоим возле замшелого ствола давно упавшего дерева.

— Само повалилось или буря сломала? — размышляет Никитич. Помолчав, задумчиво продолжает: — Интересно, что дольше всего живет на свете?..

Пытаясь включиться в заинтересовавшую Никитича тему, высказываю предположение об эвкалиптах, которые, как я слышал, живут тысячелетиями. Никитич мечтательно говорит:

— Хотел бы я быть эвкалиптом...

— Говорят, ворон живет по две-три сотни лет...

— Хотел бы я быть вороном...

— Потом, слоны...

— Хотел бы я быть слоном...

— Кажется, есть бактерии, которые в благоприятных условиях могут жить вечно...

— Хотел бы я быть бактерией...

☐ Немцы разбросали над Ленинградом листовки:

“Кормите своих летчиков шоколадом, а зенитчиков говном”.

☐ Со сбитого немецкого самолета успел выпрыгнуть летчик с парашютом. Увидев, куда его сносит ветром, он уже в воздухе “сдается”— поднимает руки вверх. Мстительное нетерпение солдат, стоящих внизу, так велико, что они хватают фашиста за ноги, когда он еще в воздухе, и словно бы подтягивают его к земле...

☐ Час в час, минута в минуту над Ленинградом появляются немецкие бомбардировщики. Если они немного опаздывают, то на следующий день разбрасывают над городом издевательские листовки, в которых просят прощения перед “досточтимыми ленинградцами” за вчерашнее опоздание...

☐ Даже из камня фашист способен выжать боль и страдание. Очень злободневно звучит сейчас высказывание Фридриха Ницше: “У немцев даже отсутствует понятие о том, как они грубы. Величайшие преступления против культуры за последние четыре столетия лежат на совести немцев”.

Предложил Николаю Дмитриевичу использовать эту цитату в сегодняшней передовой статье о зверствах фашистов на нашей земле.

— Что ты, что ты! — замахал руками редактор. — Ведь Ницше — крестный отец фашизма...

В другой раз показал редактору очень верные, на мой взгляд, слова Ф.Энгельса: “... среди офицеров русской армии есть очень хорошие и очень плохие, но первые из них составляют малую величину по сравнению с последними.”

Николай Дмитриевич опять взвился:

— И эту цитату спрячь подальше...

Ну, эту-то я и сам не осмелился бы предложить в газету: ведь война идет... Да и до войны наверное не многим пришлось бы по душе это высказывание классика... Впрочем, разве не относится это к любой армии?..

☐ В землянку вошел генерал. На нарах, отвернувшись к стене и скорчившись от холода, лежит боец.

Генерал ворчливо обращается к находящимся в землянке:
— Что вы за солдаты, если печь не можете истопить...

Не поворачиваясь к вошедшему лежащий на нарах лениво бросает:

— А хули ты за солдат, если тебе холодно в апреле.

Генерал озадачен неожиданным ответом:

— Да ведь я и не солдат, а генерал...

Не меняя позы и тона, солдат презрительно цедит:

— А хули ты за генерал, если тебе холодно в апреле...

Только по наступившей в землянке зловещей тишине солдат почувствовал что-то недоброе и, покосившись на вошедшего, мигом вскочил с нар и вытянулся в струнку перед генералом.

□ На стене часы-ходики чудовищной древности. Гиря в грязном, до невозможности засиженном мухами марлевом мешочке. Почернела медная оправка, побурело сусальное золото, когда-то украшавшее циферблат и стрелки. На циферблате можно еще различить надпись: "Фабрика часовъ. Б.Рейнинъ. Москва".

Ни фабрики этой, ни хозяев, когда-то купивших эти часы, давно нет на свете, а часы все еще тикают...

Вот внутри ветхого механизма что-то жалобно зануло, захлюпали какие-то рычажки и вдруг, словно с цепи сорвавшись, часы торопливо отщелкали пять коротких, как выстрел, хриплых ударов. После этого внезапного проявления жизни снова все затихло, и только мерно и томительно раскачивается заржавевший маятник.

Тик-так, тик-так... Гремит на свете война. Гибнут города и села, рушатся страны и государства. А время идет, и ничто не в состоянии остановить его равномерного и равнодушного бега...

□ Некоторые из записей я уже не в состоянии объяснить. Вот рядом с описанием только что закончившегося ночного артобстрела появляется запись, видимо, сделанная тогда же: "Кукла с закрывательными глазами". Эта забавная фраза могла принадлежать только ребенку. Почему она оказалась здесь? Могли быть ребенок в том явно не подходящем для детей месте? Или кто-то вспомнил свой дом, своего ребенка? Этого уже не вспомнить. Можно только сказать, что жизнь, неодолимая, вечная, милая билась, радовалась, существовала даже и в минуты гибели...

"Кукла с закрывательными глазами"...

Когда-нибудь так скажет моя дочь... Ах, как мне хочется, чтобы у меня была дочка...

* * *

19 мая.

Вечерами я люблю бывать в нашем наборном цехе, размещенном в автобусе. автобус этот специальный, штатный, предназначен именно в качестве наборного цеха. Оборудование цеха -- реалы для наборных касс, сами кассы, ящики для шрифтов и других полиграфических материалов — все это очень удобно для работы в походных условиях. В тяжелые дни октябрьских боев под Москвой нам посчастливилось спасти свою походную типографию при выходе из окружения, и теперь наши наборщики берегут свой автобус пуще глаза.

Вечерами здесь самая горячая пора — набор последних срочных материалов, верстка газетных полос, первые оттиски завтрашнего номера. За работой неторопливо течет общая беседа, чаще всего о доме, об оставленных семьях, о только что полученных письмах. Ни у кого нет друг от друга никаких секретов. Наши наборщики — уже пожилые люди, московские ополченцы Моисей Маркович Раппопорт, Алексей Иванович Корочкин, Иван Иванович Голубев, Самуил Левин, печатник Сергей Михайлович Лакин связали свою судьбу с нашей редакцией еще на Западном фронте, летом 1941 года.

Меня всегда поражает старательность и прилежание этих людей, их влюбленность в свое дело. Их лексикон полон профессиональных словечек и выражений, которые несут в себе особый оттенок доброты и уважения к своей профессии.

— Шило грамматику знает! — почтительно говорит Иван Иванович Голубев, приступая к правке газетных гранок и выковыривая шилом литую букву, чтобы ловко вогнать на ее место другую, правильную.

Никогда старый наборщик не скажет "кавычки", скажет "лапочки". Даже суффикс "к" в слове "верстатка" в произношении наборщика каким-то непостижимым образом теряет свой обычный уничижительный оттенок, и слово становится мягче, добрее.

Когда Моисей Маркович приступил к исполнению обязанностей старшего наборщика в созданной им походной типографии, он первым делом составил табличку шрифтов, которыми

мы располагали, составил по всем правилам, указав образцы каждого кегля, их наименование, количество знаков в строке на разные по размеру газетные колонки. Петит, корпус, цигеро — все наиболее ходовые газетные шрифты есть в нашей походной типографии. Метранпаж Алексей Иванович Корочкин, обладающий хорошим вкусом, не испытывает больших затруднений в шрифтовом оформлении газетных полос. В его распоряжении есть даже такие относительно редкие заголовочные гарнитуры, как альдине, коринна, пальмира. Вот и сейчас он приглашает меня вместе “поколдовать” над заголовком,



В.А.Кузнецов в редакции.

“чтоб было красивее”. Алексей Иванович знает, что когда-то и моя трудовая жизнь начиналась в наборном цехе районной типографии, поэтому и к моим советам относится с доверием.

Уже поздно ночью Саша Летюшкин подает мне первый оттиск завтрашнего номера “Отваги”. Взгляд скользит по заголовкам, подписям под заметками. Подписи у нас набираются не жирным шрифтом, как принято обычно, а прописными буквами того же кегля, каким набрана и заметка. Это устраняет излишнюю пестроту газетной страницы, она словно бы становится чище, опрятнее. Невольно приходит на память, что эти подписи нравились ленинградской журналистке Аскинадзе.

— Очень красиво получается, — сказала она мне однажды. — Кто это придумал? Вы?

— Да нет же, не я. Это наш волшебник Алексей Иванович, наборщик...

Ната Аскинадзе — воспитанница факультета журналистики Ленинградского университета, славная, скромная и талантливая журналистка — корреспондент Ленинградского радиовещания. Она охотно помогала нашей газете. Совсем недавно, 26 апреля, она погибла в Малой Вишере во время бомбежки. Бомба попала в убежище, в котором прятались более двух десятков человек. Уцелел лишь один — военный корреспондент “Правды” Д. Руднев, тоже ленинградец. Полуживого, его с трудом извлекли из-под завала. Нату спасти не удалось...

22 мая.

Несколько дней назад командованием принято решение о постепенном выводе войск нашей армии из “Ольховского мешка”. Первыми уже выведены конники Гусева. Основной рубеж сосредоточения на выход в районе новой Керести.

Получила приказ перемещаться по направлению к Мясному Бору и наша редакция. Даже на войне трудно покидать насиженное место. Здесь мы обосновались еще зимой, когда землю покрывал плотный слой снега и стояли жуткие холода. Потом наступила весна, и мы оказались в самом центре болота.

Едем в Малую Кересть. Куда двинемся дальше — пока неизвестно. По данным нашей разведки, гитлеровцы вновь собираются ударить в районе Мясного Бора, дополнив это рассекающим ударом на Вдицко. Немцы особенно и не держат в секрете своих намерений. Громкоговорящая установка на переднем крае то и дело передаёт: “С окружением армии покончим в два дня...”

Перед отъездом я заглянул в землянку, чтобы проверить, не забыто ли что-нибудь нужное. Немного привыкнув к темноте, неожиданно увидел, что из-под нар с ворчаньем и сопением вылезает наш Вучетич.

— Нашел все-таки! — радостно сообщает Евгений Викторович, показывая мне какой-то комок.

Руки скульптора тоскуют по настоящей работе. Однажды в развалинах он нашел комок какой-то мастики или замазки и с тех пор без конца мнет его в руках, поочередно превращая в крошечные скульптурные портреты наших, как он выражается, “редакционных шакалов”.

Когда машины готовились к отъезду, Евгений Викторович обнаружил исчезновение своего маленького сокровища и не успокоился до тех пор, пока вновь не обрел его. Живая физиономия

скульптора выражает неподдельную радость. Как мне дорог Вучетич в эту самую минуту, с такой полнотой выражающую всю его натуру, всю истинную душу художника!

23 мая.

В пути уже более десяти часов, а отъехали едва три-четыре километра. Страшная дорога. Двигаемся, выстилая метр за метром весьма ненадежную гать. То и дело приходится обходить оконца мертвой воды, так называемые чарусы, в бездонных глубинах которых даже зимой тонули наши люди, лошади, повозки. Поминутно машины вязнут, и мы, ухватившись кто за что сможет, дружно, но бесполезно вопим: "Раз-два, взяли!.."

В одну из таких минут раздаётся звонкое:

— Доколь, протопоп, муки сия?

Это, конечно, Женя. Молитвенно воздетые к небу руки, длинная не по росту, заляпанная болотной грязью шинель, выражение покорности в озорных, не знающих уныния глазах.

Неволью подчиняясь шутке, наш редактор отвечает, как и надо:

— Марковна, до самая смерти!

— Добро, Петрович, ино еще побредем...

Нет, ничем не напоминает тощая фигура нашего редактора, еще более подсушенная постоянным недоеданием последних дней, ничем не напоминает она Аввакума, но, право, в этом нечеловеческом напряжении и упорстве, с каким и наш редактор, и все мои боевые товарищи, и вся наша армия преодолевают сейчас все новые и новые преграды, и впрямь чудится что-то от упорства и настойчивости огнепального протопопа. И мне уже не кажется случайной ассоциация, возникшая в голове нашей глазастой Жени. Её шутка разрядила обстановку, словно бы сообщила каждому из нас дополнительные силы. Шаг за шагом мы все-таки продвигаемся вперед...

24 мая.

Стоим в лесу между Финевым Лугом и Клепцами. Добрались сюда с огромным трудом. Спасибо артиллеристам Матвея Борисовича Фридланда. Комиссар одного из артдивизионов дал нам могучий тягач, который шутя вытащил наши погрузшие в непролазную грязь машины. Шофер Николай Кочетков, до этого бесполезно возившийся со своей трехтонкой часа четыре подряд, восхищенно бормочет,

следа за работой трактора:

— Наш, челябинец! Что ваши московские...

Кончился бензин. Его нам должно было хватить до Керести, но проклятые дороги сожрали весь запас за полпути. Сейчас наша дорога проходит в четырех километрах от вражеских позиций. С утра до ночи гитлеровцы обстреливают её из минометов, авиация непрерывно бомбит. Ночью из Пятилип пробираются к ней немецкие автоматчики и обстреливают машины. В армии постепенно утрачивается понятие фронта и тыла. Теперь фронт со всех сторон.

В дороге происходит множество новых знакомств. Как жаль, что не удаётся записывать всего увиденного и услышанного.

Наши войска научились жестко обороняться малыми силами. На днях почти на всех участках армии гитлеровцы предприняли ожесточенные атаки, которые всюду были отбиты с тяжелыми для них потерями. А ведь части армии сильно обескровлены. Некомплект многих из них достигает 60-70 процентов. Танковые батальоны без танков. Артиллерия без снарядов. На одном из участков враг атаковал девятью танками. Наши бойцы подбили из противотанковых ружей три танка, остальные повернули назад. Захвачены пленные, в том числе офицеры, захвачено полковое знамя...

Свыше двухсот немецких автоматчиков обошли ночью штаб 59-й стрелковой бригады. Штабные работники, от командира до последнего писаря, приняли неравный бой. В ожесточенной перестрелке фашисты потеряли не менее 50 человек и отступили. Несколько человек захвачены в плен. Наши потери: один убит и один ранен. Убитым оказался комиссар бригады. Он выскочил из блиндажа в одном белье — слишком заметная мишень в лунную ночь. Я видел того немца, который убил комиссара. Идет под конвоем, высокий, блондин, шинель перекинута на руке, уныло смотрит вниз. не поднимает глаз от земли...

Сержант 1650-го лыжного батальона 267-й дивизии Буштов уничтожил из пулемета несколько гитлеровцев. У него кончились патроны. Тринадцать вражеских солдат, заметив, что пулемет замолк, полезли к русскому воину, пытаясь захватить его в плен. Буштов не стал дожидаться и выскочил к ним навстречу. Должно быть страшен был в эту минуту боец — немцы бросились прочь. Несколько человек Буштов уничтожил прикладом, двоих забрал в плен...

Генерал Алферьев рассказывает о таком эпизоде. Гитлеровцы окружили наблюдательный пункт полковника Буслаева. В маленькой землянке находились с полковником комиссар, адъютант и командир одного из подразделений. Гитлеровцы предложили им сдаться. Наши не стали тратить времени на дискуссии и открыли огонь из личного оружия. Фашистская граната разорвалась у входа, вторая угодила в землянку. Комиссар мгновенно швырнул её обратно. Раздались стоны раненых гитлеровцев.

— Последнюю пулю берегите для себя, — сказал полковник и все молча кивнули головой.

Телефонный кабель был хорошо замаскирован, гитлеровцы, видимо, не заметили его. Буслаеву удалось связаться со штабом.

— Дайте по мне огонь, — попросил полковник. — Лубмановскими бейте.

Лубман — командир артбатареи — отличался исключительно точной стрельбой.

Буслаев корректировал огонь:

— Недолет... Перелет... Хорошо, так дайте!

Связь прервалась. Однако к этому времени подоспевшие на выручку воины, поддержанные артиллерией, отбросили гитлеровцев. Буслаев продолжает громить врага.

Мне довелось быть свидетелем разговора нашего прославленного командира И.М.Антюфеева с артиллеристами, которые помогли ему отбить вражескую атаку.

— После ваших залпов, — говорил Антюфеев, — гитлеровцы побежали из деревни. Их было больше тысячи, нас сто тридцать штыков. Наши воины бросились вдогонку с криком “ура!” Я боялся, как бы немцы не оглянулись назад. Стоило им увидеть, что нас не наберется и полутора сотен...

И, немного задумавшись, добавил:

— Мне бы много не надо. Полторы тысячи штыков, и враг побежал бы от нас без остановки...

25 мая.

Лес не доезжая Глухой Керести. Расположились в удобном месте, сухо, неподалеку наша основная дорога, штаб армии. Да вот беда: батарея булановцев, расположившаяся в 150-200 метрах от нас, затеяла огневую дуэль с минометной батареей противника. Мины шлепают совсем близко от нас, не причиняя, судя по всему,

никакого ущерба нашим артиллеристам. Привалившись спиной к заднему колесу автобуса, Миша Каминер строчит записку. Прислушиваясь к приближающемуся кваканью вражеских мин, он горько шутит: "Уж лучше бы точнее стреляли, гады..."

Миша, конечно, "корректирует" огонь противника не на себя, а на наших соседей-булановцев.

Пока нам действительно везет. На другой день, как мы уехали из Огорелей, немцы всадили крупную бомбу как раз в расположение нашего бывшего лагеря, превратили покинутый нами бивак в огромную быстро заполнившуюся болотной жижей воронку.

Во время обстрелов, бомбежек удивительно бесстрашие наших редакционных девчат. Женя в такие минуты никогда не прячется в землянку.

— Не могу даже себе представить, чтобы в последний миг над моей головой было не небо, а какие-то гнилые бревна наката...

Валя Старченко тоже предпочитает работать на открытом воздухе. Иногда стрекотание её машинки отчетливо раздается даже во время бомбежек.

— Что вы, Виктор Александрович, какое там бесстрашие? — уверяет она. — Я ужасная трусиха. Это я от страха не перестаю щелкать...

Но бывает, видимо, и предел. Человеческая психика не может без конца выдерживать такие перегрузки. Вот дьявольская колесница из двенадцати "юнкерсов" пикирует на наш участок леса. Воют и самолеты, и бомбы. Кроме бомб вниз летят кассеты рассыпающихся мин, скаты железнодорожных колес, рассверленные (тоже для дьявольского воя) металлические бочки. Трещат вырываемые с корнями деревья. Ходуном ходит и вот-вот будет вырвана из земли наша хилая землянка. Удушливый запах тротиловой гари...

Наш корреспондент Григорий Чазов, только что вернувшийся с передовой и сдавший записку о бое, который он сам наблюдал из окопа, лезет в беспамятстве под койку. Редактор зачем-то сует голову в самый темный угол землянки. Никитич почти без сознания лежит на койке и стонет, растирая виски. Наш весельчак и балагур Каминер ёрзает на полу. Борис Павлович, побледневший, но, как обычно, сдержанный, плотнее прижимается к бревнам, и когда свист бомбы кажется особенно неотвратимым, без конца повторяет: "Спокойно, товарищи, спокойно!" Успокаивает скорее себя, чем своих товарищей.

Я не знаю, как выгляжу сам в эту минуту, но видимо тот же животный страх вызывает у меня какую-то идиотскую, непреодолимую сонливость...

...А нарастающему грохоту разрушения, кажется нет предела. Ожесточенная артиллерийская пальба с обеих сторон не утихает в течение всего дня, а с наступлением ночи становится еще яростнее. Небо полыхает налево и направо по всему горизонту. Идет не просто пальба, идет расчетливое, хладнокровное убийство. Даже и не так. Идет азартное, прямо-таки зазорное, вдохновенное убийство: кто больше, кто скорее смешает с прахом противостоящую тебе, такую же озверевшую и все еще живую человеческую плоть. В этой ужасающей мясорубке сострадание вызывает не человек, явившийся сюда именно убивать и калечить, а какая-нибудь случайно оказавшаяся здесь зверюшка, лесная тварь, птица, былинка. Ты-то как попала сюда? Что тебе здесь надо? Скорее выбирайся отсюда...

27 мая.

Ночами продвигаемся по направлению к Мясному Бору, поминутно задерживаясь в пробках на дороге. Днем все замирает, машины прячутся в лес, маскируются возле дороги. Длительные остановки способствуют выпуску газеты без перебоев. Наши корреспонденты проводят основное время в войсках, появляясь в редакции лишь затем, чтобы сдать или продиктовать на машинку материалы в газету. Даже возвращение в редакцию превращается нередко в проблему: редакция почти никогда не оказывается в обусловленном заранее месте и её приходится разыскивать.

Стоим возле Финева Луга. До войны это был большой рабочий посёлок. Здесь находились крупные торфоразработки, большая электростанция, водопровод, двухэтажные крытые черепицей жилые дома. Теперь все в развалинах. На пепелищах скрюченные огнем железные кровати, швейные машинки, ухваты, разбитая домашняя утварь. На станции — остовы обгоревших вагонов. Финев Луг вымер. Но гитлеровцы и сейчас не оставляют его в покое. Только что нас застала бомбежка. Несколько бомб угодило в развалины, в двух местах повреждено полотно давно бездействующей железной дороги. А вот по соседству ловко прячется среди деревьев узкоколейка, которая действует всюду: готовится к отправке состав

платформ, груженных зенитками и полевыми орудиями. Невдалеке пытит, хлопотливо посвистывая, крохотный, замаскированный цветущей черемухой паровозик. Он терпеливо ожидает окончания погрузки и конца бомбежки.

Удивительно разнообразны боевые действия на разных участках нашего переднего края: здесь и наступление, и оборона, и отвод частей на новые рубежи, и попытки вырваться из окружения. Словно какой-то академический практикум по учебнику тактики. Только практикум этот проходит не в обстановке "приближенной к боевым условиям", а в самом настоящем бою.

А вот в районе Малого Замощья, где я недавно побывал, с самого начала боев — типичная позиционная война. Обе стороны в глубокой обороне: нам нет смысла растягивать линию фронта в этом направлении, а немцам незачем лезть с хороших позиций в болото. Здесь вдоль переднего края — окопы почти полного профиля. Проволочные и минные заграждения с обеих сторон. Редкая перестрелка (лишь временами отвечают друг другу). На деревьях и у них, и у нас прячутся наблюдатели, снайперы-кукушки. Здесь особенно хорошо видишь, что война стала профессией.

Вот боец сидит в хорошо замаскированном блиндаже и, не отрывая взгляда от узкой амбразуры, неторопливо крутит сигарку. На коленях винтовка. Вдалеке показалась фигура крадущегося немца. Боец осторожно откладывает самокрутку в сторону, берет винтовку, спокойно и внимательно целится. Выстрел. Немец упал. Боец, приложив к глазам руку козырьком, вглядывается — не хитрит ли фашист, а потом снова берется за самокрутку...

Вчера на этом участке фронта группа наших разведчиков из четырех человек, пробираясь ночью в тыл за "языком", наткнулась на немецкую разведку в составе до десяти человек. Стычка для обеих сторон оказалась неожиданной. Наши оказались проворнее: двое фашистов убито, двое ранено, остальным удалось скрыться. Один гитлеровец прикрывал отход, был ранен и захвачен в плен.

На допросе пленный охотно рассказывает: они тоже отправились к нам за "языком"; ему 20 лет, в России только 12 дней. Прибыл из Франции. В Замощском гарнизоне около 130 человек, в том числе 30 эсэсовцев. Сто человек несут караульную службу днем, эсэсовцы — ночью: командиры опасаются, как бы ночью немцы

не перебежали к русским...

К востоку от нас, там, где Мясной Бор и Спасская Полисть, с шести утра идет ожесточенная артиллерийская стрельба. Пока не ясно, то ли это наши соседние армии пытаются расширить горловину прорыва, то ли немцы снова пытаются перекрыть ее.

30 мая.

В Огорелях, которые мы миновали несколько дней назад, уже побывали оккупанты. Они торопятся занимать территорию, которую мы оставляем, ставят под угрозу тылы основной группировки нашей армии, нацеленной на Мясной Бор.

На нашу сторону перешли три лазутчика. Все они русские военнопленные. В Риге окончили разведшколу. Отправившись на задание, они добровольно сдались в плен. Сообщили, что им поручено во что бы то ни стало выяснить, является ли отход ударной армии вынужденным или это лишь очередная перегруппировка войск.

Утром приезжал знакомый офицер из антиюфеевской дивизии.

— Жмут! — коротко ответил он на вопрос, как у них дела.

Дивизия Антиюфеева по-прежнему творит чудеса. Но и они не все могут. Между Вдицком и Финевым Лугом гитлеровцам удалось прорвать нашу оборону.

Все стягивается к Мясному Бору. Паршивая дорога забита до отказа. Леса полностью заселены.

В связи с трудностями боевой обстановки перестала работать штабная столовая. Продовольствие стали выдавать сухим пайком. Но группа редакционных добровольцев, возглавляемая вездесущим Каминером, решила открыть свою редакционную столовку. Сегодня возле наспех сооруженного навеса на приколотой к дереву бумажке появилось меню, подписанное Каминером, придумавшим для себя озорную должность “кухопердежа” (т.е. оперативного дежурного по кухне). Вторая подпись принадлежит “шеф-повару первой статьи” наборщику Н.Холодову, неожиданно оказавшемуся талантливым кашеваром. Меню на сегодня обещает:

“Завтрак в 10.00 — суп с лапшой и консервами ”Дебют”;

обед в 15.30 — щи рыбные “Объедение”

и каша гречневая “Аля де кашец”;

ужин в 20.00 — колбаса “Иго-го”.

Суп "Дебют" оказался, конечно, страшно пересоленным, а щи "Объединение" совсем без соли. Разумеется, Виталий Черных потребовал книгу жалоб. Каминер охотно разъясняет: книги жалоб нет и не будет, но зато есть книга "восторгов и предложений"...

Первыми из нашего "мешка" выведены в середине мая конники Гусева. Лошадей в армии осталось мало, а они — самый надежный вид транспорта в нынешних условиях. Строжайше запрещено использовать уцелевших лошадок на мясо. За ослушание — трибунал.

Знакомый артиллерист рассказал мне по секрету, как они, желая обойти строгий запрет, привязали одну из своих лошадок на виду у немцев, надеясь, что она немедленно будет подстрелена. Не тут-то было... Лошадь целые сутки мирно паслась на опушке, где ничто не выживало и минуты.

— После этого, — смеется артиллерист, — наша жертва заклятия превратилась в некий талисман безопасности, и мы её бережем теперь пуще глаза...

Пишу обо всём этом, и мне приходит на мысль нечто совершенно непостижимое, словно бы даже кощунственное: неужели можно не только привыкнуть, но и каким-то образом полюбить это вечное балансирование на краю жизни и смерти, эти бесчисленные вальпургиевы ночи, эту сумятицу событий, за пределы которой боязно заглянуть? "Есть упоение в бою..."

Не очень-то задумывались мы тогда обо всем этом. Не до того было. Лишь после войны, и чем дальше, тем пристальнее, стали мы вглядываться в самую душу солдата Великой Отечественной, осмысливать мотивацию его поступков, поведения, нравственные и мировоззренческие позиции солдата, приведшие в конце-концов к Великой Победе.

Особенно поразительным казалось мне часто наблюдаемое на фронте и вроде бы не соответствующее обстоятельствам приподнято-возбужденное, именно бравое, состояние духа солдата, только что выбравшегося из тяжелейшей схватки с врагом. И конечно же это не результат усилий нашего пропагандистского аппарата, в том числе и нашей красноармейской печати, по долгу службы своей обязанных "поддерживать хороший дух в войске", о чем мечтал Лев Толстой, задумывая в свое время издание "Военного листка" для защитников Севастополя в 1854 году.

"Упоение в бою" рождается в душе солдата в моменты соприкосновения с ужасающими реальностями войны, не оставляющими лично для него никакого иного выбора, кроме одного-единственного — во что бы то ни стало одолеть врага. В подобных ситуациях действует не только и не столько приказ командира или призыв агитатора, сколько понимание самим воином, нередко и подсознательное, своей именно личной ответственности, своего долга перед самим собой, перед своей совестью, перед своими боевыми товарищами и далее — перед своей семьей, односельчанами и, в конечном счете, перед своим народом, Родиной, Землей отчич и дедич...

Кажется есть в этом возбуждении возвращающегося из боя солдата еще и некое, скажем так, детски-наивное эгоистическое чувство: "Жив, жив, черт побери! Жив все-таки! Уцелел!" Вслух об этом он никогда не скажет...

Очень хорошо выразила это самочувствие солдата на слете наших военкоров медсестра Ася Пчелкина:

— Боец только что вышел из боя. У него глаза одни, да зубы только и светятся...

31 мая.

Режим работы нашей походной типографии за последние дни как бы вывернулся наизнанку. По ночам мы вместо выпуска очередного номера газеты торопимся как можно дальше уехать от вчерашней стоянки. Ночевки поменялись местами с дневками. Ночами едем по дрянной жердевке, поминутно останавливаясь в бесконечных пробках и заторах. С наступлением утра все суетливо бегут с дороги, прячутся и маскируются где попало и как попало. И все замирает до вечера. Впрочем, и в кажущемся затишье не прекращается кропотливая деятельность всех тыловых служб...

Ночью миновали развалины нескольких крестьянских изб с заброшенными огородами и невспаханными полями. Это Глухая Кересь. Здесь наша редакция стояла в начале наступательных боев. До Пятилип отсюда еще ближе. Над Пятилипами зарево пожара. Вчера ее подожгли наши "катюши", и пожар продолжается вторые сутки. Со стороны Пятилип то и дело раздаются сдвоенные и строенные залпы и вслед за ними вдоль нашей дороги взрываются серии крупнокалиберных мин. Вдоль хорошо различимой отсюда линии фронта — непрерывные полосы трассирующих пуль, вспышки сигнальных ракет; висят в небе и долго не гаснут осветительные

ракеты на парашютах.

На рассвете мы с трудом съехали с дороги, прижались к реденькой опушке в очень неудобном месте, кое-как замаскировались.

...Снова летят бомбардировщики. Состоится ли следующая запись в моей тетрадке?..

1 июня.

Ночью перебрались в расположение второго эшелона. Это всего лишь на 800-900 метров дальше от вчерашнего места. Тут, конечно, тоже бомбят, но лес здесь погуще и порядка больше. Машины хорошо замаскированы. Бомбят здесь по площадям, лишь угадывая, а не различая цели.

Вот что произошло на нашем участке фронта за последние дни.

30 мая немцы, видимо, заметив отвод наших войск на западных участках, ударили на Мясной Бор с двух сторон — с Чудовской и Новгородской — по основанию прорыва. Кровь там льётся рекой с обеих сторон. Не считаясь с потерями, немцы сжимают проход. Нам всё же удастся удерживать щель, в которую просачиваются отходящие наши части. Вывозятся раненные, кое-какое имущество.

В западной части наши войска отводятся на основной рубеж обороны по речке Ровань, от деревни Ручьи через Вдицко на Рогавку.

Офицеры штаба полагают, что новый удар на прорыв может быть нацелен не на Мясной Бор, а, например, на Чудово. Они довольно оптимистично оценивают обстановку, загадочно намекают, что для противника готовится некая "пилюля". Как бы, однако, эта "пилюля" не оказалась слишком горькой для нас самих... Уже дают себя знать некоторые, по всей вероятности, не очень-то продуманные действия: гражданское население не успели эвакуировать через Мясной Бор. Снятые с места, жители ютятся в землянках, в лесу, оказались по существу в боевых порядках наших обороняющихся войск...

2 июня.

В районе Новой Керести, куда мы держим путь, вчера вечером произошел ожесточенный бой, причин и результатов которого мы не узнали. Стрельба продолжалась около полутора часов и

постепенно стихла.

А утром по пути на КП я встретился с подполковником М.Б.Фридландом, и он рассказал, что гитлеровцы предприняли вылазку в направлении Новой Керести и наткнулись на одну из наших стрелковых бригад, находившуюся на марше. Атакующие были разгромлены и отогнаны назад.

На участке, который мы покинули, дела не важны. Нашим героическим антюфеевцам, обескровленным в непрекращающихся схватках с врагом, не удастся сдерживать натиск.

Вдоль всей дороги — могилы, могилы... Вот огороженная тонкими жердочками могила пяти артиллеристов, погибших во время дуэли с вражеским танком. Свежая хвоя застилает земляной холмик. На шесте прибита дощечка с перечнем фамилий. Красной краской кое-как выведена на доске звезда. Всё это сооружение выглядит весьма шатким и недолговечным.

У могилы остановился проходящий мимо боец, перебирает взглядом незнакомые имена и отправляется дальше, полочнее вскинув винтовку за плечом да суровее сжав губы.

Вот еще такая же могила. Надпись на покосившемся столбике: "Похоронен боец неизвестный. 20.2.42".

У этого бойца наверняка есть мать. Она будет долго ждать после войны весточки от сына или о сыне. Всю войну будет ждать, будет ждать после войны, будет ждать до последнего вздоха. А от него только и осталась на земле одна единственная дата — день его гибели — 20 февраля 1942 года...

А сколько еще тысяч столбиков с подобными надписями придется поставить здесь, за Мясным Бором, на месте последних боев Второй ударной! Не знали мы еще, что вся эта территория станет братской могилой целой армии, а её солдаты, погибшие в ожесточенной схватке за Ленинград, будут в течение полувека официально считаться "без вести пропавшими"...

Велики вражеские потери в этой страшной битве, но и наши неисчислимы. 92-я стрелковая дивизия полковника А.Н.Жильцова за время зимних боев здесь полностью сменила весь свой состав. Остался лишь один боец-ветеран! Остальные убиты, ранены, умерли от ран. Дивизия эта — не исключение.

В марте маршевая рота, направлявшаяся в 80-ю кавалерийскую дивизию, остановилась на ночлег в небольшой березовой рощице.

Как положено, выставили караулы и, сморенные усталостью, уснули солдаты, кто где мог. Уснули и часовые. Ночью в расположение лагеря проникли вражеские лыжники (полагают, что финны), бесшумно сняли часовых и без единого выстрела вырезали всю роту.

— Можешь ли ты представить себе картину, когда над этой молодой березовой рощей поднялось утреннее морозное солнце,— говорит мне Виталий Иванович Черных...

3 июня.

Получил письмо от родных из Ташкента (там в эвакуации мама и сестра) и от Нины из Вологды. Ждут меня с победой... Будет, конечно, победа, будет, но как же еще далека она, и кому-то посчастливится добраться до нее...

Моя переписка с Ниной как-то не ладится. Чувствую, ей не нравятся мои письма. Не нравятся они и мне самому. Да и что я могу написать? Не рассказывать же ей об ужасах войны, о том, что вот уже почти полгода мы торчим в окружении и, Богу весть, выберемся ли...

Письма с фронта, особенно домой, близким, могут ли они быть иными, чем они есть, пожалуй, у всех фронтовиков. Ведь единственная цель этих писем — святая, благородная цель — укладывается буквально в одну фразу: жив-здоров, мол, все идет нормально, даже хорошо. Об ужасах войны лучше помалкивать, да и самим лучше не думать. Можно побольше рассказать об успехах, даже крошечных, о них фронтовики любят сообщать радостно, с восторгом, с простительными в данном случае преувеличениями. Но даже и крошечными успехами мы не можем сейчас похвалиться...

Пустые странички своих писем я заполняю словами любви, искренними и верными, но тоже, кажется, пустыми в данных реальных условиях. Нина безошибочно угадывает надуманность моих писем, упрекает меня в этом, но ведь и она не очень-то торопится рассказать мне о том, что происходит в ее родной Пунеме, которой тоже не спрятаться в глуши вологодских лесов от воздействия войны. Строки Нининых писем о благополучии в ее краях, в ее родном доме, в ее школе я тоже не очень-то принимаю на веру. Знаю: она бережет меня, старается ни словом не обмолвиться о трудностях тыловой жизни. А мне ведь хорошо известно, что эти трудности в тылу ничуть не меньше, а порою

и намного тяжелее фронтовых...

Наш островок все меньше. Накануне вечером редакции определен участок обороны. Этот участок, который мы с Николаем Дмитриевичем изучали сегодня, составляет по фронту около 200 метров. Свободные от выпуска очередного номера газеты люди находятся на своих новых боевых постах.

Дважды налетали бомбардировщики. Потери: четверо убиты, шестеро тяжело ранены, двое сравнительно легко. Почти все пострадавшие — наши ближайшие и постоянные соседи — отдел политпросветработы. Бомбы вывели из строя обе их машины. Убит воентехник Цыганков — наш постоянный внештатный корреспондент. За минуту до смерти он разговаривал с нашей машинисткой Валей Старченко. Когда послышался вой приближавшихся стервятников, Цыганков шутливо спросил ее:

— У нас будете умирать или к себе пойдете?

Спустя час мы хоронили товарища, устлав могилу ветками цветущей черемухи. Изувеченное тело погибшего с головой закутано в плащ-палатку. Бросаем в могилу комки влажной земли. Под их ударами упруго вздрагивает коченеющая нога...

5 июня.

Всю ночь не утихала канонада. На этот раз бьет наша артиллерия. Бьет туда, в сторону нашего трижды клятого коридора. Видимо, началось очередное наступление, которого ожидали все эти дни. С утра появились вражеские бомбардировщики, они долбят позиции наших артиллеристов.

Кто-то сказал мне, не ругаясь за достоверность, что погиб комдив Антюфеев, погиб якобы от прямого попадания снаряда в его блиндаж. Ах, если бы этот слух не подтвердился. Потерять такого генерала, такого человека! В такое время!..

6 июня.

Поступил срочный приказ: немедленно сменить место дислокации. Снимается весь второй эшелон. Пришлось прервать печатание очередного номера и — снова в дорогу...

Во всем чувствуется какая-то лихорадочная поспешность. Начальство раздражено и чем-то явно обеспокоено. Передаются по крайней мере три версии ночного переполоха. Первая — скорее продвинуться к Мясному Бору, чтобы при первой же возможности

в один прыжок проскочить через коридор. Вторая — силен нажим противника у Финева Луга, антюфеевцы не выдерживают (слух о его гибели, к счастью, не подтвердился). Третья версия — исчез сотрудник шифровального отдела с документами. Подозревают, что он мог перейти к немцам и сообщить дислокацию наших частей и штабных подразделений.

За ночь отъехали не более километра и застряли в пробке на дороге, которая не рассосалась до утра. С трудом съехали с дороги и кое-как замаскировались. Ждем вечера, чтобы снова отправиться в путь. Удалось выпросить у соседних шоферов сорок литров бензина на шесть машин.

К вечеру выясняются причины переполоха. Оказывается, 5 июня в два часа ночи было предпринято наступление двух наших армий навстречу друг другу — 2-й ударной и 59-й. Губительный огонь противника сорвал наши попытки. Наша армия не выполнила своей задачи — не продвинулась вперед ни на шаг. Проход в Мясном Бору снова закрыт наглухо.

7 июня.

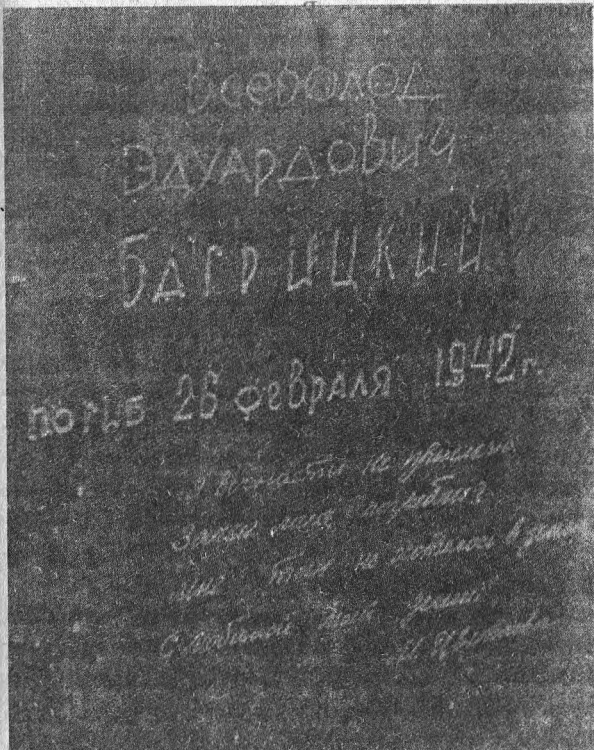
Медленно продвигаемся вперед, преодолевая за ночь не более 500-800 метров. Из-за отсутствия бензина газету будем печатать вручную. Николай Кочетков вот уже полдня ходит возле своей трехтонки, прикидывая, как бы получше приспособить деревянную ручку к заднему приподнятому над землей колесу автомашины, от которого внутрь кузова уже протянут ремень к маховику печатной машины. Кочетков сделает. Раз за дело взялся этот сибиряк — газета не перестанет выходить. Обещает за восемь часов выдавать не менее тысячи экземпляров "Отваги". Объявил запись добровольцев крутить колесо. Редактор просит записать его первым.

Участок, на котором мы расположились, весь исполосован снарядами. Остовы изуродованных и расщепленных деревьев, вывороченные с дерном корневища. На одном из стволов чудом сохранилась пробитая осколками и заляпанная грязью довоенная дощечка с надписью, звучащей ныне издевкой: "Не кидай спичек! Не стреляй тлеющим пыжом!"

Протянуть бы когда-нибудь плакат с такой надписью надо всей нашей грешной Землей...

8 июня.

По дороге к Мясному Бору миновали могилу Всеволода



Могила В.Э.Багрицкого за Мясным Бором
у д.Новая Кересь (снимок 1987 года.)

прочел стихи, прозвучавшие неожиданным диссонансом в эту невеселую минуту:

*Ну как мне не радоваться и не петь,
Как можно грустить, когда день — как звон,
Как песня, как музыка и как мед!*

— Это мои давнишние стихи,— говорит Джалиль, заметив наше недоумение.— Их перевел на русский Эдуард Багрицкий. В двадцать девятом году...

Война обрушивает свои страшные удары даже в прошлое. Перед этой могилой я словно бы вижу тяжелую фигуру Багрицкого-стар-

Багрицкого. Этого места я не узнал — так все изменилось с зимней поры. На дереве еще сохранилась фанерка: "Я вечности не приемлю..." Холмика уже нет. Могила обвалилась и наполовину заполнена черной водой. В воде плавает хвойный, тоже почерневший венок.

Мы подошли с Борисом Павловичем, обнажили головы. К нам приблизился Муса Джалиль:

— Когда-то его отец помог мне поверить в себя.

И Муса тихо



Следопыты поискового отряда "Эдельвейс" из Набережных Челнов у могины В.Э.Багрицкого.

шего, который в том же 1929 году обращался к своему сыну-пионеру:

*Ведь я еще молод!
Веди меня, сын,
Веди меня, сын,—
Я пойду за тобою...*

Сколько трепетной надежды возлагал он на сына, вступающего в жизнь, каких чудесных превращений ожидал и для себя от союза двух поколений.

*Я стану как равный
на вольном пути
И слух обновится,
и голос, и зренье.*

Эта мысль не покидала Э.Багрицкого до конца. В 1931 году в "Разговоре с сыном", написанном к 14-й годовщине Октября, он снова и снова возвращается к этой же теме:

*Каждый из нас, забыв о себе,
Может неловко и неумело,
Губы кусая, хрипя в борьбе,
Делает лучшее в мире дело.*

И вот могила, так грубо и нелепо разрывающая связь времен, эстафету поколений...

А сзади раздаются нетерпеливые гудки автомобилей.

— Эй, почему остановились? Скорее проезжайте! — подскочил к нам незнакомый офицер.

— Тут похоронен наш товарищ, — говорит Борис Павлович.

Недалеко от могилы Багрицкого — огромная заплывшая болотной жижей воронка. Зимой ее не было. Вражеская фугаска не оставила в покое поэта и после его гибели...

...Тогда я еще не знал, что у меня состоится еще одна встреча с Всеволодом Багрицким, причем, главная встреча. Произойдет она более чем через двадцать лет после его трагической гибели, в 1964 году, когда издательство "Советский писатель" выпустит

крошечный сборник поэта, куда вошли его фронтовые дневники, письма, стихи.

Именно эта книжка позволила мне заглянуть в его душу, которая так и не смогла раскрыться перед нами тогда, в те тяжелые и для него и для всех нас дни.

Сложна и противоречива была судьба этого мальчика. Выросший и воспитанный в семье и окружении интеллигентов, пришедших в революцию сложным и отнюдь не прямолинейным путем, через массу препон, многие из которых так и остались непреодоленными, он словно бы повторял опыт своих родителей, еще не обрета собственного.

Судьба оказалась быспощадной к юному поэту. За десять дней до своей гибели он подводит в дневнике горестные итоги своей жизни:

"Сегодня восемь лет со дня смерти моего отца. Сегодня четыре года семь месяцев, как арестована моя мать. Сегодня четыре года и шесть месяцев вечной разлуки с братом.

Вот моя краткая биография...

Теперь я брожу по холодным землянкам, мерзну в грузовиках, молчу, когда мне трудно. Чужие люди окружают меня. Мечтаю найти себе друга и не могу. Не вижу ни одного человека, близкого мне по своим ощущениям, я не говорю — взглядам. И жду пули, которая сразит меня. Вчера я не спал. Сегодня, наверно, тоже буду лишен сна. Ну и все равно!"(с.117).

Чувство безысходности, отчаяния и тоски он испытывал, вероятно, еще и до поездки на фронт.

6 декабря 1941 года, следуя примеру нескольких своих друзей, он написал заявление в Политуправление РККА с просьбой о зачислении во фронтовую печать. В этот же день в его дневнике появляются вырвавшиеся буквально на одном вздохе пророческие строки:

Мне противно жить не раздеваясь,

На гнилой соломе спать

И, замерзшим нищим подавая,

Надоевший голод забывать.

Коченея, прятаться от ветра,

Вспоминать погибших имена,

Из дому не получать ответа,

Барахло на черный хлеб менять,

*Дважды в день считать себя умершим,
Путать планы, числа и пути,
Ликовать, что жил на свете меньше
Двадцати...*

Фронтная одиссея началась у него 8 января 1942 года. В этот день он записал в дневнике: "Чин мой техник-интендант... Получил назначение в армейскую газету в должность писателя-поэта".

9 января: "Сейчас еду в поезде на фронт, в армейскую газету".

13 января: "Испытал приступ тоски. Хочу убедить себя, что сделал нужный шаг в своей жизни, и не могу. Может быть, неправ! Может быть, неправ!"

24 января: Всеволод добрался до нашей "Отваги". "Встретили меня приветливо, накормили обедом, даже спросили, как я себя чувствую. И поселили с хорошими людьми".

Редакционный порог Всеволод переступил, как видим, уже с какой-то настороженностью и недоверием ("даже спросили, как я себя чувствую").

Он не откладывает на завтра свои первые впечатления и в этот же день записывает: "...сразу же мне бросилась в глаза некая усталость у сотрудников, невозможность увидеть вещи сверху, узкое восприятие событий". Об этом же сообщил и в письме к матери (27 января): "...живу вместе с тремя сотрудниками редакции. Очень приятные, образованные люди. Но на мой взгляд — чудаки. Один из них историк-философ..."

Историк-философ — это наш Борис Павлович Бархаш, доктор философских наук, профессор, к слову сказать, удостоенный этого высокого ученого звания в двадцатилетнем возрасте. Назову и двух других "чудаков", которые, по мнению юного поэта, "узко воспринимают события" и не могут "увидеть вещи сверху": Лев Алексеевич Моисеев — заместитель редактора "Отваги", по своей мирной профессии специалист по истории международных отношений, и Лазарь Борисович Перльмуттер — известный литературовед, профессор, специалист по языку и литературе, один из ведущих ученых МГПИ им. В.И.Ленина.

В редакции Всеволод оказался самым юным. Вполне простителен его мальчишеский максимализм. Он и позже находился под влиянием вряд ли справедливых оценок. В письме

своему другу журналисту Влад. Сем. Спиваку он пишет 10 февраля 1942 года:

"В редакции идёт давнишняя борьба между редактором и остальным коллективом. Сейчас она медленно приближается к кульминации. Сперва я оставался в стороне от всей этой муры. Но наконец и меня затронули редакционные дрязги. Увы, все мои работы правятся редактором и теряют всякий намек на индивидуальность. Я вспыльчив и часто отвечаю начальнику грубостью. И он ищет причин, чтобы придраться. Окружающие меня люди втихомолку ругают начальство. А я до сих пор не могу понять, почему нужно бояться батальонного комиссара. Стараюсь писать меньше и лучше" (с. 112-113).

Я не исполнил бы своего долга, если бы не заступился за нашего бедного, добродушнейшего и совершенно беззлобного товарища Батальонного, судьба которого в конечном счете оказалась столь же трагичной. Николай Дмитриевич, впервые столкнувшийся с военной печатью, сам испытывал неимоверные трудности в работе, как и все мы, совсем незадолго до этого — гражданские лица. Редактор не занимался правкой редакционных материалов. Этим больше всего приходилось заниматься мне да Николаю Никитовичу Лихачеву — начальнику отдела боевой жизни.

От Никитича, как я уже отмечал, не было пощады никому из нас. Править приходилось всех, в том числе и самого Николая Дмитриевича Румянцева. У военной печати свои законы, свои жесткие требования, и конечно приходилось частенько жертвовать "индивидуальностью", хотя мы старались сохранять её в возможно большей степени. К слову сказать, наша газета и тогда и позднее выгодно отличалась от многих красноармейских газет именно бережным отношением к заметкам наших корреспондентов, о чем не раз во время войны писала в своих обзорах фронтовая и центральная печать ("Красная звезда", "Агитатор и пропагандист Красной Армии", "Фронтовая правда" и др.)

За один день до гибели (25 февраля 1942 г.) Всеволод сделал в дневнике свою последнюю запись:

"Сию в деревне, расположенной неподалеку от Гусева. Гусев идет на Любань. Давно ничего не записывал. Не было времени. Переезды, командировки, бессонница.

Уже два раза попадал под сильный минометный и

артиллерийский обстрел. Чертовски противно. Стал пугливее, чем был... В общем, теперь надо держаться крепко..."

Уже стариком я листаю эту небольшую книжечку, читаю дневники, стихи, письма, вновь возвращаясь к прочитанному. Нет, не стала редакция "Отваги" родным домом для молодого поэта. Не смогли мы разглядеть в этом угловатом, на вид довольно флегматичном пареньке его светлую и чистую душу. Горько думать об этом, но это так. А ведь как он нуждался в нашей дружеской, скажу лучше — отеческой поддержке. Ведь все могло повернуться иначе.

Страшная опустошенность царила в смятенной душе поэта, когда он отправлялся в свою последнюю командировку. тоскливое равнодушие ко всему испытывал он, видимо, и тогда, когда в последний раз прислушивался к зловещему, неумолимо нарастающему вою авиабомбы в деревне Дубовик 26 февраля 1942 года...

9 июня.

Отцвела черемуха. Весна кончилась. Виталий Черных, поддаваясь элегическому настроению, вспоминает Омар Хайяма:

*О, если бы в веках, как зелень луговая,
Мы расцвели опять из глубины земли...*

У огромной березы, возвышающейся над молодой порослью мелкокося, на раскинутой шинели устроилась со своими корректурами Женя. Рядом с ворохом цветов лежит раскрытая брошюрка: "Опознавательные знаки немецких самолетов". Впрочем, брошюрка эта никому не нужна. Не только самолеты, но даже и снаряды мы различаем по звуку. Если снаряд ноет, как комар, значит — вражеский. Если слышно лишь шуршание рассекаемого воздуха, этот наш. Лети, голубчик! Иногда в воздухе раздается лишь пение снаряда без предварительного выстрела. Это тоже наш: появились пушки с глушителями. Бьют почти беззвучно. Такие пушки труднее засекать.

Между деревьями растянута кусок вывернутый наизнанку березовой коры. По бересте расплылись выведенные химическим карандашом слова: "Берите пример с отделения сержанта Сушко! Они выполняют норму на 200 процентов!" Это трудятся саперы,

прокладывая в здешних гиблых местах болотную гать и поддерживая ее в проезжем состоянии. Напишут ли когда-нибудь о героическом труде наших саперов на войне. Вот и теперь, когда при бомбежках и обстрелах все живое прячется в щели и укрытия, они вылезают из этих укрытий, чтобы уже к концу бомбежки восстановить разрушенные участки дороги и позволить транспорту без задержки продолжить движение...

Вспоминается рассказ капитана Чечельницкого Александра Константиновича из 660-го отдельного саперного батальона:

— Особенно трудно было саперам зимой, при форсировании Волхова в январскую стужу. Вражеская авиация непрерывно взламывала лед, вверх летели столбы воды, обдавая ледяным душем форсирующих реку солдат. В воронки попадали люди. Вытащить их было не так уж трудно, а вот обсушить, обогреть негде: только в убогих землянках на берегу. Хуже было с лошадьми, они проваливались под лед вместе с повозками. Их спасти не удавалось...

Саперам не легче и сейчас, в летнюю пору, в этих душных испарениях гнилых болот при непрекращающихся бомбежках и обстрелах...

Сегодня утром три бомбардировщика летели бомбить наши склады под Новой Керестью. Зенитчики подкараулили их и первым же залпом сбили два самолета. Немцы мстят, яростно обстреливают позиции зенитчиков. Уже трижды прилетали истребители, видимо, провоцируя зенитчиков на ответный огонь. Но зенитчики, когда летают истребители, помалкивают. Бьют только по бомбовозам.

10 июня.

56-я и 57-я стрелковые бригады продолжают вгрызаться в оборону немцев в районе Мясного Бора. Теперь нас отделяет от своих перешеек в 900 метров.

В штабе стало известно, что 8 июня вновь восстановлен Волховский фронт. Созданная в апреле Волховская оперативная группа Ленинградского фронта не выполнила своей задачи. В Малую Вишеру вернулся в качестве комфронта К.А.Мерецков, вместе с ним прибыл представитель Ставки А.М.Василевский. Позже мы узнаем, что им поручено исправлять допущенную ошибку — выручать из беды Вторую ударную армию.

Возвращаясь из штаба, мы с Виталием Черных попали под

обстрел. Снаряд разорвался недалеко, воздушной волной меня отшвырнуло в сторону, оглушило. Очнувшись, я увидел отряхивающегося от земли и грязи Виталия Ивановича. Неподалеку от нас лежал изувеченный этим же взрывом боец. У него вырван кусок спины. В крошечке изломанного позвоночника какие-то пульсирующие пузыри и жилки. Солдат в беспамятстве пытается на руках подтянуться к стволу, грызет землю, хрипит:

— Ничего, ничего..., это только волной... Воды, воды...

Трясущимися руками я поднес к его губам флягу. Лязгая зубами, боец глотнул раз, другой. И затих. Навеки... Неужели это я убил его глотком воды?..

В моем дневнике впервые появляется запись: "Очень устал"...

11 июня.

Ночью филолог принял по радио материалы о поездке В.М.Молотова в Англию и США. Лицо у филолога радостное: Бог даст, и второй фронт не за горами... Готовим экстренный выпуск. Редактор с группой молодежи отправился за бензином. Николай Дмитриевич собирается выпрашивать на газету со всех машин по литру или кто сколько не пожалеет. К газете очень хорошо относятся, и Николай Дмитриевич рассчитывает на успех своей экспедиции.

Плохо с продовольствием. На костре кипит жиденький суп, заправленный крошечной щепоткой крупы. Заварку для чая заменяют смородинные листья. Саша Летюшкин приспособился варить "зеленые щи" из какой-то болотной травки-трилистника. Эту травку сибиряк Ятин называет кислицей. Пожалуй, голод мучительнее бомбежек и обстрелов. Мне рассказывали, как ослабленные истощением многие воины уже не могут подняться с земли и все же ведут огонь из автоматов и пулеметов, отбивая противника, бьются до последнего вздоха.

Чем же измерить силу духа и стойкости нашего народа! Нет, не только жесткие пункты воинского устава руководят поступками воина в эти минуты. Ведь он уже не боится смерти, он знает, что почти уже мертв, и жива в нем сейчас только ненависть к врагу, только мысль, что он может остановить еще одного, еще одного, еще...

Сегодня с Мишей Каминером побывали у антюфеевцев. За последние дни они перемололи множество вражеской пехоты. У них кончаются боеприпасы. Артиллерия и минометы уже молчат.

Лишь со стрелковым вооружением они перешли в контратаку и отбросили немцев более чем на километр. Очень хвалят гвардейцев Буланова. "Первый раз нам попался сосед, на которого можно вполне положиться". Отлично дерутся бойцы 23-й стрелковой бригады, 4-го гвардейского полка. Арьергардные бои ведут лучшие наши силы.

Вечером наборщик Голубев принес корректурный оттиск, на обороте которого выведены карандашом шуточные строки, свидетельствующие о неистощимом оптимизме нашего "корректорского цеха". Вот начало нового стихотворного опуса Жени Желтовой, названного ею "Есенин на военный лад":

*Слышишь, мчатся кони!
Кони, слышишь, мчатся? ..
Хорошо б за Волхов
Живым перебраться...*

И еще несколько "есенинских" строчек:

*Милая спросила: "Крутит ли метель?
Затопить бы печку, постелить постель..."
Я ответил милой:
Нынче с высоты
Немцы сыпят бомбы.
Бомбы — не цветы...
Не топи ты печку,
Сверху виден дым.
Лучше быть голодным,
Нежели седым...*

В конце стихотворения указаны точные обстоятельства и условия творчества: "Сочинено 11 июня 1942 г. в 12.00. Жду оттиска с машины. Лес. Дождик. Солнышко."

12 июня.

Двенадцать "хейнкелей" более часа бомбили расположение КП штаба. Бомбы довольно точно ложились вблизи землянок командарма, Военного совета, политотдела. Неужели немцы располагают информацией о месте дислокации штаба армии? Впрочем, даже

Визит

Визит Ямал, нунак оуеуеу —
нунак уау. Ен едидиуу.
Свадана... нунга... раз, два, три...
— негум ко Ямал? своджу.
Ен, тоат гелонкоу, Ямалс кунда
— на са-тао нунак... "мур" жеу.

Всемирная история

Сыпавшись, мечтает Коки,
Коки, сыпавшись, мечтается?
Хорошо б уле Кокиков
Никому предостать.

Милая супруга: „Купишь ли
Затопить бы перцу, коей на жар
А отквешиваю: — кошке
Перцы съест, бои бы...
Бои бы — не даешь...
Не можешь ты перцу:
Сверху виден дом
Другие боятся холодами
Не жалею осым,

Генерал

Сорокино () 11 июля 1994
в 12-00. Изд. отделе СММ
Ист. Ист. Инстит. Сорокино.

Автографы стихов Жени Желтовой.

точная бомбежка, к счастью, оказалась не столь губительной, как могла бы быть. Наши жертвы: один погиб, двое раненых...

Вечером мимо нашей редакции проходил генерал Власов. Редактору удалось выманить у него два литра бензина в награду за только что принятый по радио текст договора между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии. В беседе с группой окруживших его солдат командарм сообщил, что по выходе их окружения армия будет переведена в резерв на пополнение. Солдаты не скрывали своей радости, услышав об этом...

13 июня.

Вчера вечером наш квадрат леса снова бомбили 18 "хейнкелей". У зенитчиков редкая удача — сбили сразу пять самолетов.

С полуночи появились слухи о том, что путь через Мясной Бор открыт. Пока только для пеших. Якобы проходил какой-то лейтенант с "пропуском" на ту сторону.

Противник жмет. Сдана Ольховка. Это — прямая угроза Новой Керести, в районе которой мы стоим.

От Антюфеева вернулся Григорий Чазов. За последнюю неделю антюфеевцы уничтожили более четырех тысяч гитлеровцев. Это по крайней мере в шесть раз больше, чем располагает дивизия. Вчера за десять часов немцы выпустили по расположению дивизии не менее тысячи снарядов и столько же мин. Антюфеев говорит, что еще одного такого напора ему не сдержать. Враг все время подтягивает резервы. У Антюфеева очищены все тылы. Боеприпасов нет. Нет продовольствия. И все-таки держатся, держатся...

"Бойцы, командиры, политработники, — докладывал в эти дни Военсовету фронта начальник политотдела армии И.И.Гарус, — проявляют образцы стойкости и мужества. 13 июня 1942 года гитлеровцы бросили на 92-ю сд 30 танков. Подбито 11 танков, из них шесть взорвано и сожжено. С 9 по 13 июня дивизия подбила 18 танков, сбито 4 самолета, истреблено 1200 фашистов. Однако, в армии создалось тяжелое положение со снарядами и минами, что сковывает действия войск..."

В эти же дни Член Военсовета армии И.В.Зуев сообщал в радиোগрамме Военсовету, что бойцы уже в течение трех недель получают только по 50 граммов сухарей, что нет боеприпасов. Войска героически, с трудом отбивают непрерывные атаки неприятеля.

С КП вернулся редактор. Никаких отрядных новостей. Никаких успехов в проклятой дыре. Принес листовку с обращением Военного совета фронта к воинам 2-й ударной армии. Мужественные слова правды: "Сейчас, когда потребовала обстановка, по приказу командования фронта, армия занимает новые, более выгодные рубежи для обороны и наступления, чтобы еще крепче, еще сильнее бить врага, уничтожать его живую силу и технику, срывать его планы. Организованно занимая новые рубежи, 2-я ударная армия одновременно наносит сокрушительные удары по врагу. Тысячи немцев кормят могильных червей под Красной Горкой, Червино, под Дубовиком и Еглино... От каждого воина 2-й ударной требуется величайшая дисциплинированность и организованность. Каждый боец должен сражаться отважно, держаться непоколебимо, быть готовым скорее погибнуть смертью храбрых, чем не выполнить свой воинский долг".

Военный совет фронта призывает бойцов, командиров и политработников армии вести решительную борьбу с трусами и паникерами, распространителями провокационных слухов. Вряд ли, однако, в этом возникает реальная потребность. Трагические обстоятельства до конца вскрывают духовные и нравственные качества человека. Мне еще никогда не приходилооось встречаться с такой строгостью и подтянутостью, которые особенно характерны для всех в эти дни. Словно бы каждый принял в своей душе твердое решение, которое не может быть ни пересмотрено, ни отменено...

14 июня.

Борис Павлович Бархаш и Муса Джалиль принесли новости с КП. В Мясном Бору осталось прорвать не более 300 метров. Активно действует наша штурмовая авиация, базирующаяся за Волховом. В районе Ольховки гитлеровцы сосредоточили до 40 танков и значительное количество пехоты, готовясь отрезать пути отхода частей нашей армии на Сенную Кереть. Наши штурмовики (немцы прозвали их "шварцентов" — черная смерть) с одного захода вывели из строя 14 танков. Шесть танков подбито из ПТР и ПТО. В этот же день штурмовики разгромили колонну противника тяжелых машин у Финева Луга.

Пришел регулировщик с дороги. Просит мобилизовать весь народ на ремонт разбомбленной жердевки. Отправились все, кто не был занят на выпуске газеты.

Сейчас только шесть часов вечера, а уже девятый налет вражеской авиации, начавшей полеты с четырех утра. Сколько еще? Пленные летчики показывают карты, исчерченные вдоль всей нашей дороги квадратами-секторами бомбежки. Они получили инструкцию — не бояться зениток, у русских нет боеприпасов. Зенитки и правда молчат. Берлинское радио объявило о полной ликвидации Волховского фронта.

К одиннадцати вечера я потерял счет бомбежкам.

В двенадцать раздается команда нашего Батальонного:

— По коням!

Заводятся моторы. Разукрашенные как на празднике маскировочной зеленью машины трогаются в путь...

По вечерам над нашим болотом повисает какая-то гнилая, душная испарина. Она колыхается, ... расстилается по жидкой пузырящейся земле. Волховский бассейн едва ли не самый болотистый в нашей стране...

Много лет спустя мне стало известно, что в этот самый день, 14 июня, фашистский офицер Рудольф Видеман злорадно записывал в своем дневнике: "...Наша авиация работает здорово. Над болотом, в котором сидят русские Иваны, постоянно висит большое облако дыма. Наши самолеты не дают им передышки. А они все же не сдаются в плен. Вчера мы дали подписку: умрем, но русских из болота не выпустим. Пустьдохнут с голоду в этом котле..."

Небезынтересно отметить, что в приведенной выписке даже сквозь зубовой скрежет ненависти угадывается удивление теми, кто находился в этом страшном болоте: "А они все же не сдаются". Написавший это сам находился в том же болоте: он знал почем фунт лиха...

15 июня.

Только бы не спятить с ума в этом аду. Бомбежка началась с четырех утра. Всю ночь со всех сторон пулеметная трескотня, уханье орудий, лягушачье кваканье мин. Дорога почти полностью разрушена, много сгоревших машин, много жертв. Чем вероятнее наш прорыв у Мясного Бора, тем активнее насаждают фашисты с тыла, тем сокрушительнее удары с воздуха. Уцелеем ли, пока прорыв у Мясного Бора произойдет? На карте мне показали участок, якобы уже очищенный от немцев — три километра

между Мостками и Любиным Полем, немного в стороне от нашей жердевки.

Операцией по освобождению (Господи, какой нелепый для у д а р н о й армии термин!) руководит один из представителей Ставки, вроде бы Василевский. Недостатка в слухах сейчас нет. Говорят, что от Ворошилова получена телеграмма о выделении в помощь нашей армии 40 танков и 90 самолетов.

К пяти часам дня наступило некоторое затишье. Трескотня немецких зениток и взрывы бомб слышны лишь в районе Мясного Бора. Артиллеристы говорят, что у Теремца Курляндского наши войска соединились с войсками 52-й армии, действующей от Новгорода. Наши зенитки молчат, кончились боеприпасы.

В 20.30 опять воздушный налет. Двенадцать "юнкерсов" уютжат наш квадрат леса.

16 июня.

Как и вчера, бомбовозы начали свою дьявольскую работу с четырех утра. Едва они улетают, вступает в дело артиллерия. Потом снова самолеты...

Сведения о трехкилометровом прорыве оказались очередной брехней. За последние два дня там никаких обнадеживающих изменений не произошло. 300 метров в злосчастной щели так и не удастся преодолеть. Зато в нашем тылу дела все хуже и хуже. Булановцы вынуждены уступать напору. Сдана Глухая Кересть. Никакой телеграммы от Ворошилова не поступало...

Где-то неподалеку сразу же после взрыва раздался стон раненой лошади. Кажется нет ничего тоскливее на свете, чем пронзительный стон, вернее, вопль смертельно раненой лошади...

У Жени Желтовой новый поэтический замысел: она всерьез стала угрожать нам, что напишет об "отважниках" целую поэму. И вот Леша Летюшкин с очередной партией корректур принес мне "ОТРЫВОК ИЗ "ОТВАЖНЫЕ".

Два персонажа в этом отрывке: Ятаич — наш молодой наборщик Николай Ятаев и Никитич — Николай Никитович Лихачев — наши самые отчаянные "храбрецы", пуще всех боящиеся воздушных налетов.

В сценке изображается разговор выглянувшего из землянки наборщика и находящегося в землянке Никитича, который услышал гул приближающихся самолетов:

"ОТРЫВОК ИЗ "ОТВАЖНЫЕ"

Вылез Ятаич, трусливо взглянул —

Неужто глаз его обманул...

Сволочи... Немцы... Раз, два, три...

— Летит кто, Ятаич? Смотри!

Но чтоб успокоить, Ятаич кричит:

— Не бойся Никитич, "миг" наш...

И мигом, как мышка, юркнул в блиндаж...

16 июня 1942,

16 часов.

Женька."

17 июня.

Совсем развалились сапоги, полученные мною год назад. Пришлось прикрутить подметку концом телефонного провода. Неужели мой солдатский век окажется не больше века солдатского сапога?

Бомбят. Время лишь 17 часов, а уже восьмая бомбежка. Началось, как и обычно, с четырех утра.

На фронте без изменений.

18.15. Девятый...

20.00. Десятый. Комбинированный с артобстрелом. В воздухе безнаказанно торчит проклятый "костыль", корректирующий и обстрел, и бомбежку.

18 июня.

Слава Богу, с полудня испортилась погода, самолеты поутихли. В стороне Мясного Бора разразилось столпотворение, какого, пожалуй, не было и при прорыве на Волхове. Из-за непогоды перестали летать и наши самолеты. Значит, с продовольствием станет еще хуже.

О невероятных трудностях медиков рассказывает врач санитарного взвода М.М.Холостова:

— Антисанитария и теснота у нас ужасные. Все мы — и раненые, и медперсонал — обовшивели. Приходится снимать с себя гимнастерки, кофточки, рубашки и выскребать ножом всю эту пакость. Воздушные пираты без конца бомбят, прочесывают лес пулеметными очередями. Сестрички дрожат под сосной, прячем

прежде всего ноги и руки, боимся остаться навек калеками... В это время в палатке у нас умирал тяжело раненый двадцатипятилетний артиллерист, диктовал свое последнее письмо матери, что мол, жив-здоров, чтобы не беспокоилась. А нам говорил, что она не переживет его смерти... Однажды подхожу к своим раненым и чувствую трупный запах. Спрашиваю, кто умер, где труп. Старшина отвечает: "Это боец принес лошадиные почки и хочет их сварить, а они уже зеленые". Я выплеснула из котелка это варево и объяснила бойцу, что он умрет, если съест эту отраву. Боец назвал меня извергом...

Страшно писать об этом, но голод уже доводит людей до отчаяния, до умопомрачения. В одной из наших частей отмечен случай каннибализма. Боец вырезал печень у только что погибшего солдата, поджарил на костре и съел. На допросе признался, что делает это не впервые: еще в прошлом году, находясь длительное время в окружении на Западном фронте, он делал тоже самое...

19 июня.

Дождя хотя и нет, но погода пасмурная, нелетная. Результаты вчерашнего боя у Мясного Бора еще не известны. КП все время подвергается минометному и артиллерийскому обстрелу.

Позавтракали жиденьким "супом" с несколькими гречневыми крупинками на дне. Но, странное дело, никто не жалуется на голод, как-то даже и не принято говорить о еде...

Вечером были у артиллеристов. Там у них есть замечательный гармонист. Без конца льются печальные звуки, прекрасные русские мелодии.

— Мирный вечер, — задумчиво говорит гармонист притихшим слушателям.

Вспоминается дом, доброе старое время. Доброе старое время! Кажется только в такие моменты и постигается истинный смысл этого древнего изречения.

На днях пришло письмо от Веры. Письма сестры всегда меня радуют. Она держит меня в курсе наших семейных событий. Из Ташкента, куда эвакуированы моя мать и вторая сестра с грудными двойняшками, весточки получаю очень редко. Тяжело им там. Вера сообщила о младшем брате Николае. После окончания Борисоглебского авиаучилища он отправился истребителем на Север, к Мурманску. В добрый час, мой славный братишка! Вера пишет,

что ты совсем богатырем стал. Там, как раз сейчас и нужны богатыри. Впрочем, где они сейчас не нужны, на фронте ли, в тылу ли...

Днем Жора Мачнев, наш шофер, внимательно наблюдающий за событиями в районе жердевки, прибежал с радостной новостью: сам слышал разговор какого-то капитана с группой раненых бойцов, которые со стороны Мясного Бора направлялись в санбат.

— Куда вы прете, чудак, — остановил их капитан. — Возвращайтесь обратно. Проход в Мясном Бору расчищен. Раненых уже начинают переправлять за Волхов...

Через полчаса Мачнев снова вернулся с дороги, заметно погрузневший:

— Опять брехня. Проходил какой-то другой командир. Когда узнал о беседе с ранеными, бросился догонять того капитана, чтобы арестовать за распространение ложных слухов...

Кажется, я еще нигде не отмечал, что в здешних болотных зарослях ни на секунду не затихают соловьиные трели. Их не заглушает даже грохот разрывов.словно со всего света слетелись сюда соловьи и не устают твердить нам: есть, есть, есть у людей другое, более достойное назначение...

Есть, наверное, но кажется путь к нему лежит только через этот ад...

Подав заявление о приеме в партию. Написал все, чем жива сейчас душа: "Прошу принять меня в кандидаты большевистской партии. Считаю, что вся моя жизнь в комсомоле и особенно в дни Отечественной войны, в которой я участвую с июля 1941 года, подготовили меня к этому самому ответственному шагу в моей жизни."

20 июня.

Редактор с вечера ушел на КП и еще не вернулся. Ночью меня разбудил дежурный шофер Юлин и сообщил, что меня ждет на дороге представитель штаба армии. В предрассветной мгле состоялась беседа с майором Бабуриным. Он уточнил, сколько у нас машин, есть ли бензин, в порядке ли автомобили. Ссылаясь на распоряжение дивизионного комиссара И.В.Зуева, майор рассказал:

— Брешь в Мясном Бору вот-вот будет пробита. Вчера наши танки прорвались с той стороны к нам. Надо как следует подготовить машины. Редакция находится во второй зоне. Каждая зона

разбивается на колонны по 20-30 машин в каждой. Будут назначены руководители колонн. Подчинение руководителю колонны и находящимся на дороге регулировщикам безоговорочное. Скажет "Стоять!" — значит останавливайся. Скажет "Сворачивай в сторону" — сворачивай без рассуждений. Если какая-либо машина застрянет, создавая пробку, как бы ни был ценен груз, она будет немедленно сброшена с дороги. Как только станет известно, что пеший проход на Мясной Бор уже возможен, сразу пошлите на ту сторону командира, чтобы он перед Волховом подыскал место для стоянки. Ни в коем случае не подъезжать к переправе. Сразу все равно не пропустят. Прятаться от вражеской авиации в лесах. Если нет бензина, послать людей с бидонами: за Мясным Бором его вполне достаточно. Встречного потока грузов не будет, езда только в одном направлении. Заранее заготовьте для каждого автомобиля фашины из жердей и веток, они пригодятся в наиболее плохих местах на дороге...

На рассвете возвратился редактор в очень хорошем расположении духа. В беседе с ним начальник политотдела И.И.Гарус выразил удовлетворение оперативной работой газеты в сложных условиях боевой обстановки. Николай Дмитриевич рассказал о вчерашнем танковом прорыве. Семь танков с десантами автоматчиков прорвались к нам. За ними пробивается пехота. Отправляясь в бой, танкисты, конечно, не заботились о запасах продовольствия. У каждого был лишь свой сухой паек. Встретившись с нашими истощенными войнами, они были огорчены, что не могут ничем поделиться, кроме сухарей. Ах, если бы они знали, каким драгоценным подарком для наших воинов является каждый сухарь... Ночью ожидают подхода еще тридцати танков с пехотой, и тогда коридор для прохода будет закреплён...

Сегодня к скудному нашему пайку добавили по 250 грамм сырой конины, зато меньше стало сухарей. Нам еще везет. Наши соседние артиллеристы получили лишь по 60 граммов сухарей, 10 граммов концентрата каши да по крошечному кусочку конины. Но и это вдвое больше, чем получили они вчера.

21 июня.

Редактора срочно вызвали в политотдел. Приказано обеспечить круговую оборону нашего участка: в распоряжение Новой Керести прорвалось до 30 немецких автоматчиков.

Заканчивается набор завтрашнего, юбилейного, номера газеты. Год войны! Перльмуттер принял по радио статью М.И.Калинина. Приему мешали обстрелы и бомбежки, и мы вынуждены сопроводить статью редакционным примечанием: "Статья М.И.Калинина по независящим от редакции обстоятельствам печатается с незначительными сокращениями". Вот уж поистине "по независящим"...

Год войны. Дата, конечно, не из веселых. Мы встречаем ее в условиях, мало располагающих к оптимизму. Вчерашний день значительно ухудшил положение армии. Противник крупными силами прорвался к Новой Керести. Гвардейцы Буланова, обескровленные в непрерывных боях, оказались отрезанными. Одному полку удалось прорваться, судьба еще одного полка неизвестна.

— Велики ли потери? — спросил я редактора булановской газеты, который с горечью рассказывал о событиях минувшего дня.

— Да ведь и терять-то нечего. В батальонах давно уже по 10-15 человек, не больше. Удивительно, как только держатся...

Единственный наш аэродром, который уже больше недели находился под непрерывным обстрелом, стал теперь передовой позицией. Армия лишилась последней возможности получать боеприпасы, медикаменты, продовольствие.

Вчера ночью в линию связи редакции включились немецкие автоматчики и говорили гадости. Под утро мы обнаружили, что большой участок нашей проводной связи был вырезан.

22 июня.

Снова выглянуло предательское солнце, и уже загудели над головой стервятники. Новый рубеж, поспешно занятый булановцами по реке Кересть, весьма неудобен для обороны. Да и сил нет удерживать его. До пяти часов немцы молчали, видимо, закреплялись на занятом рубеже. А сейчас снова началась ожесточенная минометная и орудийная пальба, к нам она заметно приблизилась.

Сдает и Антюфеев. Его войска тоже пятятся. В тыл к нам прорвались группы испанцев-автоматчиков. Связисты соседнего арtdивизиона наткнулись на одну из этих групп, когда шли искать обрывы на своей линии.

Сейчас захлопали немецкие зенитки. Значит близко где-то наши самолеты. Вот они, стремительно пронесли над нами, и небо мигом очистилось от немецкой авиации. Сколько радости доставляют нашим воинам краснозвездные пилоты. Измученные, придавленные к земле бесчисленными вражескими бомбежками,

наши солдаты, заведя советские самолеты, выскакивают из окопов и траншей, размахивают руками, подбрасывают вверх пилотки, радостно кричат. Но как же редко видим мы свои самолёты. Вот они промелькнули над нами, слышны разрывы бомб на немецких позициях, небо снова очистилось, и тут же снова заполняется вражескими бомбардировщиками...

Записи последних дней в моем дневнике, начиная с 31 мая, вполне можно бы озаглавить: "Как нас уничтожали". Суждено ли мне довести до конца эту жалкую главу нашей жизни?

Сухарных крошек выдали сегодня по 40 грамм...

23 июня.

Кольцо вновь разомкнуто и часть войск протиснулась в узкую щель на ту сторону. У нас же обстановка осложняется с каждой минутой. Территория занимаемого армией участка простреливается насквозь. Вчера всю вторую половину дня не улетали бомбардировщики. В воздухе безнаказанно висел "костыль", и нас жестоко обстреливала артиллерия. Ночью гитлеровцы сбили шесть наших самолетов, пытавшихся прорваться к нам с продовольствием и медикаментами. Ах, эти волшебные белые ночи! "Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса..." Кто бы мог подумать, что эти ночи могут стать проклятием! Сердце разрывается от бессильной ненависти, когда видишь в сумеречном полусвете вспыхивающие факелом и устремляющиеся к земле бесформенной массой наши почти беззащитные машины...

Из-за ночной бомбежки не удалось полностью принять сообщение Совинформбюро об итогах первого года войны. Пришлось опять отправлять в набор это сообщение со сноской: "По независящим от редакции причинам..."

Пальба идет со всех сторон. Пули срывают ветки с деревьев, и Иван Иванович Голубев, что-то ворча себе под нос, выбрасывает эти ветки из наборной кассы, пристроенной на самодельных козлах под деревом.

А все-таки газета выходит — за последние сто дней выпущено 80 номеров, не считая экстренных выпусков-листочков. Газету приходится выпускать на неформатной бумаге, всевозможных обрезках, которые раньше считались непригодными.

Газете, конечно, не место на переднем крае. Да какое там! Теперь мы оказались в боевых порядках гвардейцев булановской дивизии, занявшей рубеж обороны по линии Новая Кересть —

Малое Замошье. Булановская дивизия прибыла на наш фронт из Иркутска в конце ноября 1941 года. В нашей армии она успешно громила эсэсовцев из дивизии "Мертвая голова". Сейчас булановцы вместе с антюфеевцами удерживают последние рубежи нашей обороны...

Действия групп вражеских автоматчиков, проникающих в наше расположение, дезорганизуют тылы, вызывают панику. Никто уже ничем не управляет. Убитых не убирают, раненые брошены, некоторые умоляют, чтобы их пристрелили. Медсанбаты забиты сверх всякой меры и тоже не знают, что делать. Наскоро уничтожается все, что невозможно взять с собой в пешую дорогу. Обрадовало сообщение Николая Дмитриевича, что с востока пробила нам коридор и удерживает его 25-ая кавалерийская дивизия прославленного кавкорпуса Н.И.Гусева. В середине мая 13-й кавкорпус был выведен по указанию Ставки во второй эшелон для пополнения людьми, вооружением и боеприпасами. И вот спустя месяц они снова в жестоком бою, идут на выручку нам.

Позже мы узнаем, что в боях по восстановлению коридора 25-я кавдивизия подполковника Д.М.Барина только с 13 по 18 июня потеряла убитыми и ранеными 1.145 человек, в том числе одного командира полка, трех помощников начальника штаба, семь командиров эскадронов и 25 командиров взводов. Потери рвущихся к нам на выручку воинов ничуть не меньше, чем потери гибнущих в окружении.

В НОЧЬ НА 25 ИЮНЯ 1942 ГОДА...

24 июня.

Булановцев продолжают отжимать. На КП армии напало до 300 вражеских автоматчиков. Заняв круговую оборону, штаб прижимается к Мясному Бору. Предпринимаются отчаянные попытки предотвратить панику, возникшую после прорыва гитлеровцев в расположение штаба. Николай Дмитриевич сообщил мне, что в штабе уничтожаются все документы. Получено распоряжение начполита И.И.Гаруса уничтожить всю технику и нам.

...Вечером штаб армии вместе с оставшимися частями будет пробиваться через горловину. Ждать больше нечего. Стоявшие

впереди нас машины уже уничтожены. Принимаемся и мы. Николай Кочетков, Бритов, Мачнев, Лакин с мрачным ожесточением крушат печатную машину, выдирают из нее наиболее важные детали и швыряют в болото. Туда же высыпаются шрифты из наборных касс, летят гранки набора последнего номера газеты, который уже не выйдет в свет.

Наш старик Моисей Маркович безучастно стоит в стороне, понуро опустив голову. По щекам текут слезы, он, видимо, не замечает их. Уничтожается типография, которую он сам создавал. В левой руке старика машинально зажата забытая и теперь уже ненужная верстатка. Впрочем, вряд ли забытая. Ведь он мне говорил, что получил эту верстатку в подарок от своего старого мастера лет сорок назад, когда сам еще был подмастерьем, а вернее мальчиком на побегушках в одной из частных московских типографий. Нет, свою верстатку Моисей Маркович сохранит и в эту страшную ночь, сохранит в течение всей своей жизни. Ему еще суждено дожить до Победы...

Я сунул в полевую сумку оттиски готовых гранок и оригиналы еще не набранных заметок последнего номера "Отваги", не зная, что через много-много лет они помогут мне оживить события тех горьких дней...

Подорвав последнюю машину, наш маленький редакционный отряд отправился в путь. Второй эшелон, в котором мы находимся, будет выходить с 57-й бригадой. Группа редакции выходит с зенитчиками 100-го ОЗАД. День стоим в лесу, прячась от вражеских бомбардировщиков. Пробриться к Дровяному Полю, где находится штаб армии, не удастся. Остатки нашей армии сведены в несколько отрядов. В составе стрелковых подразделений идут все — рядовые и командиры, врачи и медсестры, интенданты и газетчики, ремонтники и повара.

Четверть двенадцатого. Лежим прижатые минометным огнем к земле. Слева насаждают гитлеровцы. Бьют из пулеметов и автоматов. Надо идти вперед. Там находится наш последний коридор... Вероятно, это моя последняя запись на земле...

В сумятице и неразберихе тех дней я, естественно, мог замечать лишь отдельные факты и события, которые оказывались в поле моего зрения. А что же представляла общая картина последних дней Любанской операции? Об этом рассказал Маршал Советского Союза К.А.Мерецков в своих

воспоминаниях тоже много лет спустя после войны, в "Военно-историческом журнале" №1, 1965 г. Там в изложении его рассказ.

23 июня в 23.00 должна была начаться атака 59-й армии с востока и 2-й ударной армии с запада навстречу друг другу. Все артиллеристы, шоферы и другие специалисты взяты в строевые соединения. Тяжелая техника, имущество уничтожены. Однако удар не состоялся. Помешали сильные бомбардировки с воздуха боевых порядков и штаба 2-й ударной армии.

В ночь на 24-е в 23.30 движение войск 2-й ударной было возобновлено. Навстречу им прорывались танки 29-й танковой бригады с десантом пехоты. Артиллерия 59-й армии всей силой огня обрушилась на противника, пытаясь окаймить огнем дорогу, по которой выходили войска. Ураганный огонь противника мешал этому. Все же к утру вдоль узкоколейки образовался узкий проход. "Появились первые группы выходящих бойцов и командиров. Выход войск продолжался в течение всей первой половины дня. Но затем прекратился. Немцам снова удалось взять под контроль дорогу".*)

К вечеру 24 июня дорога вновь расчищена. По этому коридору, простреливаемому перекрестным огнем с двух сторон, в течение ночи и утра 25 июня продолжался выход бойцов и командиров 2-й ударной армии. В 9.30 25 июня немцы вновь захлопнули горловину.

Следующая запись в моем дневнике помечена 25 июня.

Три часа утра. Неужели я снова у своих? По мелкоколесью бредут жиденькие группы людей, весь облик которых говорит о том, что они пережили самую трудную ночь в своей жизни. Мокрые, в болотной грязи, в прорванных осколками шинелях. Страшное утомление, слипшиеся волосы, у многих на лицах запекшаяся кровь.

Накануне вечером многотысячная толпа отправилась к проходу, но быстро таяла в пути.

Багровый диск луны висит низко над лесом справа, предвещая несчастье. Дым и гарь от разрывов, пар от воронок и туман образовали тяжелую грязную завесу, в которой мы пробирались, утопая в грязи, падая и вновь поднимаясь.

*) Военно-исторический журнал" №1, 1965 г., с.69.

Грохот стоял в ушах. Огромные воронки от авиабомб заполнены скрывавшимися от невыносимого огня. Но нельзя прятаться в этих воронках. Они — ловушки. Они давно пристреляны врагом, и мины снова и снова попадают туда.

Впереди гремит бой, надо идти именно туда, где гуще всего кипят разрывы, именно эти разрывы обозначают дорогу, выводящую к своим. И чем отчетливее призрак смерти, тем поспешнее становятся шаги людей. Надо выдержать это проклятое единоборство или погибнуть. Жажда жизни ведет этих людей почти на верную смерть.

Путь пресекает крошечная речка, похожая на дренажный канал. Любой выживший в эту ночь, запомнит ее навек. Вдоль и поперек секут воздух почти над самой поверхностью воды очереди трассирующих пуль. Вода кипит от минных разрывов. Соскользнув в воду, я сразу погружаюсь до самой шеи: так лучше. Ниже, еще ниже, чтобы эти проклятые огненные трассы прошли над головой. На противоположный берег долго не дает выкарабкаться ставшая стопудовой шинель.

Долго я шел по огневому полю, почти ничего не разбирая. И не заметил, как возле меня оказался Саша Летюшкин, наш юный наборщик, почти еще мальчик.

— Ты давно со мной, Саша?

— Все время, Виктор Александрович.

На минуту я присел передохнуть у вывороченного с корнем дерева и, видимо, задремал. Когда я очнулся, кругом никого не было. Рядом спал Саша Летюшкин. Куда идти?

В одном месте мы очутились возле какого-то странного нагромождения перекрученных металлических полос. Это оказалась наша узкоколейка на Волхов. Надо ее придерживать, она выведет к своим. Только нельзя идти по самой узкоколейке, она тоже хорошо пристреляна, мины не перестают рваться вдоль нее.

Мы пошли вперед, время от времени приближаясь к железнодорожному полотну, чтобы не потерять ориентировки.

В одном месте из-за кустов послышался осторожный свист.

— Кто это?

— Свои, браток! Уж очень страшно одному-то...

Постепенно наша крошечная группа стала обрастать новыми попутчиками. К концу путешествия нас набралось несколько десятков.

В половине третьего мы были у своих. Нас встречали незнако-

мые бойцы, бросались обнимать, молча совали в руки сахар, сухари, масло. Не только сочувствие или сострадание видели мы в глазах встречавших. Это было удивительное чувство солидарности, сопричастности к общему делу, чувство готовности разделить такую же, а может быть и горше, судьбу в нашей общей бескомпромиссной борьбе с врагом...

В одном месте, на опушке леса у небольшой песчаной насыпи (повидимому, здесь была землянка или, по крайней мере, щель для укрытия при бомбежках) мы заметили группу генералов и офицеров. Один из них, небольшого роста, в бекеше, скрывавшей знаки различия (кто-то сказал мне потом, что это был Мерецков), подзывал почти каждого выходящего из леса офицера и задавал один и тот же вопрос:

— Что вам известно о Власове? Где вы видели его последний раз?

Где я видел Власова в последний раз?

Позавчера это было, около полудня, в районе расположения командного пункта на Дровяном Поле. Власов возвращался откуда-то торопливым, спотыкающимся шагом, шел один, не задерживаясь и не отвечая на приветствия встречных. Спустился в свой блиндаж. Вскоре туда направилась официантка столовой в белом чистом передничке со сковородой весьма аппетитно шипящих котлет из конины. Большого деликатеса в тех условиях не мог позволить себе даже командующий...

Я недолго пробыл тогда на КП. Встретившись с редактором и получив распоряжение о немедленном уничтожении всей материальной части нашей походной типографии, не мешкая, отправился в редакцию. Николай Дмитриевич остался на КП, чтобы уточнить пункт сбора и порядок движения при выходе личного состава из окружения...

Много позже над расположением частей нашей армии, уже в другом месте, немецкие самолеты разбросали листовки, подписанные предателем Власовым. Невозможно было поверить этому...

А еще позже в одной немецкой книжке мне довелось познакомиться с обстоятельствами пленения Власова. В ней рассказывалось, что после того, как проход в Мясном Бору был окончательно закрыт, немецкое командование предприняло прочесывание всей территории, которую до этого занимала 2-я

ударная армия. Офицерам, участвовавшим в этой операции, были выданы фотоснимки руководящего состава нашей армии.

В одной из крестьянских изб немецкий патруль застал группу мужчин в гражданской одежде. Лицо одного из них показалось офицеру знакомым. Сличив его с фотоснимком, офицер схватился за автомат и в этот момент услышал:

— Nicht schiessen. Ich bin General Vlasov...

Вскоре после окончания войны в наших газетах было опубликовано коротенькое сообщение о казни группы предателей, в числе которых был назван и фашистский холуй Власов. Хорошо помню, что тогда ходила изуствная молва об обстоятельствах захвата Власова. Рассказывали, что в самые последние дни войны, где-то в Чехословакии, в распоряжение наших войск явился перебежчик и пообещал сообщить русскому командованию важные сведения, если ему сохранят жизнь. Получив гарантию безопасности, перебежчик назвал пункт и время сбора власовского штаба, который собирался перебраться в американскую зону.

Дальнейшее не представляло сложности. В назначенный час группа "немецких" танков в сопровождении "немецких" офицеров прибыла в условленное место. Нетерпеливо ожидавшие их власовцы поспешно погрузились со своими пожитками в машины. А через несколько минут их уже разгружали в расположении, увы, не американских, а наших войск...

Действительные обстоятельства захвата власовской группы уже достаточно подробно выяснены и по рассказам очевидцев, и по архивным документам. Но мне не хочется расставаться именно с этой изуствной версией. Уж её-то не раскопаешь ни в каких архивах. А в ней так хорошо, в традиционном русском фольклорно-сказочном духе передана неизбежная судьба предательства...

На другой день после выхода из окружения я рапортом докладывал начальнику отдела пропаганды и агитации политуправления фронта бригадному комиссару Златкину о судьбе редакции. У меня сохранился черновик этого документа:

"Группа сотрудников газеты 2-й ударной армии "Отвага", вышедшая из окружения в ночь с 24 на 25 июня, сообщает Вам следующее.

Газета "Отвага" выходила в окружении ежедневно до самого

стрелковой бригады. Отсюда мы отправились на проход. Группа редакции шла вместе с группой зенитчиков 100-го ОЗАД".

На отдельном листочке, сохранившемся у меня вместе с черновиком донесения, перечислены вышедшие и не вышедшие из окружения сотрудники газеты и типографии. Два неравных столбца в этом скорбном списке: в левом, очень коротеньком, названы имена вышедших —

Холоднов И.Л.,
Кузнецов В.А.,
Каминер М.Я.,
Черных В.И.,

Летюшкин А.,
Раппопорт М.М.,
Левин С.

Вначале этот столбец замыкала фамилия Залилова, поставленная, правда, под вопросом: кто-то говорил мне в тот день, что Мусу Джалиля якобы видели вышедшим из окружения. Но это, увы, оказалось не так.

В правом столбце списка указаны и перечеркнуты имена тех, кому не суждено было вернуться. Не только долг памяти обязывает меня назвать их всех поименно. Разве наша совесть может оставаться спокойной, пока еще не названы поименно все десятки миллионов советских людей в том бесконечном реестре, который лег к нашим ногам после кровавой бойни!

Вот имена моих товарищей, которых я потерял в эту ночь. Все это наши журналисты, наборщики, печатники, корректоры, шоферы...

Румянцев Н.Д.,
Бархаш Б.П.,
Ермакович В.С.,
Лихачев Н.Н.,
Желтова Е.Ф.,
Старченко В.Н.,
Перльмуттер Л.Б.,
Разумиенко Е.Д.,
Купорев,
Жестов,
Смолин,
Голубев И.И.,
Холодов Н.И.,

Корочкин А.И.
Лычагин,
Юлин,
Кочетков Н.А.,
Бритов,
Жуликов,
Лакин С.М.,
Елизаров К.Н.,
Субботин В.А.,
Ятаев,
Ятин,
Чазов Г.,
Мачнев Г.В.,



В.А.Кузнецов. Вскоре после выхода из окружения. Июль 1942 г.

Что мне удалось выяснить в тот и несколько последующих дней о судьбе своих несчастных товарищей?

Первым из своих коллег я встретил у продовольственного пункта начальника нашего походного издательства Ивана Лаврентьевича Холоднова. Мы бросились друг к другу со слезами. Иван Лаврентьевич рассказал о действиях группы, в составе которой он оказался при выходе из окружения. Он недоволен Румянцевым, который, по его словам, без конца задерживал группу, чтобы переждать обстрел. Вышел Каминер, он опасно ранен и сам отправился в санбат.

Выяснилось, что из окружения вышли наши старики-наборщики Левин и Раппопорт. Не было в нашей редакции двух более непримиримых спорщиков, но и более неразлучных друзей. Очевидцы рассказывают, что они шли в этом коридоре смерти, взявшись за руки и поддерживая друг друга.

Зенитчик капитан Смирнов из 100-го ОЗАД, вместе с которыми шла вначале редакционная группа, рассказал мне, что они допустили ошибку, уклонившись вправо, и напоролись на противника. Гитлеровцы завопили: "Рус, рус, сдавайся!" Отряд залег и открыл огонь. Гитлеровцы бросились из окопов. Группа Смирнова, заметно поредевшая, выбралась на дорогу...

Парикмахер, вышедший из окружения, рассказывал:

— Я видел Женю раненой. Она шла с каким-то комиссаром, потом упала и заплакала...

— Точно ли это была Женя?

— Я же её знаю. Да и потом тут говорили, что это Женя из

“Отваги”. Она была ранена, наверное, в ногу и не могла идти. Около неё была ещё одна девушка, кажется, тоже из “Отваги”.

Боже, Боже... Обе наши девушки — Женя Желтова и Валя Старченко...

Полковник Александр Семенович Рогов — начальник разведотдела нашей армии, возглавивший выход из окружения большой группы штабных работников, говорил, что дзоты, перекрывшие проход в самом узком месте горловины и смятые ночью выходящими подразделениями, утром снова были заняты противником. Командарма на выходе Рогов не видел. Неизвестна судьба члена Военсовета дивизионного комиссара Ивана Васильевича Зуева. В день выхода он лично формировал подразделения и отправлял их в путь. Начальник политотдела И.И.Гарус убит. Его заместителю Бельшеву оторвало руку, но он будто бы вышел. Убит генерал Васильев. Ничего не известно о начальнике штарма Виноградове...

Раненых, которых приняли в этот день в госпиталях, очень мало, это значит, что раненые остались там же, в коридоре...

Полковник Рогов — самый старший по должности из вышедших штабистов — уехал сегодня под Борисово (там наш сборный пункт), чтобы выяснить дальнейший порядок действий. Мы ждем его возвращения.

Из состава политотдела армии вышел лишь секретарь парткомиссии батальонный комиссар Александр Федорович Плетюхов, старый большевик, член партии с 1919 года.

— Ну, Виктор Александрович, теперь мы проживем до ста лет...

Через год — 10 июня 1943 года — он подорвался на mine, пытаясь сорвать цветок, который он увидел в небольшом кустарнике возле своей землянки...

Столь же печальна судьба Ивана Лаврентьевича Холоднова, который вскоре после выхода из окружения был командирован в тыл для создания новой походной типографии и уже на обратном пути в армию, 5 сентября 1942 года, погиб на одной из прифронтовых железнодорожных станций во время воздушного налета. Надо же было случиться так, что Иван Лаврентьевич, выскочив из вагона, бежал к той самой точке, в которую в тот же самый момент врезалась бомба... Единственное, что удалось обнаружить от несчастного, был обрывок обложки партбилета, на котором уцелела его фотография и с трудом прочиталась его

фамилия... Останься он на месте, благополучно вернулся бы в редакцию вместе с печатной машиной. Этой машине суждено было жить в нашей редакции до самого конца войны...

Блокнот мой полнился рассказами очевидцев, когда я бродил в те дни из госпиталя в госпиталь, безуспешно разыскивая своих товарищей.

Вот, как просто, хорошо, почти буднично рассказывал старший сержант Рыжов из 59-й стрелковой бригады об этой ночи:

— 24 июня получил приказ выйти на прорыв “кольца”. Я с группой бойцов был придан третьей роте. Рассказал бойцам о задаче и вместе с майором Беловым повел их в наступление. Красноармейцы рвались вперед и кричали: “Погибать, так героями!” Из моего отделения вышли 7 человек. Сейчас мы все готовы снова биться с врагом. Мы ещё им покажем...

Рассказ другого бойца (жаль, в блокноте не записана его фамилия):

— А ведь вот не нашлось таких, которые захотели бы остаться у окупантов. Все пошли. Я омертвел весь, а шел...

Всюду, где ни появись, разговор об одном и том же. Только успевай записывать.

В столовой госпиталя уже немолодой командир рассказывает:

— Всякое видывал. В перекопских боях участвовал. Нигде ничего подобного не испытал...

Коммунист 801-го артполка 259-й сд Петровский — рядовой боец. Выходя из окружения, он увидел, что 2 вражеских пулеметчика отсекают путь нашему подразделению. Петровский незаметно подкрался к ним с тыла и уничтожил вражеские расчеты. Потом он обнаружил двух вражеских автоматчиков, прятавшихся под сваленным деревом, и тоже уничтожил их. Путь подразделению был расчищен...

Сержант Сторожев и красноармеец Моташнов из 1265-го полка 382-й сд — коммунисты. В бою при выходе они захватили вражеский дзот. Оба были ранены. Фашисты окружили дзот и стали кричать: “Рус, сдавайся!” Раненые продолжали отстреливаться. Фашисты подожгли дзот. Бойцы продолжали стрелять даже тогда, когда дым и огонь стали застилать амбразуру. Затем стрельба прекратилась. Пламя с треском пожирало сухой хворост, дзот превратился в бушующий костер. И так поразительна была мученическая гибель в огне непокоренных советских воинов, что замолчали даже и гитлеровцы...

Начальник штаба 46-й сд, подполковник, коммунист Черненко при выходе из окружения был тяжело ранен. Немцы решили взять его живым. Подполковник отстреливался из нагана. Остался последний патрон. Прежде чем пустить последнюю пулю себе в висок, подполковник стал бросать в лицо уже торжествующим врагам страшные ругательства. Знавшие его вспоминают, что никогда и никто не слышал от него ни одного бранного слова...

...Комсомолка Е.Д.Романова — военфельдшер 259-й сд — вывела из района Новой Керести на Мясной Бор 75 раненых красноармейцев. Под минометным и пулеметным обстрелом она сделала более 50 перевязок. "Только потом я вспомнила, что ведь это было в день годовщины войны..."

По дороге из окружения видели 12-13-летнюю девочку, которая тащила на руках своего братишку лет трех. Они вышли...

Группа бойцов и командиров 23-й стрелковой бригады — старший лейтенант Смирнов, политрук Романов, старшина Папакин, сержант Стрельниченко, красноармеец Шерemet при выходе уничтожили гарнизоны двух вражеских дзотов, пулеметную точку в подбитом танке, в рукопашной схватке уничтожили 5 гитлеровцев. Лейтенант Леус из этой же бригады с группой связистов уничтожил расчет вражеского пулемета.

Рассказ Калавина Ивана Ильича из 839-го гаубичного артполка: — Вышел из ада 22 июня. В четыре утра были уже у своих. Почувствовав это, я от радости упал на траву, и нет сил подняться, да и желания подниматься нет. Так бы и лежал на этой сухой луговинке, которую впервые увидел после многих месяцев в гнилом болоте...

Подошел врач и медсестра. Поставили градусник. Сестра критически оглядывает меня и говорит тихо доктору: "Как он мог выйти?" — и передает ему градусник. Врач тоже качает головой, а говорить старается убежденно, спокойно: "Милая, мы еще плохо знаем человеческие возможности..."

Приведу ещё две истории, ставшие мне известными в те дни. Командир второго батальона 1265-го полка 382-й сд лейтенант Николай Пред незадолго до последних боев был принят в партию. Его батальон дважды прикрывал отход дивизии на новый рубеж. 26 мая 85 человек, оставшихся к этому времени в батальоне, остановили несколько сот гитлеровцев, прорвавшихся на станцию

Радифинниково. Свыше 200 немцев было убито. Второй раз лейтенант Пред прикрывал отход дивизии на лесопункте.

Об этом мы писали в последнем номере "Отваги" 23 июня. А в ночь на 25 июня лейтенант Пред выходил из окружения вместе со всеми. Рядом с ним была военфельдшер комсомолка Спирина. Должно быть, она была славной девушкой, и лейтенант, наверное, любил ее. Они шли вместе и вместе надеялись победить смерть. Они шли рядом, помогая друг другу. Мина изуродовала их обоих. У лейтенанта оторваны рука и нога. Девушка осталась без ноги. Вероятно они без слов поняли друг друга. Он вынул из кобуры наган. Вынула свой пистолет и девушка. Один за другим прозвучали почти неслышные в том аду пистолетные выстрелы...

И не хотел бы, да на память невольно приходит древняя легенда о Тристане и Изольде и о двух волшебных цветках, выросших на их могиле. Только вот кто же найдет эту могилу в волховских болотах за Мясным Бором?..

В оргплановом отделе штаба армии работал бухгалтером Скоров-Сабурин. Уже старик. Слабый, больной человек. Когда он добровольно пошел в народное ополчение, жена сказала ему: "Я пойду с тобой, без меня ты пропадешь..." Это была тоже пожилая, довольно полная женщина, с копной рыжих, вечно растрепанных волос. Возражения супруга, конечно, ни к чему не привели, и они оказались на фронте вместе. Она работала в том же отделе машинисткой, опекая больного мужа, как ребенка.

Во время выхода из окружения она ни на шаг не отставала от мужа, подгоняя и подбадривая его. Он шел тяжело дыша и едва передвигая ноги, часто спотыкаясь и падая. Зато ее не покидала энергия ни на минуту. Она ещё находила время делать перевязки раненым, используя вместо бинтов разорванную на узкие полосы простыню, оказавшуюся в её вещевом мешке.

И все-таки получилось так, что они разминулись в пути. Как это произошло, Скоров не знает. Он вышел, о ней ничего не известно. Он потерял все, ради чего и чем жил. Он сидел, понутив голову, потерянный, ко всему безучастный. И вот кто-то сказал ему, что Анну Ивановну, его жену, видели уже за пределами коридора. Она якобы шла и несла крестьянского ребенка. Ещё кто-то подтвердил это, сообщив, что он тоже видел растрепанную рыжеволосую женщину с ребенком на руках.

Старик ожил, засуетился, побежал к командиру за помощью

и, говорят, поехал к Мясному Бору разыскивать свою подругу. Ах, если бы судьба помогла им встретиться вновь...

* * *

По мере того, как мой блокнот заполнялся все новыми и новыми данными о размерах постигшей нас катастрофы, я снова и снова задавался вопросом: как же мне самому удалось выйти из этого пекла? Об этом непременно расспрашивают меня и поныне юные следопыты-поисковики, часто бывающие у меня после поездок в Мясной Бор, об этом непременно допытываются школьники наших подшефных школ, в которых ветераны нашей армии — частые гости...

Да я и сам не знаю, как это получилось...

Помнится, офицер разведывательного отдела нашей армии капитан З.Ф.Иванов рассказывал, как действовал его начальник полковник Александр Семенович Рогов, выводя из окружения значительную группу той же ночью с 24-го на 25-е июня. Александр Семенович, по долгу своей службы отлично знавший противника, тактику и специфику его действий именно на нашем участке фронта, действовал при выходе с учетом своих знаний и опыта. Противник перекрывал путь выходящим из окружения заградительным огнем, перенося его через определенные промежутки времени (1,5-2 минуты) с одного рубежа на другой. Следя по секундомеру, полковник подавал команду на очередной бросок с таким расчетом, чтобы группа всякий раз оказывалась в наименее опасном месте между двумя очередными рубежами заградогня. Поскольку в болотной трясине снаряды и мины уходили глубоко в почву и их осколки разлетались не горизонтально, а почти вертикально вверх, даже сближение с рубежом огня не приводило к большим жертвам.

Но и эта “военная хитрость” давала не так уж впечатляющие результаты: вышли все-таки единицы, большинство офицеров штаба и политотдела погибли при выходе...

Я, конечно, ничего не рассчитывал, да и не умел рассчитывать. Одна единственная мысль была в моей голове: надо идти, идти во что бы то ни стало. Идти, не останавливаясь, бегом, шагом, прыжками с кочки на кочку, ползти на четвереньках, если не удавалось идти, но ни в коем случае не останавливаться на месте...

Уже после выхода я снова встретился с тем самым солдатом,

который ночью осторожным свистом из-за куста привлек мое внимание и признался, что одному "очень страшно идти".

После наркомовский стограммовки на пункте питания, придя в благодушное настроение, он сказал, что следуя за мною, был уверен, что я знаю дорогу.

— Я никогда не забуду вас, лейтенант Кузнецов...

В моих записках даже сохранилось несколько строк об этом моем попутчике. Его фамилия Иващенко. До войны он был агрономом в Донбассе, вывел какой-то небывалый по размеру и вкусовым качествам арбуз, был удостоен за это участия на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве.

— Приезжайте ко мне после войны. Уж такими арбузами вас угошу!..

"Надо же! — дивился я про себя, слушая своего случайного попутчика в беде. — Оказывается и меня можно принять чуть ли не за героя"...

Только никакой я, конечно, не герой. Очень может быть, что меня вела вперед в ту ночь не смелость, не решимость, а самый что ни на есть примитивный страх, трусость. Ведь не случайно существует народное поверье, что если человеку почудилось в темноте какое-то ужасное привидение, то надо, преодолев страх и зажмурившись, набраться духу, приблизиться к привидению и коснуться его рукой... Только в ту ночь я не зажмуривался, а широко пялил глаза на все и без конца повторял про себя: "Запомнить, запомнить, обязательно все запомнить..."

Вероятно именно поэтому та ночь так отчетливо врезалась в память, что я в любую минуту и теперь готов воспроизвести ее до мельчайших подробностей...

ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР "ОТВАГИ", НЕ ВЫШЕДШИЙ В СВЕТ...

Я уже упоминал о сохранившейся у меня пачке материалов, которые должны были пойти в номер "Отваги" за 24 июня.

Что же это за материалы?

23 июня мы, как обычно, готовили очередной номер газеты, который должен был выйти 24 июня. Часть материалов была уже набрана, часть подготовлена к набору.

На первой странице должен был пойти официальный материал Совинформбюро "Политические и военные итоги первого года Отечественной войны". Этот материал был принят накануне ночью по радио Л.Б.Перльмуттером. В оригинале много пропусков — следствие помех, создаваемых близким боем и бомбежками. Опять пришлось сдавать эти материалы в набор со сноской о "независящих от редакции причинах".

Карандашная пометка в верхнем левом углу страницы указывает для наборщика размер газетной колонки (4 квадрата) и наименование шрифта, которым следует делать набор (узкий корпус). Материал, судя по сохранившемуся макету, предполагалось разверстать четырьмя колонками с переносом на вторую полосу.

Машинописные страницы розданы для ускорения работы нескольким наборщикам. Видно, что страницы эти, побывавшие в руках наборщика, захватаны грязными пальцами: у нас уже не было керосина или бензина для промывки шрифтов от типографской краски, шрифты приходилось протирать тряпками, а то и листьями лопухов.

Оттиски набранных гранок уже вычитаны корректором. Последнюю, восьмую, Женя Желтова не успела вычитать...

Из других материалов, также уже набранных, отмечу такие: телеграмма премьер-министра Великобритании У.Черчилля Председателю Совета Народных Комиссаров СССР И.В.Сталину; телеграмма Госсекретаря США Корделла Хэлла Народному Комиссару иностранных дел В.М.Молотову; вечерняя сводка Совинформбюро за 22 июня. Были сданы в набор и уже набраны заметки: "Ни шагу назад", "Закаленные в боях", сданы в набор, но еще не набраны заметки "Гвардейская стойкость" (о булановцах), "Умело использовать свое оружие".

Отечественную освободительную войну против фашистской Германии, вероломно напавшей на СССР

в начале 1941 года. Главные политические

и военные итоги года войны,

подготовили разбойничье нападение на нашу страну, гитлеровские

серьезно рассчитывали на то, что им удастся сколотить всеобщую коалицию против СССР, Великобритании

вовлечь в эту коалицию ~~Италию~~ и США и полностью изолировать от других держав мира.

Незадолго до вероломного нападения немецкой армии на советскую страну гитлеровцы, ругавшие самими жесточайшими словами по радио и в печати английских и американских "плутократов", - направили этим самым "плутократам" посольство

известного Гесса. В задачу Гесса входило запугать политическое руководство Великобритании и США о "красной опасности"

и убедить правящие круги этих стран присоединиться к "континентальному походу" против СССР. Что же получилось в результате этих попыток гитлеровской клики?

Страны

оказались построеными на песке:

Вместо союза с Великобританией - гитлеровская Германия получила обострение войны с Великобританией и войну с США. Великобритания, США и СССР оказались в одном лагере освободительных народов против фашистской Германии. Всевоудружество СССР, Великобритании и США после войны

Материалы последнего номера "Отваги":

первая страница машинописного оригинала сообщения Совинформбюро о политических и военных итогах первого года войны.

Показатели	Германия	СССР
Экспорт моторов "убитых", уничтоженных и списанных за год войны	Около 10 000 000	4,5 млн.
Моторы сданы за год войны	Свыше 30 300	22 000
Моторы танков за год войны	Свыше 24 000	15 000
Моторы за год войны	Свыше 20 000	5 000

Генерал:
Полковник и капитан были в 1941 году
в плену, возвращены в 1945 году.

...разобинице нападени на
дану страну, разлогом сарџан расчито-
вати на то, что им дајемо полагати водо-
ста коментариш прогн ООСР, пољача и ту
показива Вазикобрајачно и США и посто-
ство разлоготу, ООСР од другеј дари-
мине

Недавно же вирусозного населения бразильской армии на Советскую страну титановыми тулупами самого последователю слову «радио и в нуклеи азотобактерии в аэрокосмическую индустрию», — выразились в нем самым чистым «содержанием» необходимого Рессы. В случае Рессы человек написать «исполнение Вилламовича» — «США базиса» о «красной социализме» и «белой правящие кругах этих стран при соединении к «красному» «показу» «протест СССР». Что же случилось в результате при появлении титановых клониров?

[illegible]

Вероломная газетерская политика, раз-
считанная на то, чтобы быть своеобразным
материалом для пропаганды, привнесла (конечно)
в Общественное. Она газетерским полемик-
дическим и жадным пристрастием Германии
наилучшим образом, обильнейшим талоч-
но-материальным средством, сыграв-
шим в предостережении ресурсов, кото-
рым делал от общества теоретическим

Всех этих людских потерь компенсировать в течение 3,5 миллионов составляет не то, что требуется. Однако важно, что благодаря хорошо поставленной службе Красной армии инициативе и доброй воле наших бойцов

[illegible]

18.07.79

Внепартийные ассоциации, созданные в соответствии с Программой действий Комиссии, являются частью широкой борьбы, в рамках которой все население борется против несправедливых законов, дискриминации, насилия, угроз, коррупции, а также за свободу совести.

Защитником арестованных выступил тов. Киселёв, который заявил, что обвиняемые не имеют никакого отношения к делу и являются заложниками. Он просил освободить арестованных и вернуть им свободу. Тов. Киселёв заявил, что обвиняемые не имеют никакого отношения к делу и являются заложниками. Он просил освободить арестованных и вернуть им свободу.

Заглед
 На ниту изглед!
 О ниту трестен разглед
 Иглед! Протегнат променглед
 Проглед!
 На гледане споро гледат
 Иглед! О гледат ефротур Ефот
 Гледат!

На рисовала. Но слы-
шась их отблески от бурных
мгновений: хорошо за-
мечать. В рывках за-
ле присутствует вода. Но и
вода, в болоте, уносит со-
бой отливов. Кругом вы-
соко, высоко, высоко.

Посетилмо посланичката
чигана екипа. В процесот
ураваа доволнаа одане
пуста титеростеа. Ова ча-
нда пробаваше а сите ва-
жни мажидане. И туд
паша посланик; не пробаваше
своја мана!

Синдром Лоренса у реткој болести. Ова болест је узрокована недостатком ензима холинске ацилтрансферазе. Болест се карактерише умјереном интелектуалном деградацијом, епилепсијом, хепатитом и хорејом. Болест се јавља у детињству, а њен излук је лош.

В свою очередь, студенты Чувашского государственного университета имеют возможность ознакомиться с выставкой в музее. Для этого в музее открыты специальные часы. В музее можно увидеть и другие экспонаты, посвященные истории Чувашии.

Почти всякий человек. Поэт, ставший на порогах, бросил на пол тот в своем ботинку. И только раздался он вдали. Давать же другим остаться там, в ботинке? Нет.

[illegible]

Организация создана, на-
значен первый состав дирек-
тора предприятия, принята ко-
нституция предприятия, опре-
делены основные направления
деятельности предприятия.

[illegible]

Теперь плахи на бревна
на два ряда. Они перекрещи-
лись в углах и прогнулись. Но не
сдвинулись от толчков и вала
поверхности. Напротив, на
них появились следы движения.

Наша работа не ограничивается только разработкой и внедрением новых типов машин, но и созданием новых методов. Поэтому мы считаем своим долгом сообщить о некоторых из них.

Телескопический прижизненный министр

[illegible]

дней жизни. В течение года, который прошел с тех пор, как Катар начал свою работу, страна достигла значительных успехов в осуществлении своих планов, включая улучшение жилищных условий, развитие сельского хозяйства, улучшение системы здравоохранения и образования. Многие из этих успехов были достигнуты благодаря поддержке и сотрудничеству с международными организациями, такими как Всемирный банк, ЮНЕСКО и другие. Это сотрудничество помогло Катару привлечь необходимые ресурсы и знания для реализации своих планов. В результате страна смогла значительно улучшить качество жизни своего населения и укрепить свою экономическую и социальную стабильность.

Заметка "Ни шагу назад"

В редакционном "загоне" секретаря редакции находились уже отпечатанные на машинке и готовые для использования в очередных номерах газеты: фельетон сотрудника редакции Г.Чазова "Фрицы поют", статья инструктора арtpолка старшего политрука В.Басса; статья политрука П.Спахова "Комсомол в авангарде соревнования", заметка этого же автора о медсестре Нине Карабановой, которой суждено было стать главной героиней романа Станислава Гагарина "Мясной Бор"; заметка старшего лейтенанта А.Золотухина "Прямой наводкой!"

Даже по этим уцелевшим материалам последнего номера "Отваги" можно судить о большой собранности и организованности редакционного коллектива до самого последнего дня Любанской трагедии. Оказавшись фактически в боевых порядках 19-й гвардейской стрелковой дивизии, ожесточенно отстаивавшей последний рубеж обороны армии, редакция продолжала делать свое дело. Наша газета была в те дни единственным источником информации, так как к нам уже не поступали никакие другие газеты. Уже с ночи к нам приходили посыльные из частей и подразделений, чтобы дожидаться первых оттисков "Отваги" и тут же вернуться к своим товарищам. Курьерам, разумеется, хотелось бы выведать у наших газетчиков хоть что-нибудь об этой треклятой щели в Мясном Бору, но не больно-то много знали об этом и наши газетчики.

Но свое дело они исполняли исправно; ночью 22 июня приняты по радио важнейшие официальные документы. Утром Валя Старченко отпечатаала эти материалы. Наборщики успели набрать их, а Женя Желтова успела вычитать оттиски гранок. Можно видеть, что вся эта обычная типографская работа выполнена не только нормально, но и с достаточно высоким качеством: в наборе можно заметить обычное для первой корректуры количество ошибок. Корректор внимательно вычитал гранки, не пропуская допущенных при наборе ошибок.

Небезынтересно отметить, что набор сделан нашими самыми старыми наборщиками — Раппопортом, Купоревым, Левиным; остальные, кто помоложе, в это время находились в круговой обороне, в пределах отведенного для редакции участка.

Героизм воинов, отстаивавших последние рубежи Второй ударной, был, разумеется, еще более разительным. Именно об этом говорится в заметках для последнего номера "Отваги". Три советских воина — ефрейтор Ефим Кургаев, автоматчики Казанцев и Якушев — выдерживают двухчасовой натиск целой вражеской

УВАЖАЕМЫЕ СЯЗЫСТЫ

Налетело 17 вражеских бомбардировщиков. Старший политрук Тамин заметил повреждение линии от второго до первой контрольной в нескольких местах на расстоянии 300 метров и тут же приказал красноармейцу Муневу исправить линии. Под непрерывающейся бомбардировкой пулеметным обстрелом вражеских самолетов, искусно маневрируя от воронки к воронке, тов. Мунев немедленно исправил линии и доложил старшему политруку:

- приказание выполнено, линии исправлены. Старший политрук посмотрел на часы: прошло ровно 10 минут.

С самого начала боев в районе м.В. оживленно работают связисты подразделения майора Алзенберг, не допуская ни одного случая длительного перебои связи. Еще недавно была перебита линия связи в 4 местах. Связисты Частухов и Стерликов под кивальным огнем противника в течение нескольких минут исправили линии. Работая по исправлению линии, он не ушел с поля боя, продолжая работу. Особенно хорошо и самоотверженно работают связисты старшего лейтенанта Черкаса, в подразделении которого тт. -Видкин, -Мунев, Частухов, Стерликов, Мильчаев, Мосев, Митусев и Романовым. Представлены к правительственной награде.

капитан Кубасов.

Последняя заметка М.Джалиля

роты. Трое против ста! И трое одерживают верх: фашисты отступают, оставив на поле боя более сорока трупов. Гвардии старший сержант А. Антонов, будучи раненым, не покинул поле боя, пулеметным огнем отбил атаку врага, уничтожив до пятидесяти фашистов. Трое гвардейцев — А. Попов, С. Воеводин и И. Королук — отбили две атаки врага, после первой атаки враг оставил на поле боя 108 трупов, после второй — 56...

Так сражались воины Второй ударной на своих последних рубежах обороны. Не безвестные воины... Вот они! Названы поименно, а вероятно и поныне значатся без вести пропавшими...

Слов нет, гибла наша армия, гибла, но и губила врагов, малыми силами губила, на долю каждого советского воина приходились десятки погубленных врагов.

А ведь и до сих пор приходится слышать и читать, что действия Второй ударной в последние дни Любанской операции отличались якобы большой неорганизованностью, неуправляемостью, разнобоем, падением морального духа войск...

Нет, нет, не так это было в действительности, не так!

Среди материалов последнего так и не вышедшего в свет номера "Отваги" хочется особо выделить заметку, подготовленную Мусой Джалилем. Наверняка можно утверждать, что это — последняя запись, сделанная Мусой Джалилем на свободе, буквально за несколько часов до трагедии, разыгравшейся в Мясном Бору.

Заметка ещё не побывала в руках наборщика, она не носит обычных в таких случаях пометок и помарок. Она напечатана на машинке, возможно, самим Джалилем: многие из наших корреспондентов в интересах сокращения времени печатали материалы сами или диктовали машинистке.

Заметка рассказывает о работе связистов под вражескими бомбежками и пулеметным обстрелом как раз в горловине Мясного Бора. В ней названо много имен: командир подразделения связи майор Айзенберг, старший политрук Темин, старший лейтенант Черкас, красноармейцы Лунев, Пастухов, Стерликов, Швыдкин, Мильцаев, Лосев, Мифтеев. Под заметкой поставлена подпись капитана Кубасова, от имени которого Залилов ведет рассказ.

Обыкновенная, вроде бы, заметка. Обыкновенная, да не очень! Как старательно перечисляет Джалиль новые для него имена, словно опасаясь оставить кого-то неотмеченным, с каким вниманием присматривается он к тем, кто творит повседневный ратный подвиг.

Как знать, может быть выжил в крошечной войне кто-нибудь из тех, кого называл Джалиль в своей последней заметке, кто в ту трагическую минуту и не подозревал о соприкосновении с человеком, которому суждено было самому превратиться в сверкающую легенду...

О ТЕХ, КТО ОСТАЛСЯ ЗА МЯСНЫМ БОРОМ

А что же происходило за Мясным Бором после того, как 25 июня в 9.30 там вновь пролегла жирная черта, разделившая, теперь уже надолго, наши и вражеские войска?

Некоторое время из окружения продолжали выходить на разных участках отдельные группы в 2-3 человека, а чаще всего одиночки. Одна девушка из 46-й дивизии (фамилии ее нет в моих записях) вышла из окружения 28 июня. "Лес там полон нашими, — рассказывает она. — Бродят по лесу группами в 10-15 человек, боятся друг друга". Сама она в такой же группе натолкнулась на немецкую батарею. Фашист, умывавшийся в ручье, бросился в землянку, наши — в лес. Спасаясь от немецких автоматчиков, девушка забралась в болото и просидела в камышах до наступления вечера. Потом ей удалось перебраться на нашу сторону.

А однажды мне рассказали историю, которую не знаю, как и оценить.

Группа красноармейцев (человек 20) была захвачена в плен. Их выстроили, и немецкий офицер заботливо спросил, хотят ли они есть. Пленные угрюмо молчали. Офицер продолжал:

— Кто хочет получить русский обед пусть останется в строю. Кто хочет немецкий обед — два шага вперед!

Замешательство среди красноармейцев усилилось. Ведь наверняка задумана какая-то каверза. Лишь один робко шагнул вперед. Пленных привели в столовую. Те, кто остался в строю, получили жидкую похлёбку и по одному сухарю. Отступнику подали отличный обед и даже стопку вина. Обед, конечно, не пошел ему впрок: сгорая от стыда перед товарищами за свой малодушный поступок, он не притронулся к пище...

После обеда пленных отвели на отдых, а затем снова построили

ли и тот же офицер задал очередной вопрос:

— Хотите ли вы возвратиться на родину или пожелаете остаться у нас?

Снова молчание. Наконец кто-то осмелился сказать, что лучше бы вернуться на родину...

Офицер помолчал немного, а затем переспросил, мнение ли это одного или все так думают.

Опять тягостное молчание.

— Значит никто не думает иначе? — настаивал на ответе офицер.

Пауза затянулась.

— Ну, что ж... Отправляйтесь на родину. Вас подвезут на машине до одного пункта, а затем укажут путь дальнейшего следования.

Красноармейцев повели. Они конечно были убеждены, что идут на верную гибель. Возле дороги их посадили в автомашину и повезли к дальней опушке.

— Слезайте! — раздалась команда. А потом их проинструктировали:

— Когда войдете в лес, строго держитесь просеки, правой ее стороны. Никуда не уклоняйтесь. Если попытаетесь свернуть с просеки, попадете под огонь. Можете идти...

“Теперь наверняка конец”, — думалось каждому.

Нестройно, вразнобой они двинулись к опушке, то и дело оглядываясь. Немцы стояли на месте и молча смотрели им вслед. Когда до опушки оставалось метров тридцать, бойцы, не сговариваясь, бросились вперед бегом. Немцы не стреляли.

Достигнув леса, недоверчиво оглядывая каждый куст и все еще не оправившись от волнения, бойцы собрались вместе. Что делать дальше? Посоветовавшись, решили идти указанным маршрутом...

Вскоре они были на своей стороне. Явившись в штаб одной из наших частей, они рассказали о своем необыкновенном приключении...

Читаю сейчас эту давнюю запись в дневнике и невольно думаю: как же сильны были немцы в середине 1942 года, как они еще играли войной, забавлялись с ее жертвами, как еще непоколебима была их вера в свое превосходство, в свою непобедимость. Ведь это было еще до Сталинграда...

* * *

Конечно меня тогда очень волновала судьба тех, кто остался там, за Мясным Бором. Но кроме отрывочных сведений я, естественно, не мог в ту пору узнать большего. Лишь много лет спустя после войны в моем распоряжении оказался интереснейший документ — докладная записка начальника связи 2-й ударной армии генерал-майора А.В.Афанасьева Военному совету Волховского фронта, составленная 26 июля 1942 года, то есть ровно через месяц после разыгравшейся в Мясном Бору трагедии.

Алексея Васильевича Афанасьева, ныне уже покойного, я знал и на войне: он бывал в нашей редакции, его заметки о связистах помещались в "Отваге". А после войны нас сдружила совместная работа в Совете ветеранов нашей армии.

Алексей Васильевич — один из старейших и славнейших связистов Красной Армии. Служил еще в царской армии, участвовал в подпольной партийной работе, штурмовал Зимний дворец в октябре 1917 года, встречался с Лениным в Смольном. В годы гражданской войны был связистом у Чапаева, любил вспоминать о тех незабываемых годах. Получилось так, что из старшего командного состава 2-й ударной армии лишь ему одному удалось выбраться из окружения, причем выбраться не в ту последнюю ночь, а значительно позднее. Он часто рассказывал мне о своей одиссее, но однажды порадовал меня неожиданным подарком: передал мне ксерокопию упомянутой мною докладной записки. Ему и самому этот доклад попал в руки десятки лет после войны. Его разыскал в Подольском архиве Министерства Обороны ветеран нашей армии генерал-майор П.Я.Егоров, бывший офицер оперативного отдела штаба Волховского фронта, много сделавший после войны по изучению и освещению в печати боевой истории 2-й ударной армии.

Докладная записка была составлена генералом Афанасьевым по приказанию К.А.Мерецкова сразу же, как только Афанасьев был вывезен на самолете из партизанского тыла. С разрешения Алексея Васильевича я скопировал этот документ лишь с незначительными сокращениями и с сохранением всех особенностей оригинала, включая его грамматические и стилистические неточности.

Документ этот любопытен и ценен во многих отношениях. Прежде всего, он составлен тогда же, по горячим следам только что разыгравшейся трагедии. Командарм Власов еще не найден, не

объявился в качестве предателя. Его заботливо ищут, принимаются серьезные меры для его спасения. События последних дней Любанской операции описываются не "со стороны" (скажем, с позиции военного штаба), а "изнутри", непосредственным очевидцем и участником этих событий. В поле зрения генерала Афанасьева в дни его блужданий оказался весь старший комсостав штаба, включая и командующего армией.

В докладе хорошо видна растерянность руководства армией в последние два-три дня, когда уже захлопнута горловина в Мясном Бору, когда армия перестала существовать как нечто целое, организованное, действующее по единому плану и замыслу. Штаб армии, вернее, группа штабистов действует уже не в качестве командования, а в качестве группы лиц, думающих лишь о собственном спасении.

В первой половине доклада Алексей Васильевич излагает события последнего периода Любанской операции, во второй — рассказывает о злоключениях оставшихся в окружении после 24 июня 1942 года. И то и другое чрезвычайно важно для всех, кто интересуется или заинтересуется судьбой Любанской операции. Вот этот документ:

"Докладная записка начальника связи 2-й ударной армии генерал-майора А.В.Афанасьева Военному совету Волховского фронта (26 июля 1942 года).

В конце мая 1942 года была получена директива о выходе 2-й ударной армии с рубежа Новая Деревня, Ручьи, Коровий ручей, Красная Горка, Платформа Еглино, Веретье, Остров, Паньшино, Финев Луг, Глухая Кересть за реку Волхов.

Был составлен полковником Виноградовым оперативный план по рубежам выхода 2-й ударной армии, который и стал по утверждению фронтом основой действия 2-й ударной армии. Оценка местности к этому времени была весьма тяжелой, особенно после весенней распутицы. Все зимние дороги были залиты водой, для гужевого и автотранспорта не подходили.

Для армии стал трудным вопросом — это снабжение продуктами, боеприпасами, последние переносились людским составом за 20-25 километров. Боеприпасы доставлялись только самолетами. Коммуникация в данный период распутицы и артминометного огня была совершенно закрыта. Проход был временами доступен только

одиночным пешеходам.

Армия почувствовала истощение людского состава, что особенно отразилось на мобильном выполнении замысла оперативного решения на отход с первого и последующих рубежей обороны. Несмотря на столь тяжелые условия оценки местности, истощение людского состава, отсутствие пополнения, но благодаря хорошему политико-моральному состоянию личного состава армии вся техника из болотистой местности была заблаговременно вывезена исключительно людским составом за Новую Кересть. Этим самым все соединения стали свободно и оперативно выполнять возложенные на них задачи.

Управление по всем рубежам было построено при наличии 2-3 запасных командных пунктов. При хорошо развитой постоянной сети телефонно-телеграфной линии, последняя была двухпроводной системой, при наличии обходных линий по фронту между стрелковыми дивизиями и бригадами это дело дало (возможность) командованию бесперебойно управлять войсками за период выхода до реки Полисть. За это было награждено 52 связиста правительственными наградами.

После тщательной подготовки соединений и проверки на местах выполнения директивы о выходе на указанные рубежи, времени вполне было достаточно, чтобы из любого положения можно было уничтожить вражеские силы, откуда бы они не появились.

Все попытки противника перейти в наступление получали должный отпор с большими для него потерями. Это было на первом рубеже (Коровий ручей, Красная Горка). И после этого противник через Веретье вышел и занял Дубовик. В результате взаимодействия сил 327 стр.див., 382 сд, 59-й осбр и 25 осбр из Б.Еглино вышли без ущерба согласно плану. Везде, где бы противник ни наступал, он получал крепкий отпор с большими для него потерями.

То же самое и на втором промежуточном рубеже Ручьи — Радофинниково. Попытка противника занять Тигода-Червино успеха не имела.

На третьем промежуточном рубеже противник встретил упорную оборону наших частей — булановцев, антюфеевцев, 23-й отд. стр. бригады и 92-й сд. Эти соединения вполне обеспечили сосредоточение ударной группы на восток, т.е. 22, 25, 59, 57 осбр, 46 и 382-й сд в районе реки Глушицы. Здесь особенно проявлял активность противник, но благодаря хорошо налаженному управлению и наличию связи по фронту, организации взаимодействия

между Булановым, Антюфеевым и 23-й осбр противник понес большие потери и успеха не имел.

В этот период вся техника была уже сосредоточена близ реки Глушица, готовая к эвакуации согласно плану.

Восточная группа начала свое наступление на восток во взаимодействии с 59-й армией. В этот период управление было построено с двух пунктов ВПУ, что в 2 км северо-западнее Новой Керести и КП, что в 2 км восточнее Кречно. Опер.группа возглавлялась генерал-майором Алферьевым и КП — командованием 2-й ударной армии.

Нужно признаться, что численный состав армии постепенно уменьшался. Сплошного фронта на третьем рубеже обороны — Финев Луг, р.Ровань, Рогавка, Ольховка — не было. Противник свои силы сосредоточивал в районе Ольховка, Финев Луг, Глухая Кересть. Командование армией принимает решение: усилить передовые части специальными частями — связистами, артиллеристами и другими в количестве 1500 человек. Эта единица влилась в разные соединения, но незначительно заметно их боеспособность отражалась на общем состоянии оборонительного рубежа.

Противник свои действия активизировал в промежутках на направлениях Ольховском и Глухой Керести. Наши части с большими потерями для противника оставили Ольховку, Финев Луг и Глухую Кересть. Перешли на заранее подготовленный рубеж опушки леса южнее Ольховки, Рогавки, просеки с высоковольтной сетью, сарая восточнее Финева Луга, Глухой Керести. Противник продолжал наступление, имея большие потери против булановцев и антюфеевцев. Но обнаружив между 305-й сд и Булановым, а также между 92-й сд и 23-й осбр разрыв, (противник) активизировал свои действия мелкими группами по тылам 23 осбр и булановской дивизии. Впоследствии с трудом ликвидировали данные группы и с боем отошли за реку Кересть.

Оборона реки Кересть держалась недолго, противник сосредоточил свои силы со всех направлений, активизировал действия авиации по технике, по дорогам, по просекам (что восточнее Кречно) и по КП.

К нашему счастью КП не пострадал, управление ущерба не имело, все повреждения связи быстро устранялись и заменялись радиосвязью.

Численный состав армии по данным отдела укомплектования, если мне не изменяет память, в этот период не превышал 3000,

тылы были совершенно незначительны.

Ударная группа продвигалась за реку Глушица и подошла вплотную, а местами перешла реку Полисть (100 м). Дальше продвижения не имела. Были подготовлены вторые эшелоны для развития прорыва у реки Полисть.

Противник с запада перешел реку Кересть и решительно повел наступление между Булановым и Антиюфьевым на Кречно, этим самым угрожая нашему КП. Но благодаря правильной обороне КП, противник проскочил вглубь только в обход КП. В результате пришлось по приказу командарма всему КП сосредоточиться в районе штаба 57-й осбр, т.е. между рекой Глушица и Полисть, где пробыли с 23 по 24 июня.

Противник и здесь активировал авиацию, хотя и нес потери. Основная часть сотрудников штаба с командованием во главе осталась в целости. Военным советом армии было решено, что наступлением вторых эшелонов всему штабу армии разбиться по штабам бригад и дивизий и пробиться вместе на восток. Все отделы разошлись по своим местам, а командование, Военный совет, особый отдел (Власов, Зуев, нач. особого отдела Шашков, Виноградов, Белишев, Афанасьев и другие) в количестве 120 человек последовали за 46-й сд (командир сд полковник Черный). Все вышли ночью с 24 на 25 июня на КП 46-й сд и в момент перехода в 2 часа ночи вся группа попадает под артминометный заградительный огонь. Группы в дыму теряются. Одна группа во главе с Зуевым и начальником особого отдела с отрядом автоматчиков в 70 человек из особого отдела каким-то образом от нас скрылась у реки Полисть в направлении на высоту 40,5 (со слов Виноградова), т.е. ушла от нас вправо, а мы с группой Власова, Виноградова, Белишева, Афанасьева и др. ушли сквозь дым артминометных разрывов влево; организовали поиски Зуева и Шашкова, но успеха не имели. Пройти вперед не смогли. И мы решили идти обратно на КП 46-й сд, куда вернулся штаб 46-й сд. Ждали момента затишья, но увы, в тот период с запада противник прорвал фронт и двигался к нам по просеке во взводных колоннах и кричал: "Рус, сдавайся!"

Мне было приказано организовать оборону КП и встретить фрицев организованным огнем, отбросить их в лесную местность. Я собрал 50 бойцов вместе с комиссаром штаба тов. Свиридовым встретили фрицев ружейно-пулеметным огнем, рассеяли их, но противник продолжал нажимать, увеличивая свои силы. Усилился и огонь по КП. Нужно отметить, что тов. Власов, несмотря на обстрел,

продолжал стоять на месте не применяясь к местности. Чувствовалась какая-то растерянность или забывчивость. Когда я стал предупреждать: надо укрываться, то он все же продолжал оставаться на месте. Заметно было потрясение чувств. Было немедленно принято решение, и Виноградов взялся за организацию отхода в тыл противника с выходом через фронт к своим.

Нужно откровенно признаться, что особых приглашений тов. Виноградовым офицерам штаба не было. Все дело делалось конспиративно. Но несмотря на эти условия, вольно или невольно, группа добровольно сама влилась в единую группу до 45 человек. Видно было, что это его не устраивало. Но остановить поток было уже поздно. Плюс к этому еще прибавилась группа полковника Черного в количестве 40 человек. Получилась изрядно большая группа.

Тов. Власов был безразличен. Свои услуги предложил и был назначен командиром сам Виноградов. Меня тов. Власов предложил комиссаром. Составили список отряда, разбили его на отделения: охраны, разведки и истребителей. Я как комиссар стал брать на учет всех членов партии и кандидатов партии и проверять наличие партийных документов с предупреждением, чтобы все партбилеты были целыми.

Начали движение по маршруту, составленному Виноградовым — т.е. от реки Глушица на Большой Михайловский мох, пройти реку Кересть у отметки 31,8. Сделали разведку стрельбой из автоматов, пройти оказалось невозможно. Пошли дальше на север, где в лесу по дороге около Больш. Аполевого мха встретили три группы Ларичева. От нас отделился Черный и командование 259-й сд, которые двигались на север. Все опять разошлись по разным направлениям. Проходим болото Протнино, опять встречаем Черного с отрядом, который наскочил на минное поле, повернул свой отряд на северо-восток, а наш отряд по решению Виноградова спустился на юг к сараям, что южнее отметки 31,8. Здесь организовал разведку из 4 командиров. Обрато никто не вернулся. Прождали до утра, решили идти на север, под хутора Ольховские, где и перейти р.Кересть. Немцы учли обстановку, что части Красной Армии следуют в глубокий тыл, опасаясь этого, организовали по реке Кересть пикеты, охрану и не допускали прохода наших отрядов в леса глубокого тыла противника.

Приблизившись к Ольховским хуторам, организовали разведку, нашли подвесную веревочную сплетенную из палок переправу,

использовали. Пикета здесь не было, и мы свободно перешли на западный берег р. Кересть. Далее мы пошли строго по направлению к Вдицко, на запад.

К этому времени все уже устали, истощали, питались только травой, варили пресные, без соли супы из грибов. Было принято решение: истребительному отделению по дороге на Вдицко с юга и севера сделать налет на автомашину с продовольствием, забрать продукты и доставить к нам в лес. 15 человек выступили, в результате вся группа нарвалась на дзот, завязался бой, в результате которого комиссар штаба Свиридов ранен в грудь пулей навывлет и один убит. Их потери — около 12 человек. Мы остались опять без продовольствия. Решаем идти в Шелковку на старое место нашего прежнего КП. Пробыв там ночь, посылаем в поиски за продуктами в Шелковку и здесь имеем потерю — одного человека убитого. Убито предателей два человека. Вернулись опять ни с чем. Решили идти на запад через жел. дорогу на Подберезье. Это было 10-11.7.1942 г. Железная дорога уже перешита на немецкую колею, обнаружена охрана, но мы незаметно миновали ее. Вышли на деревянную узкоколейную дорогу на перекрестке в середине, что 2 км восточнее Подберезья. Здесь была сделана длительная остановка.

Виноградов договорился с Власовым разбить группу на мелкие группы, которые должны были сами избирать себе маршрут движения и план своих действий. Составили списки и предложили нам двигаться.

Я лично возражал против данного мероприятия, предложил свой план — двигаться всем до реки Оредеж, заняться на месте ловлей рыбы на озере Черное и, если удастся, на реке, а остальная часть группы, которую соглашался возглавить я, пойдет искать партизан, у которых найдем радиостанцию, свяжемся с нашими частями на востоке, и нам окажут помощь.

Мое предложение было не принято. Я тогда предложил желающим пойти со мной. Со мной захотел идти один политрук, который входил по спискам в группу Власова. Тогда меня Виноградов обвинил, что я якобы переманиваю к себе. Этим дело и кончилось. Я снова рассказал о своем решении и моя группа в составе 4 человек ушла по намеченному маршруту. Перед уходом я спросил, куда собираются идти другие группы, но никто еще не принял решения. Я спросил об этом же Власова и Виноградова, они сказали, что тоже еще не приняли решения и что они пойдут

после всех. Простившись с ними, я со своими людьми двинулся в путь.

Моя группа шла строго на запад к Острову. Подходя к тригонометрической вышке 64,5, что южнее болота Веретинский Мох, мы обнаружили лесную просеку с дорожкой. Решил спуститься по ней на юг, считая, что данное место подходящее для партизан. В 1,5 км южнее 64,5 я увидел впереди сидящего на пне человека и возле него винтовку. Подполз к нему, взял винтовку и арестовал его. Предложил показать документы. У него оказался партбилет и удостоверение личности. Это был партизан, он уснул на посту. Я приказал ему вести нас в отряд. Он очень испугался, стал просить пощады, говоря, что его строго накажут. Придя в отряд, я передал винтовку начальнику отряда и дал указание ограничиться только общественным порицанием, а караульным начальникам чаще проверять посты.

Мы оказались в Луганском партизанском отряде, возглавляемом секретарем РК ВКП(б) тов. Дмитриевым. Нас тепло встретили и включили в свой отряд. Я стал выяснять, где есть партизанские отряды с радиостанциями. Тов. Дмитриев предложил предпринять поиски отряда Сазонова Ордежского района, который действует где-то здесь. Отряд оказался в четырех километрах западнее Горки, куда мы прибыли с частью лужского отряда 14 июля 1942 года. Нас тепло встретили, здесь мы получили более нормальную пищу. До этого наш рацион составляли лишь травы, лесной щавель, березовый сок... Иногда варили суп из ежей; снимая с мертвых животных кожу, палили ее, выжаривали на огне, а потом варили, получая хрящевидную массу. Истощение увеличилось, снижая работоспособность. В сутки могли преодолевать не более 10-12 км. Но дух, настроение у всех партизан не падали...

Ознакомились с отрядом Сазонова. Весь отряд состоит из партактива во главе с РК ВКП(б). В отряде 70 человек, чувствуется дисциплина и порядок, имеет уже 12 месяцев партизанской работы. 15 августа исполняется годовщина, к чему они особенно готовятся. К этому дню собираются пустить под откос военные эшелоны с грузом, выполнить ряд других оперативных заданий.

При отряде тов. Сазонова оказалась радиостанция. Я немедленно дал радиogramму... Обсудил тут же с руководящим составом положение отряда, (возможную связь) с идущими с фронта в леса, в тыл противника, особенно (необходимость) нахождения Власова с Виноградовым. Приняли решение о розыске и задержании всех

находящихся в лесах воинов Красной Армии и сосредоточении их в особо выделенном для этого районе.

Основная задача отряда: во что бы то ни стало найти Власова и Виноградова, взять их в отряд Сазонова под личную охрану. Первый отряд в 22 человека получает задание выступить на север — на дорогу Выдрица-Лисино-Корпус-Тосно. Отряд имел дополнительную задачу — подрывать мосты, нарушать движение автомашин, минировать дороги...

Второй отряд — в 12 человек — получает задание выступить на запад в дер. Остров и к реке Оредеж, прочесать лес и проверить, нет ли около деревень по реке Оредеж Власова и Виноградова, последних доставить в отряд.

Третий отряд — 23 человека — получает задание выступить на юго-запад, прочесать леса близ дороги от Подберезья до Печново (близ отряда Сазонова), вести разведку по деревням, нет ли в них Власова и Виноградова, последних доставить в отряд. Помимо этого отряду поставлена задача принести с базы ячмень, хлеб, соль. Все вышеуказанные отряды снарядились вооружением, боеприпасами, питанием и выступили 15 июля утром на выполнение задачи. Этого же числа получаем приказ по радио о принятии срочных мер к розыску Власова и Виноградова. Данный приказ еще больше мобилизовал отряд на выполнение поставленных задач. Группа Власова включает Виноградова, двух политруков, двух красноармейцев и женщину-хозяйку Власова. Ответственным за маршрут и движение был Виноградов. Он держал в секрете план движения, никому об этом не говорил. Конспирация в данном случае, я считаю, неуместная и ненужная. Власов был к этому безразличен, он попал под влияние Виноградова. Виноградов мне говорил ранее, что он намерен идти через Лужский район на Старую Руссу или Калининский фронт, но я лично этому поверить не мог, ибо идти такое расстояние не хватит ни сил, ни духа. Предполагаю, что их намерение (в действительности) идти на север, в 4-ю армию, где Виноградов был начальником штаба. Он там знает места прохода для партизан. Розыски их продолжаются...

В ожидании указаний я стал усиленно знакомиться с партизанским движением, их бытом, условиями и обстановкой, отдался полностью и всей душой этому делу. Пришел к выводу: отряд сделал многое. За 11 месяцев существования отряд уничтожил много сотен фрицев и провокаторов. Спущено (с рельс) и взорвано несколько поездов с войсками и боеприпасами. Уничтожили

несколько карательных отрядов. Несмотря на трудные условия жизни в лесах, отряд имеет прекрасную дисциплину, народ в любую минуту готов ринуться в бой. Весь руководящий состав и большая часть партизан-бойцов награждены правительственными наградами. Я высказал несколько организационных предложений, которые были приняты... Увлечен работой, был готов идти на оперативную работу, но руководство получило радиogramму оберегать Афанасьева, мне предложили быть на месте, из отряда никуда не ходить... С этим я примирился, стал помогать партизанам на месте, чем мог...

Поиски Власова и Виноградова продолжаются, отряды еще не вернулись. Проходит восемь дней, отряды должны быть на месте, но их еще нет. Отряд Сазонова получает вторичный приказ от Жданова, основанный на распоряжении Ставки, ускорить поиски Власова и Виноградова. Этот приказ еще больше мобилизовал всех партизан: стало быть об этом деле знает товарищ Сталин. Это делает задание еще более почетным. Партизаны добровольно набирают последний отряд, оставляя на месте лишь незначительный внутренний наряд... Задача не легкая, но выполняемая. Весь Оредежский район поднят на ноги, и я уверен, что Власов и Виноградов не должны уйти, они должны быть найдены.

22 июля 1942 года получена радиogramма немедленно найти посадочную площадку и быть готовыми к отправке самолетом Афанасьева. Все... идем на поиски посадочной площадки. Проходим 4 км от лагеря к тригонометрической вышке 56,6. В 100 метрах от нас — часовой — русский предатель из карательного отряда. Стоя на вышке голосом дает знать немецкому офицеру, что приближаются 4 партизана. Мы это услышали, установили наблюдение и видим, как на опушку леса выходит отряд карателей и рассыпается в цепь, направляется к нам. Бой мы принять не могли: четверо против примерно 35 человек. Мы ушли в лес в поисках другого места для площадки. Наконец площадка найдена, координаты сообщены по радио. Наступает вечер с 23 на 24 июля 1942 года. Все руководство с отрядом заградителей провожает меня на посадочную площадку. Привыкли друг к другу, тяжело расставаться, но я заверил их, что буду оказывать им помощь, особенно по линии штаба партизанского движения...

Руководство отрядом передает мне для доставки в обком ВКП(б) ценные материалы, деньги, собранные среди населения по подписке на заем, и золотые монеты царской чеканки в фонд обороны, и

от всех партизан письма к своим родным.

24.00. Самолеты прилетели. Я крепко распрощался с партизанами, дал сигнал к вылету и летчик, несмотря на неровность площадки, ловко оторвал самолет от земли.

Пролетая над линией фронта, мы встретили огонь противника. Но разрывы были далеко, мы ушли в облака. Пролетая над Волховом, я невольно крикнул: "Ура!" и захлопал в ладоши. Летчик взглянул на меня, очевидно, понял мое состояние и приветственно помахал мне рукой...

Прилетели на посадочную площадку. Меня сильно тронуло то, что меня встречали генерал армии Мерецков и армейский комиссар 1 ранга Запорожец... Они обнимают меня, радуемся. А у меня слезы, не мог выдержать такой встречи... Несмотря на свою слабость, я чувствую, что оживаю, силы возвращаются ко мне...

Генерал Мерецков в 4 часа утра позвонил Маленкову, доложил, что Афанасьев прибыл благополучно. Товарищ Сталин просил доложить ему об этом. Сам себе не верю, неужели товарищ Сталин знает обо мне, интересуется мной, при всей своей занятости успевает уделить время отдельным лицам, беспокоится о них...

После разговора Мерецкова с Маленковым у меня прошла всякая слабость, ... я готов был сейчас же броситься к своей работе, чтобы громить заклятого врага — фашистскую сволочь..."

ПИСЬМА ТЕХ ДНЕЙ

Сразу после восстановления нормальных связей с "внешним миром", возобновился обычный поток писем в редакцию нашей "Отваги". Прежде всего, это были письма родственников, встревоженных долгим отсутствием вестей с фронта от своих близких.

Несмотря на сложность фронтовых условий, мне удалось сохранить некоторые из этих писем. Они особенно дороги моей памяти: ведь это драгоценные документы времени. Они обращены не к аудитории, не к массе, не вызывают к общему вниманию. Они идут от сердца к сердцу, отличаются особой доверительностью общения человеческих душ. Именно письмам доверяются слова, которые не всегда просто произносить вслух...

Как только мне удалось установить адрес полевого госпиталя, где находился Миша Каминер, я написал ему о том, что мне стало известно о судьбе наших "отважников". Вскоре пришел ответ, приведу его в выдержках:

"Добрый день, дорогой, как никогда близкий Виктор! Недобрые вести пришли в твоём коротком письме. И не будешь ты меня упрекать, что не сдержал рыдания, когда прочел твой коротенький список уцелевших товарищей. Хоть и свыкаешься на войну с мыслью о неизбежности жертв, но потерять сразу всех, с которыми столько пережито, — просто не уместается в годовое. Не хочу верить, что это случилось, не могу думать, что уже не доведется услышать своих фронтовых товарищей...

Вот как сложились мои последние два дня после вечера, когда я ушел разузнавать в часть, как дела с проходом. Только успел разминуться с Г. Чазовым, как через час И. Зуеву доложили, что поблизости нас фашисты. Я побежал в редакцию. Куда там! Сам знаешь, что делалось на жердевке. Не пройти. Увидел знакомого начподива — он сказал, что оборона уже около санроты, за нами. В полночь меня окликнули Лазарь Борисович, Разумиенко, Ермакович. К утру к нам присоединился Николай Никитович. День провели в воронке от авиабомбы. Пробовали с Н.Н. найти вас в политотделе, но бомбежка разъединила нас. Вечером мы ожидали двигаться с 53-й бригадой, начался обстрел, Н.Н. стоял на том, чтобы выяснить, когда штаб тронется, но сам знаешь — кто мог дать ответ?

Пошел я с Лазарем Борисовичем. Сколько я ни материл его, чтоб он пригибался — он шел во весь рост. Более двух километров прошли, держась друг друга. Почти у речки Полисти мы разминулись. Я окликнул его, но больше не увидел. Ты можешь представить себе его долговязую фигуру, молчаливо движущуюся, все время спотыкающуюся и падающую.

Когда меня ранило, я вначале полз с километр, потом, отдышавшись у разбитого дзота и собрав остатки сил, поковылял дальше...

Виктор, родной! Не хочется снова воскрешать в памяти эту страшную ночь. Остается лишь повторить вслед за тобой — каков будет наш ответ судьбе, сохранившей нас в ту ночь?..

Если я нужен сейчас, сразу же напиши — немедленно выпишусь из госпиталя. Крепко жму руку. Твой М. Каминер".

12/II 1921.

Уважаемый т. редактор!!!
Убедительно прошу Вас поместить
в Вашей газете "Отвагу"
это мое письмо, оно возможно
принесет мне радость, встречу
с матерью и отца двух детей
Фролова Федора Ивановича
1908 г. рожд., служившего в
ППС 1550 в 18-м артполку
АРГК литер 5. Вот уже шесть месяцев
я не могу найти его. Прошу Вас
если есть возможность, мое письмо
в Вашей газете "Отвагу"
я буду благодарен и так же отвечу
на любую просьбу своих близких.
Письмо написано на обороте прошу Вас
выбегать мне по адресу ППС 2193
Часть 593 Фронтовой Награды Андрея
мне бы хотелось увидеть родных

ГДЕ ТЫ РОДНОЙ?

Примет тебя твой отец Назар сын Тихон
сын Валерий, ^{Фролов} Ефимович, резной
срещу! Я уверена, что ты был, но
когда уезжал, первый раз с собой
я тебя. Прошу знающих людей найти
мне моего мужа Фролова Федора
Ивановича сообщите по адресу
Почт. ящик станц. 2193 Часть 593
Фронтовой Награды Андрея
и детей Тихона и Звонили
работают конторщику. Значит
кошмуниме.
откликнется скорее же, быстрее
буду ждать с тобой
Твой Назар Фролов
Кривой, Фроландыч М. И. Рабичев В. И.

Письмо в редакцию Фроловой
Надежды Андреевны.

* * *

Среди писем, поступавших тогда в редакцию "Отваги", были и такие:

"12.XI.42 г. Уважаемый т. редактор!!!

Убедительно прошу Вас поместить в Вашей газете "За
Отвагу" это мое письмо, оно возможно принесет мне радость:
весточку от мужа и отца двух детей Фролова Федора
Миновича, 1908 г. рожд., служившего в ППС 1550 в 18-м
артполку АРГК, литер 5. Вот уже шесть месяцев я не могу

найти его. Прошу Вас очень, очень, поместите мое письмо в Вашей газете "За Отвагу". Я тоже военнослужащая и также отзовусь на любую просьбу своих товарищей. Письмо помещаю на обороте. Прошу Вас, ответьте мне по адресу: ППС 2193, часть 593, Фроловой Надежде Андреевне. Жду весточку, уважаемый редактор".

Далее шел текст письма к пропавшему без вести за Мясным Бором артиллеристу Федору Фролову, которое его жена просила поместить в газете:

"ГДЕ ТЫ, РОДНОЙ? Пишет тебе твоя жена Надя, сын Гена и сын Валерий Фроловы. Откликнись, родной Федя! Я уверена, что ты жив, но новая дислокация порвала связь с тобой. Прошу знающих место нахождения моего мужа Фролова Федора Миновича сообщить по адресу: почт. полев. станция 2193, часть 593 Фроловой Надежде Андреевне. Я и детки живы и здоровы, работаю по-старому. Я теперь коммунистка.

Откликнись скорее, жду весточку. Целую крепко я и детки. Твоя Надя Фролова.

Привет Фридланду М.Б. и Бабибчеву В.Г."

Я хорошо знал многих артиллеристов 18-го артполка, они в последнее время располагались за Мясным Бором поблизости от нашей редакции. Даже почтовое отделение у нас было одно — 1550. Мало кто вышел из этого полка. Командир полка подполковник М.Б.Фридланд — наш активный корреспондент погиб еще за несколько дней до выхода своей части из окружения. Большинство артиллеристов этого полка тоже погибли.

Тогда же я сообщал Надежде Андреевне обо всем этом. Помещать письмо в газете было бесполезно: за Мясным Бором остались (погибли либо попали в плен) десятки тысяч...

* * *

Мое первое письмо Нине после выхода из окружения вероятно было полно тоски и отчаяния. Ответ на него я получил 29 июля 1942 года:

"23.7.42 г.

Милый!

Я знала, что произошло с вами в конце июня.

Милый Виктор!

Я понимаю тебя. Я знаю, как тяжело тебе. Мой дорогой, мы вместе. Я рядом с тобой, я вижу тоску в твоих глазах, я чувствую горе в твоём сердце. Милый, горе так велико, что трудно что-нибудь сказать в утешение. Я не могу тебе сказать: "Не печалься, все пройдет и все забудется". Не пройдет и не забудется. Но ты не одинок, мой милый. Разве ты забыл, что я тебя люблю, да и живу-то только для того, чтобы увидеться. Я знаю, как тебе тяжело! Тебе бы легче было потерять меня? Да? Я не буду обижаться, если ты скажешь да.

Родной мой, ты хороший, ты умный, ты много сделаешь доброго людям. Ты честный человек, а поэтому будешь жить так, что заплатишь жизни за смерть товарищей.

Я прочитала о судьбе вашей армии в газете 30 июня. Сразу поняла, что случилось ужасное, но была уверена, что ты жив, и ждала письма. Надежды было мало, но все равно ждала. Письмо я не получила, которое ты послал после 25.6.

Разве я молчу! У меня лежит куча писем, не отправленных тебе. Я знала, что что-то случилось и боялась посылать эти письма, чувствуя, что в них не то, что нужно.

Милый, милый, бедный мой друг! Крепче! Еще усилие, и благополучный конец придет.

Крепко, крепко целую. Нина.

Может быть, у тебя изменился адрес. Сразу напиши".



Моя Нина в годы войны — сельская учительница в Пунеме Вологодской области.

* * *

В письме Тани Курдюмовой, моей однокурсницы по институту, очень хорошо отразилось стремительное взросление нашего поколения под воздействием внезапно обрушившихся бедствий начального периода войны, освобождение от безмятежно романтических представлений о нашем будущем...

Дорогой Виктор! Вот оно, передо мной твоё письмо, которое ждала, ждала, потом надежда померкла, и я написала коротенькую записку. Эти годы научили быть терпеливым, и не делать поспешных выводов. Человечище, родной мой, как я рада, если бы ты знал, сколько мыслей и чувств возбудил такой знакомый торопливый почерк твой. Растревожилось сердце, встало перед глазами прошлое, а слов нет, и слез нет, но хочется сказать что-то хорошее и теплое... Мечты, между прочим, у нас одинаковые. И мне мерещится захудалая таверна и старые друзья мои. Ради этого будущего стоит жить, даже так, как живу сейчас я, в болоте по самые губы, и внизу бездонная трясина глупости, подлости и лицемерия. Я завидую тебе, хотя я прожила в Москве первую неделю налетов и хоть немножко почувствовала, как с неба падают не звезды, а смерть. И все равно, я завидую тебе (далее полторы строки вымараны цензором — В.К.). Ты видишь людей, которые умирают за Родину, а я — людей, у которых ее нет и которые никогда не поймут слов: Россия, честь, Человек, людей (опять цензорское изъятие — В.К.) ибо они — сильные мира сего (в масштабах сибирской глуши). Все эти мысли не дают покоя, нет сил, а ничего не изменишь. Ничего! Сотня жизни этих Органчиков (Стоп! Как же это цензор пропустил щедринских органчиков, которые сводят насмарку все его бдительные усилия? — В.К.) не стоят одного твоего дыхания, но они здесь, как кроты в своих халупах, в тепле и масле, а ты, и твои, и мои друзья... Ты видишь: я стала злая, и слишком много говорю, не очень точно выражаясь (цензор, полторы строки — В.К.) Остальное доскажу, когда встретимся. И поспорим, и погрустим над утраченными иллюзиями. А их много.

Родной мой, прости мне эти горькие строки, но мысли эти измучили мне сердце, отравили его. И тем сильнее желание сделать что-то очень хорошее своим неповторимым друзьям, написать теплые, солнечные строки о своей любви к ним, о своих думах. А без этих бесконечно дорогих людей мир кажется

пустым. Все, что я когда-нибудь создам хорошего — ради них, значит и для тебя, и для моего Миши, который пишет мне замечательные письма, и для всех, кто прошел рядом московские годы. Ты понимаешь меня? Да?

Несмотря ни на что, я тоже не изменила нашим старым традициям, нашему "романтизму", "каков я раньше был, таков и ныне я..." Мы все ведь хотели быть лучше, а не жить лучше. И будет благословен тот, кто это желание донесет до конца дней своих, ибо редкие не поддаются "искушениям" и у немногих хватает силы, чтобы бороться с ними. И опять встает в памяти протопоп Аввакум. "До самых смерти муки сия, Марковна!" Помнишь, как сдавали экзамен по древнерусской литературе?..

Вспомнился наш милый Славка Новиков. Много ли таких у нас?

А за окном снова буран, стучат ставни, ветер гудит в трубе, и снова я думаю о тех, кто на линии фронта.

Мой любимый в бой ушел суровый,

Ветер тихо травы шевелит.

Как придумать мне такое слово,

Что его от смерти сохранит?

Виктор, Виктор, я думаю о твоём горе, о твоих погибшихрузьях. Как мне хочется пожать твою руку и помолчать. вечная память им и вечная слава!

За эти годы мы, наверное, научились еще больше ценить тепло человеческого сердца, честность и благородство друзей воих, ибо все же мало хороших людей на земле. Ты, может ь, сможешь мне рассказать о тех, кто погиб, иногда легче ывает, когда выскажешься, да и мне хочется знать их. А ем, кто теперь близок тебе, передай привет мой, хорошо? ы пиши обо всем и хоть не по порядку, пиши о том, что и ак пережил, с какими людьми сталкивался, каждая строчка не будет бесконечно дорога. Письмо твое сегодня читаю целый ьнь. Вот уже семь дней я больна, сижу дома и смотрю в сошко, на Запад, туда, где все вы.

Писем мне стало приходиться мало. Славочка Агапов что-то Кавказа только одно письмо прислал, и уже давно. Что ты аешь о Диме Кузнецове? Пишет мне Фриц Зейбель, он под

Москвой, в шахтах. Страдает и мучается, что не рядом с вами. Сегодня тусин день рождения. Видишь, "я вспоминаю старую печаль".

Снова перечитала твоё письмо, и в сердце моем вновь и печаль и радость, ты знаешь, Виктор, милый хороший Виктор, хочется мне много хороших слов написать, а отсылаю тебе несколько нескладных строк, лучше у меня ничего нет (не у меня, а во мне...)

Крепко-крепко жму твою руку, обнимаю и целую. Жду писем, и больших, и маленьких. Чем чаще будешь писать, тем меньше будет моя тревога. Будь здоров и благополучен. До свидания. Таня.

P.S. Освобождено село, где прошло мое детство, и город, где жила моя бабушка, изумительный человек, которая рассказывала нам десятки сказок и у которой было доброе, мягкое сердце. Мы с братом Мишей любили ее до беспамятства. Жива ли она? А где твои родные?

* * *

1 октября 1941 года Миша Овсянников, мой товарищ по институту, аспирант, ополченец нашей Фрунзенской дивизии, вернулся из Москвы в дивизию. Весь вечер мы провели вместе, бродя вдоль какой-то речки и любуясь красками заката. Миша рассказал о наших общих знакомых, о тревожной обстановке в Москве, особенно в среде интеллигенции. Я показал Мише походное хозяйство нашей дивизионки, которым очень гордился, и мы договорились встретиться на следующий день.

— Кстати, — говорит Миша, — из Москвы я прихватил бутылку отличного вина, посидим вместе по старой привычке...

Встретиться назавтра нам не удалось. Назавтра начались события, перевернувшие все вверх дном: 2 октября 1941 года началось генеральное наступление немецкой армии на нашем фронте...

Миша Овсянников попал в плен в первый же день немецкого наступления. Немцы в ту пору еще не очень-то заботились о том, что оставалось за их спиной. Танковые колонны торопились к Москве. Наскоро собранные пленные загонялись в сарай и содержались под охраной еще не очень строгой...

В одном из таких сараев оказался и Миша. Он никогда не отличался богатырским сложением. Сердобольная крестьянка, приносящая им вечером скудную пищу, приняла Мишу за подростка и ночью, незаметно прокравшись к сараю, выломала несколько досок и помогла ему и еще нескольким пленным выбраться на свободу...

С Мишей, вернее с уважаемым Михаилом Федотовичем, весьма почтенным ученым, членом-корреспондентом АН СССР, заведующим кафедры психологии и эстетики МГУ, я встретился уже много лет спустя после войны. А от военной поры у меня сохранилась его открыточка, которую я с удовольствием включаю в эту подборку дорогих для моей памяти писем:

“Москва, 25.11.43. Дорогой Виктор! Большие года я разыскивал тебя. Сегодня совершенно случайно на почте встретил Евгения Вучетича. Он-то и сообщил мне, что ты, слава Богу, жив и здоров, несмотря на то, что попадал в очень серьезные жизненные переплеты. Как я рад, как я рад, Виктор... Знаешь, я совсем было похоронил тебя, мне как-то даже не верится, что я снова обрел тебя. Я начинаю верить в чудеса, ей-же-ей...”

С октября прошлого года я нахожусь в Москве и пишу диссертацию при кафедре истории философии МГУ. О том, что мне пришлось пережить со дня последней нашей встречи под Смоленском, я расскажу тебе когда-нибудь. Я хорошо помню, как мы с тобой ходили смотреть на озеро. Мы его так и не нашли. Потом пошли к тебе. Ты мне показал свое хозяйство. Мы расстались в поле, уговорившись распить на следующий день бутылку вина, которую я тогда привез из Москвы. Не удалось нам осуществить этот замысел. Только бы судьба сохранила тебя, как хранила она тебя до сих пор, а то мы еще выпьем. О, у нас будет что вспомнить!

Напиши мне, дорогой, о себе.

Ах, Виктор, Виктор, как превратна судьба человеческая. Ну, хорошо, будем надеяться на хороший исход. Ежели как-то окажешься в Москве, зайди в мою мансарду (комната в студенческом общежитии на Усачевке — В.К.).

Твой друг Михаил.

* * *

10 мая 1942 года из редакции “Отваги” уехали на курсы

усовершенствования газетных работников наши сотрудники Моисеев Л.А., Ларионов А.И., Родионов Н.И. и Кузьмичев А. Некоторые из них сообщили о первых днях "тыловой жизни" в Иванове, где находились эти курсы, но их письма уже не доходили до нас. Я получил их уже после выхода из окружения.

Одно из этих писем принадлежит Александру Ивановичу Ларионову, с которым у меня сложились более дружеские отношения, чем с остальными, покинувшими тогда нашу редакцию. Письмо написано 26 июня 1942 года. Значит, катастрофа в Мясном Бору уже произошла, но пока никому об этом еще неизвестно...

"Привет, дорогой друг! Более месяца находимся в лагерях. Учебка идет хорошо. С пяти утра и до десяти вечера ни одной минуты свободной. Тактика, стрельба, отработка действий одиночного бойца... С 1 июля начнем изучать газетное дело, на это отведено 100 часов. Вот так проходит наша жизнь на курсах. В город не пускают. Одним словом, находимся бойцами в части, где приходится делать все, и без разрешения даже пойти в уборную запрещено. Дисциплина! Ничего, друг мой, не поделаешь..."

Моисеев (наш бывший заместитель редактора — В.К.) давно уже в Москве и там получил новое назначение. Работает он в каком-то военном издательстве. Кузьмичев и Родионов тут. Дома я был только три дня и на пять дней ко мне приезжала женка. Тыл живет хорошо. Здесь все спокойно. Газету вашу получаем. Последний номер читали 2 июня. Видимо, вас там опять накрыли (подчеркнуто автором письма — В.К.). Почему вы нам не пишете? Мы писали много писем, а ответа нет.

Виктор, убедительно прошу, пришлите нам справку финчасти, что мы полевые деньги получали только до 15 апреля, без этой справки нам не выдают деньги. А нам они тут очень нужны. Ударные надбавки сняли, питание платное — 157 рублей, военный налог 90 р. и заем 130 р. Вот делай вывод, сколько остается, причем еще 500 р. — аттестат на семью...

Вот и все. Привет всем. Редактору, Л.Б.(Перльмуттеру), А.И.(Обыденной), Желтовой, В.Р.(Разумиенко) и всем другим.

Напиши несколько слов. Наш адрес: г.Иваново(областной), п/я 39."

* * *

Открытка от Льва Алексеевича Моисеева на имя редактора написана пораньше — 18 июня. Открытка эта показалась мне суховатой, казенной, совсем не отвечающей духу сложившихся в нашем коллективе товарищеских отношений. Я все-таки приведу и ее дословно:

“Добрый день! Цикл моих путешествий подходит к концу. Недавно нас — троих зам.редакторов — вызвали в Управление и предложили нам работать в Москве, в журналах. Серия приемов у начальства уже прошла, ждем подписи приказа. Остальные товарищи находятся по-прежнему в Иванове. Жизнь у них не очень интересное: отрабатывают приемы стрельбы, дряят винтовку, овладевают искусством переползаний. Газетного усовершенствования маловато...” (Ах, как бы хотелось редактору в эту самую минуту заниматься “искусством переползаний” не за Мясным Бором, а в Иванове! — В.К.).

Не без некоторого самодовольства Лев Алексеевич продолжает: *“Я на курсах ото всего этого был освобожден: работал преподавателем по курсу ”Международные отношения и внешняя политика СССР”, читал лекции для своих же товарищей. У меня к вам просьба...”* (Далее идет такая же просьба о справке, как в письме А.Ларионова, “о неполучении полевых” — В.К.).

“Сообщите, как идут дела у вас. За полтора месяца ведь много воды утекло...” (Ах, если бы знал Л.А., как много не только воды, но и крови утекло за эти полтора месяца в нашей армии. Не чуяло его сердце, какой водоворот событий трепал и мял нашу армию за Мясным Бором... А должно бы почуять: ведь он и другие товарищи покидали редакцию, воспользовавшись кратковременной отдушиной в Долине смерти... — В.К.).

Такой же суховатой была и концовка этой открытки:

“Если будут поручения по Москве, сообщите. Привет всем товарищам. Желаю всем успеха в работе. А.Моисеев.”

Никого не вспомнил Л.Моисеев по имени. Не вспомнил даже Мусу Джалиля, с которым был знаком еще до войны и которого он сам уговорил приехать работать в нашу “Отвагу”...

* * *

Женя Желтова работала в "Отваге" корректором. Иногда она помогала Л.Б.Перльмуттеру принимать по радио материалы для газеты, но не очень любила эту "нудную", как она считала, работу, а любила она журналистику. Война помешала ей окончить факультет журналистики Ленинградского университета, она мечтала вернуться после войны в университет и пользовалась любым случаем, чтобы выпросить у меня "командировку" в части, хотя эти части располагались у нас под боком (вернее — редакция располагалась у них под боком). Возвращаясь, она с увлечением принималась за обработку привезенных материалов, и тогда на страницах "Отваги" появлялись ее статьи, очерки, зарисовки, отличавшиеся особой эмоциональной насыщенностью и душевной теплотой.

В моем тощем комплекте "Отваги" периода Любанской операции сохранился лишь один номер газеты с очерком Жени Желтовой о самодеятельном концерте артиллеристов одного из наших арtdивизионов.

Ее забавные стихотворные миниатюры о нашем редакционном житье-бытье уже проходили в моих дневниковых заметках. Оригиналы некоторых из них приведены выше.

После выхода из окружения на имя Жени Желтовой еще долго продолжали поступать письма из дома, от ее отца Фрола Дмитриевича Желтова.

Помню, с какой радостью она получала письма от своего отца. Нередко она читала их мне вслух. Ее забавлял тон этих посланий, какой-нибудь неожиданный знак препинания или какая-нибудь фраза, очень самобытная и прекрасная, как часто бывает в



студентка факультета
журналистики ЛГУ,
корректор "Отваги"
Женя Желтова

речи простых людей, не обремененных избыточной грамотностью, но превосходно знающих народный язык. Очень любила она и обычную концовку его писем: "Твой отец Желтов".

А вот передо мной письма, которые так и не получила Женя. Какое-то время я боялся написать ее отцу о нашей трагедии в Мясном Бору. Но среди писем оказалось и письмо ее брата Андрея, который тоже был на фронте. Ему я написал обо всем. И он попросил меня ничего не сообщать отцу, сам собирался известить отца в наиболее приемлемой, на его взгляд, форме. Вероятно, было послано какое-то официальное уведомление и из отдела кадров, куда я сразу же сообщил известные мне адреса родственников моих несчастных товарищей, не вышедших из окружения.

Но отец Жени, видимо, не хотел верить ничему и никому. День за днем, месяц за месяцем он продолжал писать Жене, боясь поверить самому страшному.

Не верил и я...

Первое письмо от отца, которое не дошло до Жени, датировано 12 мая 1942 года. Мы еще там, за Мясным Бором, но письма к нам уже не доходят.

Вот это письмо. На конверте написано: "Действующая армия, ППС 1550. Редакция газеты "Отвага". Е.Желтовой".

"Здравствуй, милая дочка Женя. Шлю я тебе свой отцовский привет. Желаю я тебе успеха в твоей жизни. Женя! Письмо твое я получил и был очень рад. Женя, когда я получаю письма от тебя или от Андрюши, тогда у меня на душе легко и весело. Женя! Ведь у меня только и радости и отрады и восхищения это вы, мои дорогая Дети — Женя и Андрюша. Хоть бы мне дожить до того время, когда вы вернетесь в Ярославль. Как бы я был счастлив, мне больше ничего не надо на свете, Женя! Сообщаю тебе, я от Андрюши получил письмо, в котором он пишет: я жив и здоров. Послал в письме фотокарточку, но ее в письме не оказалось. Я очень жалею, что карточка затерялась.

Женя, сообщаю тебе, у меня растет сладкий горох и огурцы, репа, морковь, капуста. За всем я ухаживаю, поливаю, Через месяц буду есть собственные овощи. Женя! Про что ты писала я постараюсь приобрести. До скорого свидания. Остаюсь любящий свою дочку твой отец Желтов".



Милая Катя спасенья
 (рада)
 Застыла про Удара 2
 Окаянная - бедня
 Ты востанови
~~Офицерская~~ Бонды
 Надежда Бонды и милой
 милой в Бонды
 Надежда, не востанови
 Савву а. уна
 Ах ты востанови
 Бонды!
 Завтра уна Бонды
 и гай
 Бонды
 Бонды
 А. А. Бонды

Последнее фото и автограф стиха Жени Желтовой.

Другое письмо датировано 18 июня 1942 года.

“Здравствуй, милая дочка Женя!

Шлю свой родительский привет и наилучшие пожелания. Женя! Сообщаю тебе, деньги я получил 18/VI-42 г. 400 рублей, за которые сердечное спасибо.

Женя! здоровье мое пока ничего, работаю, купить из одежды ничего нет, в показательном тоже ничего нет. Купил себе шапку, 80 рублей. Погода стоит дождливая и холодная (далее несколько строк вырезано из письма цензурой). До скорого свидания, милая дочка. Остаюсь сердечно любящий тебя твой отец Желтов”.

Следующие письма написаны уже после той трагической ночи в Мясном Бору. Вот письмо, датированное 4 июля. В нем нет еще тревоги: ведь совсем недавно получен денежный перевод от дочки.

“Здравствуй, милая Дочка Женя! Шлю свой родительский сердечный привет и желаю успеха в твоей жизни и работе.

Женя! Деньги я получил, за которые тысячу раз спасибо. На Ярославль участились налеты вражеской авиации, но каждый раз рассеиваются зенитной артиллерией и нашими краснозвездными ястребками.

Женя! Я получил от Андрюши письмо, в котором он пишет, теперь он гвардейцем и пишет, папа, сражаемся хорошо, пиши скорей. Сообщаю адрес Андрюши: Действующая Кр. Армия, пол. почта, станция N 903, п/я 176 литер Б, Желтову А. Ф.

Пока до свидания, милая дочка. Остаюсь сердечно любящий тебя твой отец Желтов. Андрюша прислал мне фотокарточку, выглядит очень хороший, полный. Фотографировался в марте”.

Отец прислал Жене и письмо, полученное им от сына. Письмо написано на каком-то канцелярском бланке, карандашом. Не могу вспомнить, был ли Андрюша старшим или младшим братом Жени. Кажется, младшим. Какие-то причины, видимо, помешали ему до войны получить сносное образование. Это чувствуется и по его письмам. Его письмо отцу датировано 27 мая 1942 года.

“Здравствуй Папа сообщаю что письмо твое получил за что сердечно благодарю. Папа служу пока хорошо я очень обрадовался что получил письмо. Папа я сумлеваюсь за твое здоровье хотя ты и пишешь что чувствуешь себя хорошо. Папа

посылаю тебе свою фотокарточку конечно произошли небольшие изменения во мне но я думаю что узнаешь меня благодаря что прислал адрес Жени сообщу (одно слово в письме неразборчиво) переехал в Ярославль или нет. Пока все. С приветом твой сын младший сержант А.Желтов”.

Андрей прислал два письма и Жене, которые тоже не дошли до нее.

“11.6.42. Добрый день здравствуй Женя. Шлю я тебе свой сердечный привет и наилучшие пожелания. Женя я вчера получил письмо от Папы и он прислал мне твой адрес. И я спешу написать тебе письмо. Сообщаю что я жив и здоров чево и тебе желаю силы и умения в твоей работе для того чтобы скорей разбить немцев. Женя я знаю может ты сердишься на меня за то что я не знал твоего адреса. Женя папа пишет что ты ему помогаешь это конечно хорошо веть он живет один.

Женя пиши ответ скорей я очень соскучил об тебе. Я сегодня послал папе письмо и фотокарточку хотел послать и тебе но нет карточки. Пока все пиши скорей ответ. Мой адрес: ППС 500, 180 ЗСП, арт. див-н, 3 батарея. Пока до свидания, А. Желтов”.

Второе письмо от Андрея датировано 22 июня 1942 года. Первая годовщина войны. Два дня до нашей катастрофы в Мясном Бору. Андрей пишет сестре:

“Здравствуй Женя посылаю тебе свой сердечный привет и желаю успеха в твоей жизни и работе. Женя сообщаю тебе свой адрес: Действ. Крас. Армия, ППС 903, п/я 176, литер Б. Еще сообщаю что я теперь стал гвардейцем воюем хорошо самочувствие пока хорошее в остальном тоже все хорошо. Пиши ответ скорей. С приветом твой брат гвардии младший сержант А.Желтов”.

Узнав адрес Андрея, я прежде всего написал ему и рассказал обо всем, что с нами произошло. Попросил его совета, как нам сообщить о трагедии его отцу. Вскоре получил от него ответ:

“Здравствуйте Витя, посылаю я вам свой сердечный привет и желаю успеха в ваших делах. Во первых я должен поблагодарить за ваше письмо. Конечно сестру мне очень жалко, но что делать. Война. Витя отцу вы не пишете, я ему сам

напишу. Витя, я хочу немного написать о себе. Я сейчас учусь на танкиста. Скоро поеду на фронт третий раз. Витя, писать я кончаю. В следующем письме напишу больше. С комсомольским приветом, старший сержант Андрей Желтов".

А отец продолжает писать Жене, уже испытывая тревогу по поводу ее долгого молчания. Три месяца уже прошло после Мясного Бора.

"20.IX.42 г. Здравствуй милая доченька Женя. Шлю я тебе свой Родительский привет и желаю я тебе успеха в твоих делах. Женя! Почему ты мне писем не пишешь, жива ли ты; моя милая доченька Женя.

От Андрюши получил два письма 18/IX-42 г., в которых он пишет 22 июля он ранен в обе ноги, лежит в госпитале, в гор.Грозном, в последнем письме пишет лежит в госпитале в Грузии, в г.Кутаиси, ранен в обе ноги. Адрес Андрюши: Грузинская ССР, гор.Кутаиси, п/я 70, палата 48.

Получении письма пиши ответ, я очень беспокоюсь. Пока до свидания, милая доченька. Любящий тебя твой отец Желтов. Купил себе плитку, заплатил 750 рублей. Жду ответ".

А писем от Жени все нет и нет. Угасают надежды. Вот прошло еще полгода. Ведь наверняка отец получил письмо от сына, которое он обещал написать. Да и в отделе кадров меня заверяют, что по адресу отца Желтовой, как и по другим адресам наших сотрудников, отправлены официальные уведомления. Но какие это уведомления? О том, что пропали без вести? Какого отца удовлетворит такое известие? И несчастный отец обращался к дочке снова и снова.

"13.4.43 г. Здравствуй милая дочка Женя! Посылаю я тебе свой родительский пламенный привет и желаю я тебе успеха в твоей жизни.

Женя! Вот уже восемь месяцев прошло, как я от тебя не получаю весточки. Жива ли ты, моя милая дочка. Я шибко беспокоюсь за тебя. Напиши. С нетерпением жду письма. Андрюша был ранен в обе ноги. Лежал в госпитале четыре с половиной месяца. Теперь находится в Челябинской области., г.Копейск, в/ч 96/900. Учится в школе на танкиста, скоро окончит учебу и придет снова на Фронт. Пишу о себе, здоровье мое плохое. Женя, пиши, не забывай своего отца. Сердечно любящий тебя твой отец Желтов. Жду ответа".

“НЕКИЙ КАПИТАН ЧЕРНЫХ”...

Татарский писатель Рафаэль Мустафин, совершивший настоящий подвиг следопыта в исследовании судьбы Мусы Джалиля, собрал множество свидетельств об обстоятельствах выхода из окружения сотрудников редакции газеты “Отвага”, где и работал Муса Джалиль. Теряясь в противоречивости собранных данных, он приводит в своей книге “По следам оборванной песни” одну из версий, рассказанных ему Ризой Ишмуратом, якобы со слов “некоего капитана Черных”.

— К сожалению, — замечает Рафаэль Ахметович, — его (Черных) до сих пор не удалось найти, а имени и отчества его Ишмурат не помнит,

“Некий капитан Черных”... Как же быстро время замечает человеческие следы! Неужели достаточно каких-то тридцати — сорока лет, чтобы человек полностью исчез из памяти людской и уже никто не в состоянии восстановить его имя?..

Где же, где ты, дорогой друг моей боевой юности? Вернулся ли ты с полей брани?..

Последний раз мы виделись с Виталием Ивановичем Черных в августе 1942 года. Вот грустная запись в моем фронтовом дневнике, датированная 23 августа:

“Автомобиль легко тронул с места, спустился в ложину и исчез. Некоторое время еще доносились голоса сидевших в кузове. Вот острый луч фар впился в плотную стену соснового леса, мелькнул раз-другой между деревьями и исчез навсегда...”

Еще одна потеря. Уехал Виталий Иванович Черных. На войне уже стало привычкой, провожая товарища, прощаться навсегда...

Минуту назад мы стояли у плетня крайней деревенской избы, смотрели на холодный свет луны, редкие облака, в какой-то неведомой тревоге бегущие по небу, и говорили бог знает о чем...

Потом было письмо от Виктора Ивановича, в котором он сообщал, что прошел гарнизонную комиссию в Тихвине /В.И. уехал из редакции по состоянию здоровья/, в начале октября добрался до Коломны, где он работал до войны, в дороге заболел воспалением легких, собирался после выздоровления связаться с ГлавПУР для определения своей дальнейшей судьбы. Письмо было датировано 9 октября 1942 года.

А до этого у нас была целая жизнь.

Не могу сказать точно, когда Виталий Черных был зачислен литсотрудником в редакцию "Отваги", но в той теплушке по пути к Волхову он уже был. Вероятнее всего он был принят в "Отвагу", когда наша редакция кратковременно находилась в Коломне в декабре 1941 года.

Резкий, угловатый, почти всегда агрессивно язвительный и вместе с тем какой-то беззащитный, добрый, даже застенчивый, он сразу пришелся мне по душе. Педагог по образованию и практике работы, прекрасно знающий русскую и мировую литературу, он, как и наш филолог Перльмуттер, был совершенно не подготовлен к условиям походной жизни, по состоянию здоровья мог бы и не служить в армии, но был убежден, что во время войны его место, как и любого другого, может быть только на фронте.

В "Отваге" часто появлялись его заметки, очерки, стихи; многое можно увидеть и в моем тощем комплекте "Отваги". Но сохранились у меня еще и его шуточные эпиграммы на своих редакционных соратников, вовсе не предназначавшиеся для печати. Вот эти обветшавшие от времени обрывки газетной бумаги, на которых остановлен стремительный бег его характерного, словно рубленного почерка, его безудержная мальчишеская запальчивость.

Он знал о моем пристрастии к сохранению нашего "редакционного архива" и в одной из эпиграмм обращался ко мне как к своему "союзннику":

Себя в обиду я не дам.

Где мой хранитель эпиграмм?

Мы сберегаем наши стрелы,

Чтоб устранился даже смелый...

Никто не мог избежать его едкого сарказма, но чаще всего он обрушивал свои эскапады на своих основных "противников" — Е.Вучетича, М.Каминера и нашего добрейшего филолога Л.Перльмуттера.

Пока еще мы все равны. Никто еще не испытывает священного трепета перед именем Вучетича — нашего редакционного художника. Вот он корпит над линогравюрой для очередного номера газеты (я уже рассказывал об этих первых опытах Вучетича в гравировании). Заглядывая художнику через плечо, Виталий Иванович ехидно цедит сквозь зубы:

Эпиграма проворного писани.

Здесь человек кокется, который
При пиджи кинкого не лоп
Не берет за перо, как скоро-
Он будет не за!

По приписке В.И. Черных
сгорелый листок

Филолог-функция, беззащитный свет,
С режарной материей сует в свет:

И... ~~милость~~, ~~ошибся~~ верени-
ца.

ручается за частуш.

Ка премиями Кашинер, вставлен
Что будто бы он окопал в одесс
интернет.

это филолог уникальный
написью такой же пере-
бальной:

ска разрабатывались
околопалая матушка

Окопал он в Одессе интернет
По канавы, так кажется зовут.

Обучен Кашинер пугало-ловий

и ~~исполнит~~ ~~философ~~ ~~предан~~

Захватывали три забора в стальной вкопке проги свои дала.

И мад 1942 года.

орресторов он перелес
на пиджи:

« По орресторов новенькую окопалки »

Эпиграммы В.И. Черных

*Подряд десяток лет
Маляр Вучетич чертит рожи.
В его портретах жизни нет,
Искусства тоже...*

Мгновенная словесная перепалка, в которой бедному Вучетичу пока не удается одержать верх. Он ответит Виталию Ивановичу позже, ответит своим монументальным творчеством, покоровшим мир. А Черных не унимается и словно бы подводит убийственный итог только что прошумевшей дискуссии:

*“Я не скульптор, я бездарность,” —
Так сказал Вучетич мне.
Заслужил он благодарность
Этой истиной вполне...*

Муса Джалиль, обычно молчаливый и сдержанный, снисходительно относится к словесным баталиям своих товарищей, не видит в них серьезной опасности нашему фронтовому братству. Он любит и Вучетича и Черных. Общая страсть к литературе, особенно к поэзии, быстро сдружила Джалиля и Черных. Они подолгу бывают вместе, вместе ездят и ходят на передний край, живут в одной землянке. Евгения Викторовича тоже часто видишь в их компании...

Я не помню случая, чтобы шуточные турниры наших острословов кого-нибудь действительно раздражали или обижали. Напротив, в обстановке вечного напряжения они служили какой-то отдушиной, своеобразной разрядкой, и наши “редакционные шакалы” (так с легкой руки Марка Геллера сотрудники газеты величали друг друга) охотно “заводили” всегда готового к бою Виталия Черных.

Лазарь Борисович Перльмуттер — в недавнем прошлом профессор литературного факультета, крупный литературовед, а ныне корректор армейской газеты, отвечающий “в порядке совместительства” за прием по радио газетной информации — стал объектом № 2 в сатирических изысканиях Виталия Черных.

Исключительно добросовестный и придирчиво пунктуальный во всем, наш филолог страдал самым настоящим образом, когда при записи радиопередач что-либо не получалось, обнаруживались какие-либо пропуски или неточности из-за помех в эфире, из-за

вечных бомбежек. Эти постоянные тревоги и заботы филолога наш редакционный сатирик изобразил в следующих язвительных строчках:

Филолог-уникум, небезизвестный свету,

С ремаркой матерьял сдает в газету:

“Плохая слышимость, ошибок вереницы.

Сегодня не ручаюсь за частицы”.

Сдал информацию филолог уникальный

Назавтра с надписью такой же погребальной:

“Превыше сел разграбленных и долов

Страдают окончания глаголов”.

И в третий раз педант-филолог редкий

В газете вновь прочел свои заметки.

На цех корректоров он перенес нападки:

“Во флексиях повсюду опечатки”...

А вот как изобразил Черных Лазаря Борисовича в роли “дежурного критика” по только что выпущенному номеру газеты:

“В передовой двух букв недостает,

Употреблен в ней трижды женский род”...

Ища глубоких сокровенных знаний,

Он разбирает формы окончаний.

Наш самый оперативный не только в репортерских делах, но и на бытовом поприще М.Каминер ухитрился порою, всем на зависть, перехватывать в штабной столовой лишнюю порцию, чем не мало задавался перед нерастаропным Виталием Ивановичем. Черных мстил ему, как мог. “На претензию Каминера, хваставшего, будто он окончил в Одессе институт”, — так в духе классических од восемнадцатого столетия озаглавил он очередной удар по “противнику”:

Окончил он в Одессе институт

По хапанью, так кажется зовут.

Обучен Каминер пустоголовый

Захватывать три завтрака в столовой.

Невероятная "плодовитость" Каминера-репортера нашла такой отклик Виталия Ивановича, отличавшегося от своего собрата по перу медлительностью в работе.

Эпитафия плодovitого писака

Здесь человек покоится, который

При жизни никогда не мог

Не взяться за перо, коль скоро

Он видел незаполненный листок.

Острое и беспощадное словцо Виталия Ивановича приходилось особенно кстати, когда в газете готовился очередной уголок сатиры. Здесь он не знал себе равных. Я не раз видел, как задорно смеялись бойцы, читая в "Отваге" хлесткие прибаутки о фашистских вояках, составляемые у нас главным образом Виталием Черных.

Но не всегда Черных шутил и злословил. Чаще всего задумчивый и сосредоточенный, он отдавал себе полный отчет в грандиозности и значимости происходящих на наших глазах исторических событий. Чувство Родины всегда у него было самым острым, постоянно жило в его душе. Уже после трагедии в Мясном Бору, когда мы вдвоем, обездоленные и одинокие, обитали в самодельном шалаше близ Волкова, он подарил мне прекрасную и суровую балладу о своем родном крае, о неведомой мне сибирской реке Киренге, название которой я стал встречать в газетной хронике лишь тридцать лет спустя, когда на восток нашей страны стала пробиваться ставшая сразу же легендарной Байкало-Амурская магистраль.

Мне хочется привести эту балладу полностью. В автографе она датирована 1940 годом. Не знаю, публиковал ли ее Виталий раньше или потом, не берусь судить о ее чисто литературных и поэтических достоинствах или недостатках, но мне чудится в тяжеловатой поступи этой баллады тот же тревожно-трагический отблеск, та же атмосфера, которая окружала нас в теперь уже в далеком сорок втором году. Виталий Иванович подарил мне автограф этой баллады 15 августа 1942 года с посвящением "в память дней, которые прошли". А через неделю он покинул редакцию.

Теперь, в наши нынешние дни, эта баллада чудится мне неким

трагическим символом трудной, невероятно трудной истории моей Родины...

Знаменит между горными скалами Лены
Столб Сибири, похожий на каменный штык.
Но милей мне безвестный, встающий из пены,
Как видение детства, утес "Пьяный Бык".
Стынут в хвойной дохе дальних сопок отроги,
Каменистых вершин ледяные зубцы,
Многоводных потоков крутые пороги
И витимских долин голубые гольцы.
Гул тайги разливается в воздухе звонком.
Тяжкий дятел долбит на сосне вдалеке.
Мой суровый отец, когда был я ребенком,
Рассказал мне легенду о Пьяном Быке.
В старину мужики подрались однажды
Сплавить сено и стадо быков на Витим.
"Ленец" выкатил бочку в усладу их жажды
И снабдил на дорогу боченком другим.
Пенясь, хлещет низовка холодным порывом.
На утесе качается дико коза.
Кедр сибирский шумит под скалистым обрывом,
А по Лене с весельем плывут карбаза.
Все подвыпили. Лыка не вяжут ребята.
Режет воду груженого карбаза нос.
На изломанной круто волне переката
Ударяется Лена в громадный утес.
Мчатся в узких ущельях стесненные воды.
Лоцман спит, словно близко опасности нет.
Щиплют сочное сено быки у загона,
Развалился у гребя взлохмаченный дед.
Разбудил скоро лоцмана грохот знакомый:
"Гребь держите смелей, не зевать, мужики!"
Гонит гривы утес с нарастанием грома,
И, предчувствуя смерть, заревели быки.
Сотню лет старики сохраняют преданье
В том краю, где не тают сугробы и льды,
Об утесе, издревле ведущем название
От быков, захмелевших от ленской воды.
Мне напомнил о Севере кедр остроглавый.

Там прошло мое детство. В Сибири мой дом.
Под туманами Киренги хмурится слава
Над высоким обрывистым "Пьяным Быком".

Вит. Черных.

1940 год.

Дорогому другу Виктору Кузнецову
в память дней, которые прошли.

Волховский фронт. Мокрые Гоголицы.

15 августа 1942 года.

Вот таким он был, "некий капитан Черных". Что же касается версии, изложенной Ишмуратом со слов "некоего капитана Черных", то она не соответствует действительности. Из окружения Черных прорывался не на машине, как об этом рассказывает Ишмурат, а ползком, короткими бросками от кочки к кочке, по ворот в болотной грязи, под не прекращавшимся ни на секунду пулеметным и минометным обстрелом и бомбежками с воздуха. На машине там, за Мясным Бором, и сейчас не проедешь...

* * *

...Мне удалось все-таки узнать кое-что о послевоенной судьбе Виталия Ивановича. Произошло это совершенно случайно: в 1977 году друг моей дальней комсомольской юности журналист Дмитрий Дмитриевич Кузнецов прислал мне в подарок прекрасно изданную и подготовленную им к 800-летию Коломны книгу о городе, в котором он прожил подавляющую часть своей жизни. Листая эту книгу, я обратил внимание на стихи, включенные в текст одной из статей. Что-то неуловимо знакомое почудилось мне в этих строчках, хотя я был уверен, что вижу их впервые:

Враг просчитался в счете сил.

У нас едины фронт и тыл.

Мы целиком — страна бойцов.

У нас любой на штурм готов.

Бей метко, в лоб, врага, стрелок!

Ружье рабочего — станок.

Не дрогнет твердая рука —

Тыл тот же фронт, но у станка.



Кому же принадлежат эти строчки?

Да, да, конечно. Здесь же и объяснение:

“Виталий Черных, поэт и учитель, в первые дни войны написал стихотворение “Тыл — это фронт у станка”, которое было опубликовано в газете “Коломенский рабочий” 2 июля 1941 года.” (“Коломна”. Изд. “Моск.рабочий”, 1977, с.164).

У меня уже не было сомнений, что это не “некий”, а “наш” Виталий Черных. Я послал запрос своему коломенскому другу. В книге содержалась и фраза, позволяющая надеяться на встречу с Виталием Ивановичем: “Поэт всю войну прошел в шинели солдата и с победой вернулся в Коломну” (Там же, с.164).

Увы, встреча не состоится никогда...

2 января 1978 года я получил письмо от Дм.Кузнецова из Коломны:

"...Насчет Черных. Звать его, как тебе уже известно, Виталий. Он работал в Коломне учителем и вместе с тем был активным корр. местной газеты. Внешне он как нельзя лучше соответствовал своей фамилии. Немного шепелявил, был быстр в движениях, загорался в спорах... С кем я ни говорил, никто не помнит отчества. Но, наверное, еще живы люди, которые знали его лучше, чем я. Буду вести поиски — теперь это в моде.

Сам Черных, как ты, наверное, уже догадался из предыдущего, почил в бозе вскоре после войны. Я его знал плохо. Советую: возьми книгу "Коломна" (не затолкал ее в самый дальний угол?), там есть фото, на котором Серафимович в окружении журналистов Коломны. Первый справа (полголовы с шевелюрой) и есть Виталий Черных. Как? Похож?"

Похож, похож, мой бедный фронтовой товарищ, "почивший в бозе".

Но как же поразительны порою превратности судьбы! В моем фронтовом архиве сохранился один-единственный снимок, не очень четкий, где изображен Виталий Черных. Снимок сделан в 1941 году, еще на Смоленщине. Это групповой снимок, и Виталий виден на нем тоже справа, и тоже в полголовы. Только его пышная шевелюра скрыта красноармейской пилоткой. Вот эти снимки, фронтовой и коломенский.

* * *

Михаилу Каминеру, вероятно, больше всех достовалось от неистребимой язвительности Виталия Черных. Но справедливости ради надо заметить, что Виталий был излишне строг в своих эскападах в адрес нашего замечательного репортера, человека добрейшей души и открытого сердца, прекрасного журналиста, выгодно отличавшегося от всех прочих наших газетчиков, в том числе и от Виталия Черных, высочайшей оперативностью и быстротой в работе. Разве лишь грешил наш Миша Каминер — как бы это поосторожней выразиться, — избыточной способностью к фантазированию, заставлявшею относиться к его корреспонденциям с повышенной бдительностью...

Снимок М.Каминера сделан позже. На обороте есть дата — 11 января 1943 года. Дата весьма примечательна: на следующий



Литсотрудник "Отваги" М.Каминер

Вот берегу...

Теперь из всех сотрудников "Отваги" периода Любанской операции остались в живых лишь двое — Каминер да я. Каминер живет и работает в г.Бельцах, он заслуженный деятель культуры Молдовы, верность журналистике сохранил и по выходе на пенсию...

Снимок сохранил любопытную примету военного времени: на спичечном коробке в руках Каминера можно различить надпись — "Все для фронта! Враг будет разбит! Победа будет за нами!"

день, 12 января, началось наступление нашей армии, завершившееся прорывом блокады Ленинграда. Видимо, именно этим объясняется особый подтекст дарственной надписи на обороте снимка: "Дорогому другу, с которым прожито столько, сколько хватило бы на много жизней. Посмотришь и вспомнишь! Береги, Витя! Твой Миша. 11.1.43"

Завтра начнется новый бой и, как водится, никто из участников не может знать его исхода для себя лично.

"Береги, Витя!.."

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОЛКА АРМЕЙСКОЙ ГАЗЕТЫ

С легкой руки первого поэта "Отваги" Марка Геллера "поэтической обойме" нашей редакции весьма повезло. Сменяя друг друга, в редакции работали уже известные или вскоре ставшие известными крупные поэтические индивидуальности.

Марка Геллера сменил в первом редакционном составе Всеволод Багрицкий. О его трагической судьбе рассказано в предыдущих главах достаточно подробно. После Багрицкого пост поэта-писателя перешел Мусе Джалилю, на долю которого пришелся самый трудный, самый отчаянный за всю войну период боевой деятельности Второй Ударной армии и ее газеты. После Джалиля в редакцию пришел и был в ее составе до конца войны молодой поэт, только что окончивший Литературный институт Сергей Наровчатов. Можно с уверенностью сказать, что становление Наровчатова как поэта происходило именно в коллективе нашей армейской газеты. В составе редакции длительное время (в течение всего 1943 года) сотрудничал ленинградский поэт Александр Прокофьев. Только из стихов Александра Андреевича, опубликованных в "Отваге", можно бы составить прекрасный поэтический сборник. Именно во Второй ударной Прокофьев не только узнал, но и подружился с прославленным минометным расчетом шести братьев-сибиряков Шумовых, ставших главными героями прокофьевской поэмы "Россия". За эту поэму Александр Андреевич был удостоен Ленинской премии.

В нашей газете охотно сотрудничали ленинградские поэты и писатели Николай Тихонов, Ольга Бергтольц, Вера Инбер, Сократ-Кара, Вера Кетлинская...

Разве не примечательно, что именно наша газета стала гостеприимным домом для таких блистательных имен как Герой Советского Союза лауреат Ленинской премии Муса Джалиль, Герой Социалистического труда Ленинский лауреат Александр Прокофьев, Герой Социалистического труда Ленинский лауреат академик Евгений Вучетич, Герой Социалистического труда Сергей Наровчатов...

Уже под конец своей, увы, рано оборвавшейся жизни, Сергей Наровчатов словно бы от имени самого юного поколения, лицом к лицу столкнувшегося с тяжелейшей из всех войн, когда-либо

обрушивавшихся на нашу Родину, напишет стихи, которые на мой стариковский взгляд являются лучшей жемчужиной в его многогранном творчестве.

Осмелюсь поставить эти прекрасные стихи, стихи "главном" на поэтическую полку нашей "Отваги":

*Не будет ничего тошнее,—
Живи еще хоть сотню лет,—
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот серенький рассвет.*

*Стою в намокшей плащ-палатке,
Надвинув каску на глаза,
Ругая всласть и без оглядки
Все то, что можно и нельзя.*

*Сегодня лопнуло терпенье,
Осточертел проклятый дождь,—
Пока поднимут в наступленье,
До ручки, кажется, дойдешь.*

*Ведь как-никак мы в сорокпятом,
Победа — вот она! Видна!
Выходит срок служить солдатам,
А лишь окончится война,*

*Тогда — то, главное, случится!..
И мне, мальчишке, невдомек,
Что ничего не приключится,
Чего б я лучше делать смог.*

*Что ни главнее, ни важнее
Я не увижу в сотню лет,
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот серенький рассвет.*

• * * *

Весьма внушительная "поэтическая полка" нашей газеты несомненно побуждала и наших редакционных сугубых прозаиков

пробовать силу своего поэтического пера.

О поэтических опытах и упражнениях Виталия Черных я уже рассказывал. Хотелось бы упомянуть еще об одном литсотруднике — Николае Владимирском, который вместе с Черных был особенно активен в нашей сатирической рубрике.

Вот как представил Николай нашим читателям повара одного из подразделений Василия Ершова:

Будешь весел, будешь в силе,

Когда суп варит Василий.

Знают все и знаю я

Его Ершов фамилия.

В животе не будет пусто —

Наливает Вася густо.

Я не слышал, чтоб просили:

«Дай добавочки, Василий!»

А озорной припев к этим веселым частушкам буквально разошелся по всей армии и превратился в солдатскую поговорку:

«Ай да повар, ай да Вася!

Молодец, вари, старайся!»

Такими же «всеармейскими» прибаутками стали его стихотворные строки, ближе всего связанные, так сказать, с солдатским желудком: «Вкусно пообедаю, — ожидай с победою»; «Славен стрелок винтовкой, а повар — шумовкой»...

* * *

Я уже говорил о непрекращающемся потоке в редакцию писем с солдатскими стихами. Удивительна природа этой «поэтической настроенности» воинов в условиях, казалось бы, совершенно не располагающих к этому. На каждом шагу воин сталкивается с поразительно оголенными, грубыми, беспощадными явлениями ожесточенной и бескомпромиссной войны, любое из этих явлений вырывается из мира обычных представлений, становится чем-то исключительным и, как это ни странно, возвышенным. Именно возвышенным, так как идет не обычная бойня, «идет война народная, священная война»... Об этом нельзя говорить обычным,

будничным языком. Так я объяснял себе это стремление солдата найти какие-то иные слова, иную форму для выражения своих чувств, переживаний, говорить высоким языком поэзии.

В большинстве своем это, конечно, были наивные, неумелые попытки, явлением литературы они не станут, но наверняка останутся драгоценнейшими документами истории, свидетельствами нравственной, духовной силы и воли защитников Отечества в годы военного лихолетья.

Но присылались в редакцию и настоящие стихи, творцами которых были не профессионалы-литераторы, но которые по уровню поэтического мастерства могли бы составить честь и профессиональному поэту.

Такие стихи шли на наши газетные странички без промедления. Приведу некоторые из таких стихотворений.

Вот как сумел выразить горькое чувство душевной боли за поруганную землю рядовой разведроты Вадим Финогенов:

Помню волховские болота

И затопленный жижью ров.

Прибыла сюда наша рота

Свою землю отбить от врагов.

Впереди пространства пустые,

Нераспаханные поля...

Тяжко знать, что моя Россия

Вон за тем леском — не моя...

Вероятно, разведчик, наблюдавший эту картину, находился в засаде, изучая передний край противника накануне предстоящего боя.

Казалось бы, что отрадного в этой печальной картине, но для солдата это не просто клочок болотной трясины, это частица его Родины, оскверненной врагом, и боль за нее сливается в его душе с его личной судьбой, его личной ответственностью за освобождение этого клочка родной земли. И не возникает тени сомнения, как поступит этот солдат, услышав команду: «В атаку! Вперед!» И написать такие строки мог лишь, кто вот так, как солдат Финогенов, своими глазами видел этот клочок изувеченной земли, видел не со стороны, а из того же наполовину затопленного болотной жижей окопа...

Вот еще одна из таких же солдатских жемчужин:

*Всю ночь мы отливали воду
Из наших глинистых траншей
И кляли здешнюю природу
С ее обилием дождей.
В грязи по самые колена
Брели в землянку через ров
И слушали рассказ туркмена
Про розовую мглу садов.*

Эти стихи написал сержант В.Альшиц. И не нужны после таких строчек никакие лекции о необходимости единства народов. Все тут есть, и единство народов, и их общая цель в защите Отечества, и светлая память об оставленном на время войны родном доме, и готовность отстаивать свою свободу и независимость, хотя обо всем этом нет ни слова в этой прекрасной лирической миниатюре...

Нередко стихи таких “непрофессионалов” сопровождаются как бы извинительными оправданиями. Гвардии сержант С.М.Флеер пишет: “Товарищ редактор! Я конечно не поэт и наверно никогда им не буду, но мои стихи нравятся моим боевым друзьям. А мои друзья люди требовательные и простые; они не потерпели бы фальши и пошлости. Именно это дает мне смелость послать Вам одно мое стихотворение. Если оно не подходит для печати, прошу указать мне на имеющиеся в нем недостатки”.

Напрасно сомневался гвардеец в своих поэтических опытах. Его стихотворению на литературной страничке нашей “Отваги” мы отвели почетное место. Стихи названы автором “Зрелость”.

*Дом, где ты родился, бомбой раскрошило.
Школу, где учился, расколол снаряд.
Там, где было детство, в зарослях крапивы
Обгорелых зданий костяки стоят.
Там, где в майских рощах мы с тобой гуляли,
Там, где наша юность, в зелени травы,
Голоса орудий небо разорвали
И покрыли землю надолбы и рвы.
Так уходит детство, как под воду камень,
Убегает юность, как бежит волна.*

*И одно владеет жизнью и сердцами
В радости и горе и во всем — война.
Так приходит зрелость поступью суровой,
На полях сражений, в ярости атак,
Где в крови и муках мир рождается новый,
Зреет наша зрелость, там где гибнет враг.*

До сих пор я бережно храню автографы еще одного нашего юного поэта Владимира Калачева, погибшего в 1943 году при прорыве блокады Ленинграда, поэтический дар которого несомненно сулил ему большое будущее.

Вот его лирическое стихотворение “Верность”, помещенное в “Отваге”:

*Завечерело. Воздух свеж и мглист,
За горизонтом катится гроза..
В руках письмо держал артиллерист,
Вниманьем были скованы глаза.
Но вдруг разрыв, артиллерист упал
(В таком конце не отыскать ошибку).
Письмо от милой он не дочитал,
Но удержал счастливую улыбку.*

Второе стихотворение названо юным поэтом “В пути”:

*К колодцу быстрою походкой
Едва успевши подойти,
Боец поднял с водой пилотку
И пьет за здравие пути
И за грядущее сраженье,
В котором будет нелегко,
Но улыбнулся широко
Свое увидев отраженье.*

Последнее стихотворение Владимира Калачева, названное им “Коммунист”, было опубликовано в нашей газете уже после гибели поэта. Последние строки о погибшем в бою коммунисте словно бы некрологом звучали самому поэту:

*Пусть рядом смерть, но сердце чисто,
И цель была одна — вперед!*

*Бессмертный подвиг коммуниста
И нас на подвиги зовет.*

Уже много лет спустя после войны я узнал, что на родине поэта в Череповецком политехническом училище № 23, где учился перед войной Володя, стараниями учительницы по литературе Тамары Николаевны Тиховой был создан прекрасный музей памяти молодого поэта...

И ВНОВЬ СЧИТАТЬ МЫ СТАЛИ РАНЫ...

ПО СЛЕДАМ КАТАСТРОФЫ *)

Издательство политической литературы выпустило сборник "Переписка на исторические темы", материалом для которой послужили в основном публикации "Советской России", принятые редакцией некоторое время назад и прочно закрепившиеся на ее страницах. Отрадно видеть, что эти публикации не оставили читателя равнодушным, что они словно бы получили вторую жизнь в многочисленных откликах читателей, в новых вопросах, суждениях, догадках, оценках, нередко остро дискуссионных, спорных, справедливых и несправедливых. Выпущенный Политиздатом сборник как раз и является своеобразным диалогом с читателем, помогающим объективному осмыслению нашего исторического прошлого, правдивому освещению исторических условий, в которых рождалась и росла наша Советская Родина, боролась и побеждала, совершала промахи и ошибки, подчас трагические, и вновь обретала веру и силы для дальнейшего движения к своим идеалам.

* * *

Не буду пытаться рецензировать выпущенную Политиздатом книгу, хотя, на мой взгляд, все без исключения материалы,

*) Статья "По следам катастрофы" была написана в 1989 году. Она не была опубликована в те годы. Полагая, что приводимые в статье данные о потерях Второй ударной армии в Любанской операции не утратили интереса и поныне, автор счел целесообразным включить эту статью в данную книгу.

включенные в нее, заслуживают самой высокой оценки, не говоря уж о том, что читаются они с огромным, неослабевающим интересом от первой до последней строки. Как ветерана войны меня прежде всего привлекла статья С.Гагарина "Правда о Второй ударной". Замечу сразу же, что никто так много не сделал для реабилитации светлой памяти о Второй ударной, как именно газета "Советская Россия", за что ветераны нашей армии бесконечно признательны редакции газеты, в первую очередь писателю Станиславу Гагарину, много лет дотошно исследовавшему нелегкие пути-дороги нашей армии, начавшей свой боевой путь у седого Волхова под Ленинградом и закончившей войну на острове Рюген в Берлинской операции.

В боевых рядах Второй ударной мне довелось служить с первого дня ее формирования, и я надеюсь, что мой рассказ может пополнить именно ту часть повествования Ст.Гагарина, относительно которой, как я понял, возникли наибольшие сомнения у авторов писем, поступивших в редакцию и опубликованных в "Переписке на исторические темы".

* * *

Итак, Любанская операция закончилась. Утром 25 июня 1942 года в 9.30 окончательно закрылась щель, сквозь которую просочились последние воины Второй ударной. У Мясного Бора вновь пролегла жирная черта фронта, разделившая враждующие войска теперь уже надолго — до января 1944 года, когда Ленинград был полностью освобожден от блокады.

Тогда мы еще не могли знать, сколь важное значение придавало немецкое командование исходу Любанской операции. А между тем, именно эта операция определяла основные стратегические замыслы врага относительно Ленинграда. Напомню, что говорилось в директиве Верховного главнокомандования фашистской Германии № 41 от 5 апреля 1942 года, т.е. в самый разгар Любанской операции, когда ее исход еще не был достаточно ясен: "Окончательное окружение Ленинграда и захват Ингерманландии (имеется в виду Ленинградская, Псковская и Новгородская области — В.К.) откладывается до тех пор, пока изменение обстановки в районе окружения или высвобождение других достаточных сил не создадут соответствующих возможностей". ("Совершенно секретно. Только для командования". Изд."Наука", 1967 г., стр.381).

Как видим, только "изменение обстановки в районе окруже-

ния" (т.е. успешное завершение операции на Волхове) могло снова открыть немцам путь к Ленинграду.

Так было и в действительности. Не прошло и месяца после окончания кровопролитного сражения на Волхове, а немецкое командование торопится поставить перед своими войсками новую задачу. В директиве СКВ № 44 от 21 июля 1942 года прямо говорится, что теперь "можно рассчитывать на то, что ...не позднее как в сентябре будет взят Ленинград и благодаря этому высвобождены финские силы..."

В связи с этим действовавший ранее стратегический план "Георг" был заменен новым планом взятия Ленинграда, получившим, как обычно у гитлеровцев, грозное и высокопарное наименование "Фойерзаубер" (Огненное волшебство).

В самые тяжелые дни для нашей страны происходили эти кровавые события. Враг рвется к Сталинграду, на Северный Кавказ. На вершине Эльбруса уже полощется знамя фашистской горнострелковой дивизии "Эдельвейс". Немцы торжествуют: "Из Европы мы перешагнули в Азию!"

Это был не только самый тяжелый период войны, это был её критический период, когда еще нельзя было сказать с уверенностью, кто возьмет верх в этой кровавой сече. Именно в эту пору — 28 июля 1942 года — вышел столь памятный и столь противоречиво оцениваемый ныне приказ Наркома Оборона № 227 — самый тяжелый, самый жесткий и самый отчаянный за всю войну:

"Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем Родину..."

Так стоял вопрос. Никогда еще правда о войне не была сказана нам с такой предельной ясностью и с такой болью.

"Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв".

И он стал таким. Для всего народа, для каждого солдата, каждого советского человека. И сколько бы ни рассуждали ныне о невероятной жестокости этого приказа, ответ может быть только один: у Советской страны не было иного выхода. Не было иного выхода, даже если и считать что, случившееся явилось следствием чьих-то или каких-то заблуждений, просчетов и ошибок.

Уже после войны мы узнаем, что в эти дни президент США Франклин Д. Рузвельт вынужден был признать: "...Мне трудно уйти от того простого факта, что русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения, чем остальные 25 государств Объединенных наций, вместе взятых". Это признание стало известным лишь в 1955 году, когда была рассекречена часть правительственных архивов США периода войны. ("Нью-Йорк таймс", 20.10.1955 г., стр.10).

"Трудно уйти от того простого факта..." Президент и хотел бы уйти от этого "простого факта", но ему трудно это сделать. Что ж, и на этом спасибо, если вспомнить, что его преемникам, да и множеству современных зарубежных и отечественных историков, политологов, исследователей, нередко облаченных в мантии и камилавки ученых учений и степеней, не составляет никакого труда не только уходить от "простых" фактов, но и извращать их, перекраивать историю как кому вздумается...

Тогда еще никому не было известно признание американского президента. Зато нам было известно другое. Помню, как 11 или 12 июня ко мне прибежал радостно взволнованный литсотрудник нашей "Отваги" Лазарь Борисович Перльмуттер и передал мне только что принятую по радио информацию, содержащую торжественное заверение правительств западных союзников об открытии в 1942 году второго фронта в Европе. Сияя очками, Лазарь Борисович прокомментировал долгожданное сообщение:

— Наконец-то! Теперь все-таки полегче станет...

Не стало нам полегче ни в сорок втором, ни в сорок третьем. Второй фронт был открыт лишь в 1944 году, когда наши войска уже ворвались в Восточную Европу. Право, можно было всерьез задуматься, против кого же открывали союзники второй фронт...

К горькому этому рассказу мне хотелось бы сделать еще несколько дополнений, ставших известными тоже много лет спустя после войны. Они достаточно хорошо раскрывают все "игры-забавы" наших "верных" союзников со вторым фронтом.

В послевоенных мемуарах У. Черчилль уже не скрывает, что по мере приближения мировой войны к развязке наши союзники страшились не Гитлера, а появления Красной Армии в Европе. Не стыдясь, Черчилль сообщает, что еще до окончания войны он приказал фельдмаршалу Монтгомери собирать и заботливо хранить на складах все немецкое оружие, чтобы в любой момент быть

готовыми вновь вооружить немецких солдат для совместной борьбы против Советского Союза, если Сталин осмелится пересечь своими войсками демаркационную линию в Германии, установленную соответствующими соглашениями как рубеж выхода советских и союзных войск.

В ту пору эта опасность для западных союзников была действительно вполне реальной: во всех оккупированных странах Европы достигла своей кульминации освободительная борьба сил Сопротивления против оккупантов, возглавляемая коммунистическими партиями Европы. Уже после войны тогдашний лидер Югославии Броз Тито не без оснований упрекал Сталина, что в 1945 году тот не воспользовался возможностью совершить беспрепятственный и победоносный марш по всей Европе и утвердиться на Атлантическом побережье...

Таковы были наши союзники в той страшной войне. Лишь советская сторона безукоризненно соблюдала все соглашения и договоренности.

Можно вспомнить еще об одном небезынтересном документе тех дней. Среди материалов последнего, так и не вышедшего в свет, номера "Отваги" за 24 июня 1942 года, есть оттиск уже набранной телеграммы премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля Председателю Совета Народных комиссаров И.В.Сталину в связи с первой годовщиной Отечественной войны. На первый взгляд вроде бы обычный в дипломатической практике обмен официальными посланиями двух лидеров дружественных, тем более союзных стран. Но как же иначе прочитывается этот документ сейчас, по прошествии полувековой прорвы времени. Только послушайте, сколько лицемерия и фальши в каждой строке этой "любезной телеграммы". Прямо-таки издевательски звучит первая же фраза: "В связи со вступлением Советского Союза во второй год войны я, как премьер-министр Великобритании, которая через несколько месяцев вступает в четвертый год войны, посылаю вам..."

Подумать только! Приветствие начинается с явного упрека: вы, мол, воюете только год, а мы вступаем уже в четвертый... И говорится это тогда, когда уже весь мир окрестил ту войну западных стран "странной войной", войной бездеятельной, войной без войны, войной, в которой Великобритания еще не ударила палец о палец...

Также лицемерно звучит его "восхищение победоносной обороной" русских войск, вслед за которым Черчилль спешит

поторопить Сталина, ожидая от него “еще более значительных достижений”, да и не когда-нибудь, а уже “в предстоящие месяцы”. Что же касается самих союзников, то Черчилль весьма расплывчато “заверяет” своего советского партнера, что он “может рассчитывать”, что союзники окажут ему “помощь всеми силами, которые имеются в нашей власти”.

Что ж, Сталин вероятно и рассчитывал... Не этой ли промашкой Сталина можно объяснить, что надеясь на открытие обещанного второго фронта в Европе в 1942 году, он всерьез полагал в этом же году полностью изгнать оккупантов из нашей страны?..

Можно добавить, что Великая Отечественная война советского народа против авангарда мирового империализма — фашистской Германии — явилась самым серьезным испытанием за всю историю существования России. Это было не просто перенапряжение, а сверхнапряжение всех сил, какое может выпасть в судьбе любого народа лишь однажды. И именно в этом испытании народы Советского Союза проявили высшую степень единства в защите своей свободы и независимости.

Инерции этого сверхнапряжения народа оказалось достаточно, чтобы единым духом, в немыслимо короткий срок не только полностью восстановить разрушенное войной хозяйство, но и превратить СССР во вторую сверхдержаву мира.

И никуда не уйти от того факта, что все эти критические годы во главе Советского государства стоял Сталин. Величину и масштабы его гения мы еще и поныне не в состоянии постичь. Мы сможем сделать это лишь спустя сотни лет.

Но сверхнапряжение не могло оказаться для России бесследным. За любым перенапряжением неизбежен упадок сил. Его результатом явилось крушение советской государственности. Целая череда сменивших один другого капитанов государственного корабля, выдававших себя за великих реформаторов, оказались в действительности теми самыми пигмеями, которые суетятся у ног гиганта-Сталина, близоруко щурятся и, перебивая один другого, торопливо лезут со своими столь же близорукими суждениями и оценками Великого государственника...

Ах, если бы пробуждающаяся Россия нашла в себе достаточно силы вновь сотворить лидера, подобного Александру Невскому, богатырей, подобных Пересвету... Но может и не хватить этих сил, может и не состояться рождения нового спасителя нашей Отчизны...

Но вернемся к событиям тех дней на нашем Волховском фронте, которые развивались своим чередом, установленным, увы, "не нашими поварами"...

Для осуществления операции "Огненное волшебство" под Ленинградом в августе 1942 года спешно перебрасывается 11-я армия Манштейна, носившего кроме многих почетных и громких титулов почти официальное звание "Покорителя Крыма". В сентябре 1942 года, т.е. всего лишь через два месяца после Любанской катастрофы, армия Манштейна, изготовившаяся к очередному прыжку на Ленинград, вновь схлестнулась с войсками буквально воскресшей из мертвых Второй ударной армии. Произошла очередная кровавая схватка у стен Ленинграда, получившая наименование Синявинской операции. Вторая ударная и в этой битве понесла неисчислимые потери, но враг был остановлен и на этот раз.

Синявинская операция требует особого рассказа, а сейчас мне надо снова вернуться к горестному исходу Любанской операции. Многие годы наши историки, как уже отмечено, предпочитали не говорить об этой операции, либо говорили о ней без большого желания. Особенно болезненным при любом упоминании о Любанской операции был вопрос о людских потерях в этой операции. Каждый раз сведения об этом представлялись в самых различных вариантах. Безусловно пристрастными для обеих враждующих сторон являются цифры, публиковавшиеся еще во время войны, вскоре после окончания операции. Это не удивительно: каждая сторона в любой войне по вполне понятным причинам всемерно уменьшает свои потери и без зазрения совести преувеличивает потери противника. Дезинформация противника, а при необходимости и своего народа — это, увы, закон войны. Любанская операция не была исключением.

В сообщении Совинформбюро, опубликованном 30 июня 1942 года, приводились такие оценки обеих сторон. Ставка Гитлера сообщила об уничтожении трех советских армий (2-й ударной, 52-й и 59-й армий Волховского фронта), причем гитлеровцы, как сообщало Совинформбюро, "приводят астрономическую цифру в 30 тысяч якобы захваченных пленных, а также о том, что число убитых превышает число пленных во много раз". Опровергая эти, действительно неправдоподобные данные, наше сообщение признавало потери в этих боях "до 10 тысяч убитыми, около 10 тысяч

ЕЩЕ ОДНА ФАЛЬШИВКА ГИТЛЕРОВСКОГО КОМАНДОВАНИЯ

28 июня отавка Гитлера выпустила в свет еще одну очередную фальшивку. На этот раз фальшивке беронисцы «уничтожили» на бумаге, ни много — ни мало, три наших армии — 2-ю ударную, 52 и 59 армии Волховского фронта, якобы окруженные немцами на западном берегу реки Волхов. При этом гитлеровские писаки приводят астрономическую цифру в 30 тысяч якобы захваченных пленным, а также о том, что число убитых превышает число пленным во много раз. Разумеется, эта очередная гитлеровская фальшивка не соответствует фактам.

В феврале текущего года наша 2-я ударная армия глубоко вклинилась в немецкую оборону, отвлекая на себя большие силы немецко-фашистских войск и в течение зимы и весны вела упорные бои с противником и нанесла ему крупные потери. Многие раз противник делал попытки прервать коммуникации 2-й ударной армии и каждый раз после понесенных больших потерь вынужден был отступать. В первых числах июня немецким войскам удалось в одном месте прорваться на коммуникации 2-й ударной армии.

Совместными ударами 59 и 52 армий с востока и 2-й ударной армии с запада части противника, прорвавшиеся на коммуникации 2-й ударной армии, были

большой частью уничтожены, а остатки их отброшены в исходное положение. В ходе этих боев немцы понесли огромные потери в живой силе и технике. По полочным данным в этих боях немцы потеряли только убитыми не менее 30 тысяч человек. Особенно большие потери в этих боях понесли 1, 126, 254, 285, 291 пехотные дивизии, полицейская дивизия «СС» и иностранные легионы «Нидерланд» и «Фландрия», причем полицейская дивизия «СС» и иностранные легионы почти полностью уничтожены.

Части 2-й ударной армии отошли на заранее подготовленный рубеж. Наши потери в этих боях до 10 тысяч человек убитыми, около 10 тысяч человек пропавшими без вести, потеряно 102 орудия, 12 танков и 200 пулеметов. Следовательно, ни о каком уничтожении 2-й ударной армии не может быть и речи! Что касается 52 и 59 армий, то они в клин, вбитый в немецкую оборону, не вводились и на их коммуникации противник не входил. Наоборот, эти армии наносили серьезные удары по войскам противника, прорвавшимся на коммуникации 2-й ударной армии, и обеспечивали отход ее частей на новый рубеж.

Таковы факты, неистово опровергающие очередную гитлеровскую фальшивку.

СОВИНФОРМБЮРО.

Сообщение Совинформбюро "Еще одна фальшивка гитлеровского командования".

человек пропавшими без вести", т.е. в общей сложности до 20 тысяч человек.

После войны с цифрами потерь в Любанской операции стали происходить загадочные метаморфозы. Раз от разу они становились даже меньше тех, что были указаны в официальном сообщении Совинформбюро. Приведу лишь некоторые из многочисленных примеров подобных превращений.

Бывший командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант М.Хозин, во многом ответственный за неудачу Любанской операции, утверждал, что за Мясным Бором было окружено 18-20 тысяч и из этого числа на 28 июня 1942 года было выведено 9322 человека (см. "Военно-исторический журнал", № 2, 1966.) Обратите внимание на скрупулезную точность приводимой цифры, должествующей, повидимому, означать безукоризненность учета в наших военных штабах. Стало быть, число нё вышедших из окружения по подсчетам М.Хозина почти в два раза меньше, чем определялось первым сообщением Совинформбюро. Маршал К.А.Мерецков в своих воспоминаниях не привел итоговых цифровых данных, но указал, что в один из последних дней операции (21 июня) было выведено из окружения "около 6 тысяч".

Потом цифровые данные старались не упоминать совсем. В "Истории Великой Отечественной войны" (т.2, с.336) сказано, что "...окруженной оказалась 2-я ударная армия, войскам которой пришлось с тяжелыми боями прорываться через узкую горловину у основания прорыва на соединение с главными силами Волховской оперативной группы Ленинградского фронта".

Разве это дает хоть в какой-то степени реальное представление о тяжести постигшей нас неудачи? А в одном из сравнительно недавно выпущенных военно-исторических трудов — в книге большого авторского коллектива Института военной истории и Академии Наук ("На Волховском фронте. 1941-1944 гг", изд. "Наука", 1982, с. 36) заключение по Любанской операции подано еще в более сглаженном виде: "В результате многодневных тяжелых боев ее (т.е. Второй ударной армии) основные силы были выведены из окружения и направлены в тыл для восстановления".

Вот здесь я и остановлюсь. Не берусь вступать в рискованную дискуссию относительно истинности или ошибочности сообщаемых данных о потерях в Любанской операции. Понимаю, что даже современным историкам, вполне серьезно занимающимся архивными разысканиями, нелегко восстановить истину. Ведь как бы то ни

было, цифровые данные о потерях поступали в вышестоящие инстанции от тех, кто в первую очередь нес ответственность за эти потери. Именно от них (Хозин, Мерецков) пошли и первые цифровые оценки в Любанской операции. Стало быть, и архивные данные могут не прояснить подлинную картину и размеры постигшего тогда Вторую ударную армию бедствия. К тому же надо иметь в виду, что армии тогда не имели постоянного состава; в зависимости от конкретных задач количество соединений и частей, входивших в них, менялось. Достаточно вспомнить, что свою первую боевую операцию Вторая ударная армия начинала, имея в своем составе лишь одну стрелковую дивизию и семь отдельных стрелковых бригад, а на 1 февраля 1942 года включала уже 8 стрелковых дивизий, 7 стрелковых бригад, 23 лыжных батальона и много других частей. В последние дни Любанской операции в составе армии было 7 стрелковых дивизий, 6 бригад и 1 танковый батальон (именно в таком составе она выходила из окружения). Сами эти соединения и части имели огромный некомплект в людях и боевой технике. Все это невероятно усложняет какой-либо достаточно обоснованный количественный анализ состава армии даже для специалистов.

Но не подойти ли к этому запутанному вопросу с другого конца? Я не смогу подсчитать потерь нашей армии, как не смогли сделать этого и те, кто брался за это. А что представляли собой "основные силы" Второй ударной сразу после выхода из окружения, мне известно. Я постараюсь рассказать об этом, хотя сделать это мучительно больно даже сейчас, спустя полвека. А говорить надо, знать надо. Надо знать истинную цену нашей Победы.

Итак, начало июля 1942 года. Армия зализывает раны. Страшные, еще кровоточащие раны после только что разыгравшейся трагедии в Мясном Бору. У меня сохранился небольшой блокнот, в котором я вел записи в качестве временно исполняющего обязанности офицера информации при политотделе, который тоже еще не был полностью восстановлен. Совещание, на котором я вел эти записи, должно было установить общее состояние вышедших из окружения частей и соединений армии, их личный состав, наличное вооружение, состояние партийно-политической работы и другие вопросы, важные для первоначальной работы по восстановлению армии. В блокноте отмечено, что совещание проводил Рогинский. Вероятно, это генерал С.В.Рогинский, который, как мне помнится, исполнял обязанности командующего армией в то время.

На совещании присутствовали представители всех соединений и частей, входивших тогда в состав армии, за исключением 19-й гвардейской стрелковой дивизии и 22-й отдельной стрелковой бригады. Разумеется, цифры, которые я сейчас собираюсь привести, не могут служить в качестве точно выверенного официального источника, но они несомненно дают в целом правильное представление о том, как выглядела наша армия тогда, с чего начиналось ее возрождение после Любанской операции.

Не буду пытаться обрабатывать сохранившиеся записи, придавать им более приемлемую форму, сглаживать их шершавость и угловатость: так они лучше передадут дух времени и момента, напряженность обстановки, и несмотря ни на что, готовность воинов снова ринуться в бой.

Первой в блокноте идет запись о 92-й стрелковой дивизии. О ней докладывал на совещании редактор дивизионной газеты, исполняющий временно обязанности комиссара дивизии Г.Кронгауз. Всего в дивизии 220 человек. Старший комсостав — 6, средний комсостав — 19, старший политсостав — 6, средний политсостав — 3. Коммунистов — 19, кандидатов — 27, комсомольцев — 42. Погибли при выходе комиссар Овчинников, нач. особого отдела Косых, командир полка Ченин. Наличное оружие: винтовок — 55, автоматов — 23, наганов — 70, противогазов — 110.

Кронгауз — мой давний знакомый, тоже газетчик, после совещания он рассказал мне, что в разных местах фронта и сейчас еще пробиваются небольшие группы бойцов.

О 382-й дивизии докладывал старший батальонный комиссар Мегеть (жаль, конечно, что здесь, как и во многих других случаях в моих записях не указаны хотя бы инициалы докладчиков). В составе дивизии всего 303 человека, из них 240 вышли из окружения. Старший ком. и политсостав — 17 человек, средний ком. и политсостав — 65, младший комсостав — 56 чел., красноармейцев — 138, старший техсостав — 6. В дивизии возобновили работу 5 парторганизаций (44 члена и 39 кандидатов партии) и 4 комсомольских организации (38 комсомольцев). Вооружение дивизии: 115 винтовок, 34 ППШ, 53 пистолета и нагана. Патронов по 50-70 штук на бойца. Автомашин — 3.

Настроение у воинов хорошее. Готовы снова в бой. Испытание последних дней закалили бойцов. В дивизии надо заменить 50 пар ботинок, не хватает 100 котелков. 10 человек (из других частей)

не обмундировано. Разоблачен один предатель (сдался в плен и был отпущен с разведывательным заданием). Бойцы требуют свежих газет. Давно не смотрели кино. При выходе из окружения замполит Смолин и старшина Красиков ворвались в дзот, в котором сидели три вражеских автоматчика. Двоих убили, третьему удалось убежать. Младший лейтенант Середа и старший лейтенант Чесноков убили вражеского офицера, солдата, забрали их автоматы и боеприпасы и выбрались к своим. Бойцы Синдецкий и старшина Красиков вынесли раненого политрука 67-го полка. При выходе из окружения начфин Сахно и сержант Гончаров бросили партбилеты (оба исключены из партии).

А что случилось с нашей прославленной 327-й антюфеевской дивизией? Вот данные, сообщенные батальонным комиссаром Широковым. Вышли 172 человека, в том числе 4 старших и 3 средних командира. Личный состав прошел санобработку, заново обмундирован. Больные и ослабленные отправлены в госпитали. Питание налажено, жалоб нет. Возобновили работу 3 парторганизации (37 членов и 27 кандидатов партии) и 3 комсомольские организации (20 комсомольцев). Партхозрайство в порядке. При выходе из окружения командир взвода связи комсомолец лейтенант Ключев спас полковое знамя и вынес с собой.

...Можно бы и ограничиться приведенными данными, достаточно красноречиво свидетельствующими о состоянии армии сразу же после ее выхода из окружения. Но не будем делать этого, чтобы у кого-нибудь не возникла мысль о преднамеренном, выборочном характере этих данных. Да и в цифрах этих, когда я переносу их на чистый лист бумаги, мне чудится не арифметика, не сухая статистика, а некие нотные знаки еще неизвестного беззвучного реквиема погибшей армии.

Давайте же дослушаем до конца голоса тех, кто рассказал на том совещании об итогах выхода из окружения.

Я снова возвращаюсь к своему обветшалому от времени блокноту.

О 259-й стрелковой дивизии докладывает Харибин. Общая численность — 330 человек (в том числе вышедшие из окружения 106 человек). Комсостав — 54 человека (вышли 28), младший комсостав — 64 человека (вышли 20), рядовых — 211 (вышли 58). Вооружение: винтовок — 118, ППШ — 10, ручных пулеметов

— 2, наганов — 31. В дивизии 16 автомашин, 168 лошадей, 58 повозок, 6 седел.

Рядовой боец коммунист арtpолка Петровский заметил при выходе двух вражеских пулеметчиков, преграждавших путь подразделению. По своей инициативе, не дожидаясь приказа, Петровский обошел пулеметчиков, подкрался к ним с тылу и уничтожил пулеметный расчет. Затем он уничтожил двух автоматчиков, притаившихся под сваленным деревом. Путь подразделению был расчищен. При выходе дважды раненый красноармеец вынес на себе раненого командира. Военфельдшер комсомолка Е.Д.Романова вывела из окружения 22 июня 75 раненых бойцов. Майор Коробочкин вышел без пистолета.

В дивизии организованы ежедневные политинформации, налажена читка газет. Восстановлены партийные и комсомольские организации (34 коммуниста, 10 кандидатoв, 24 комсомольца). Многие долго не платили взносов. Утеряно два партийных документа. За последние дни в партию принято 8 человек.

267-я дивизия. Докладывает политрук Карпов. Сейчас в строю 114 человек (старший комсостав — 8, средний — 34, младший — 17, политсостав — 6, рядовых — 49). Востановлено 3 парторганизации (10 членов и 10 кандидатoв). Комсомольцев нет. Вооружение: винтовок — 8, карабинов — 4, автоматов — 3, пистолетов — 20, наганов — 5. В дивизии 47 автомашин, 244 лошади. Бойцы получили много писем из дому (в окружении долго не получали). Питание хорошее, кухня налажена.

Как выходили?

Всего вышло 27 человек: политсостав — 6, комсостав — 6, мл. комсостав — 5, рядовых — 10. Держали оборону от Мостков вправо к реке Глушице. 24 июня были отправлены в обоз уничтожить оставшуюся матчасть. По возвращении мы, 9 человек, присоединились к своим. Часть людей из минометчиков с нами не пошла. По ходу движения справа у немецкого танка сидели фашистские автоматчики с офицером (6 человек), кричали: “Рус, сдавайся!”.

В бою проявили себя капитан Борисов, младший политрук Кондратьев, рядовые Курочкин и Дьяченко. Они уничтожили вражескую группу. Сегодня прибыло еще 7 человек, прорвались в районе Мостков со штабными работниками.

Шерешников рассказывает о 46-й стрелковой дивизии. Личный состав — 235 человек, в госпиталях 325 раненых и ослабленных. Старший комсостав — 5 человек, средний — 40, младший — 40, политсостав — 3. Вооружение: винтовок — 78, ППШ — 22. Автомашин — 19.

Моральное состояние воинов высокое ("Мы еще им покажем"). Баня действует вовсю. Сменили белье. Питание налажено. Обувь обменена еще не всем. Идут занятия (Изучение уставов, беседы по тактике).

К рассказу Шерешникова в блокноте сделана дополнительная запись, сделанная позже: "В ночь с 8 на 9 августа из окружения вышел замначподив 46-й сд с группой в 16 человек. Выходят почти ежедневно. Искключительно истощены. Последние две недели питались лишь клюквой, кислицей да прошлогодней свеклой с заброшенных огородов. Передают, что Власова видели последней раз 3 июля с группой штабистов и несколькими автоматчиками. Судьба комдива Черного неизвестна. Кто-то видел в немецком тылу комдива-327 Антюфеева. С группой командиров он якобы собирался выходить в сторону Ленинграда. (Генералу И.М.Антюфееву не удалось выйти, он попал в плен и только после войны смог рассказать о последних днях своей дивизии и о своих мытарствах за колючей проволокой фашистских концлагерей).

О 23-й отдельной стрелковой бригаде докладывает Петухов. Всего в бригаде 137 человек (из них 96 вышли). Старший комсостав — 4, средний — 33, младший — 39, политсостав — 6, рядовых — 61. (Данные не совпадают с указанной общей цифрой личного состава — очевидно, докладчик или записывающий допустили ошибку). Вооружение: винтовок — 37, ППШ — 9, др. личного оружия — 24. Автомашин — 14. Членов партии в бригаде — 25, кандидатов — 16, комсомольцев — 27. Создано в подразделениях 5 парторганизаций.

При выходе из окружения старший лейтенант Смирнов, политрук Романов, старшина Папакин, сержант Стрельниченко и рядовой Шереметьев уничтожили два вражеских дзота, пулеметную точку в подбитом танке, и в рукопашной схватке уничтожили 5 гитлеровцев. Лейтенант Леус с группой бойцов-связистов уничтожили расчет вражеского пулемета. Командира бригады Ключникова петеряли, потеряли нелепо: его раненого охранял один лейтенант.

24 июня он побежал за помощью, оставив командира одного. Помощь послали, но уже было поздно. Пробриться к раненному не удалось.

В бригаде не хватает 100 котелков, не у всех есть вещевые мешки, ложки, нет полотенец, часть бойцов нуждается в обуви.

О 25-й стрелковой бригаде в блокноте говорится, что на выход пошло 450 человек, вышло 198 (комсостав — 86, политсостав — 11, мл.комсостав — 31, рядовых — 70.) Членов и кандидатов партии в бригаде — 96, комсомольцев — 21. Из вышедших 140 раненых и ослабленных отправлены в госпитали. Неизвестна судьба комбрига Шелудько, комиссара Байбурина, начполита Маргулиса.

В записи о 53 стрелковой бригаде не указана ее численность по выходе из Мясного Бора. Есть только следующие данные: старший комсостав — 5 человек, средний и младший — 26. Коммунистов и кандидатов — 61, комсомольцев — 18. Восстановлено 8 парторганизаций. Вооружение: винтовок — 69, ППШ — 7, патронов — 1156 шт. Лошадей в бригаде — 62, повозок — 18, автомашин — 13. При выходе из окружения бухгалтер полевой кассы Полозов вынес все ценности и документы.

О 57-й бригаде докладывает Шибистов. На день совещания в бригаде было 148 человек, в том числе политсостав — 3, старший начсостав — 4, средний комсостав — 33, младший — 21, рядовых — 87. Из этого числа вышли из окружения 112 (ст.комсостав — 4, политсостав — 2, средний комсостав — 26, младший комсостав — 18, рядовых — 62). Кроме того 35 находятся в госпиталях. Бригада располагает следующим оружием: винтовок — 2, карабинов — 16, ПППШ — 9, пистолетов — 8, наганов — 4, немецких винтовок — 2. В бригаде 1 автомашина, 20 лошадей. Солдатам заменено обмундирование и белье, но обуви еще не хватает. Выданы плащпалатки. Из-за отсутствия котлов второе на кухне не готовится, заменяют сухим пайком.

Вот как выглядела после выхода из окружения 59 стрелковая бригада. Рассказывает Бахтин. Личный состав всего 90 человек (в том числе и вышедшие из окружения 56). Ст. начсостав — 5, средний — 29, младший — 15. Коммунистов в бригаде — 24,

комсомольцев — 9. Вынесено оружия: винтовок — 18, ППШ — 3, др. личного оружия — 24.

При выходе красноармеец (фамилия не указана) задушил в рукопашной схватке фашистского офицера. Начфин Кузнецов, раненый, вынес документы и кассу в сумме 15 тыс. рублей. Майор Белов вывел 50 процентов личного состава артиллеристов бригады. Вынесли шесть раненых.

Трусы: майор Кашкин ("Вперед не пойду, подожду до утра"). Комиссар артдивизиона Умрихин переоделся в форму рядового и отказался идти на выход. Уполномоченный особого отдела младший лейтенант Тиборин снял знаки различия.

В блокноте сохранилась запись о 166-м отдельном танковом батальоне. Это было единственное танковое подразделение, оставшееся в составе нашей армии к моменту выхода из окружения. Сведения об этом батальоне сообщены Крайневым. Выходили без танков. Личный состав — 48 чел. (а том числе вышедших — 28). Старший комсостав — нет, средний комсостав — 10, политсостав — 3, младший комсостав — 25, рядовых — 10. Коммунистов нет, комсомольцев — 17.

Командир танка комсомолец младший сержант Моргун в последние дни выхода более десяти раз ходил в атаку и участвовал в отражении нескольких контратак. Подавил до десяти огневых точек противника, уничтожил свыше 100 гитлеровцев. Экипаж Т-60 комсомольца старшины Щербакова и механика водителя старшины Гольцева семь раз ходил в атаку, подавил пять огневых точек, уничтожил более сотни фашистов...

Так выглядели соединения и части Второй ударной армии после выхода из окружения. Тогда же подводились и некоторые сводные данные о результатах выхода. В моем дневнике есть такая запись (2 июля 1942):

"По сведениям, которые удалось собрать до сегодняшнего дня, из окружения вышли: 476 человек ком. и нач. состава, 414 человек младшего комсостава, 1033 бойца, 90 политработников. Не вышел ни один комиссар дивизии, ни один начальник политотдела дивизий, буквально единицы из политотделов полков. Из политотдела армии вышли лишь трое. Коммунистов вышло 261, кандидатов 204, комсомольцев 126. Одиннадцать коммунистов при выходе из окружения уничтожили свои членские и кандидатские карточки".

Повидимому, представляют значительный интерес данные полевого госпиталя № 21185 за июнь 1942 года. Этот госпиталь находился на направлении отвода нашей армии под Мясным Бором.

Раненых и больных поступило за месяц 1020 человек (772 раненых и 248 больных). В числе поступивших легко раненых было только 35 человек, остальные — средней тяжести и тяжелораненые. Умерло только 23 человека. Больше всего страдают от осколков мин (404), затем от пуль (208), от осколков снарядов (103). Несмотря на большую активность авиации, от осколков авиабомб пострадало лишь 35 человек.

А совещание в политотделе, о котором я рассказал, закончилось выступлением Рогинского. О нем в блокноте тоже есть несколько строк. Даже в протокольной записи в них словно бы не стихает грохот не прекращающейся ни на миг военной грозы: “Мало говорили о недостатках. Учеба по настоящему еще не налажена. Готовы отдыхать вечно, а ведь война идет”. (Вспомним, что это говорилось буквально через неделю после тяжелой катастрофы). “Необходимо наладить строгий учет людей, вооружения. Строгая проверка людей, особенно одиночек, продолжающих выходить из окружения. Проверка партийных документов. Бдительность!”

Так армия подсчитывала свои жертвы, потери, выясняла скудные свои резервы вплоть до последнего патрона. Не для того, чтобы предаваться скорби, а чтобы сцепив зубы начинать все сначала...

* * *

В заключение хотелось бы обратить внимание на одну очень досадную неточность в публикации о Второй ударной армии в газете “Советская Россия”, перешедшую позже в сборник “Переписка на исторические темы”. Речь идет об обращении Военного Совета и Политуправления Волховского фронта к воинам Второй ударной армии, в котором содержится высокая оценка мужества и стойкости ее бойцов и командиров. Автор сообщает, что эта листовка “выпущена в июле 1942 года после выхода армии из окружения” (с.427).

Нет, это не так. Листовка с этим обращением выпущена не в июле после выхода армии из окружения, а в июне (в армию она пришла 13 июня), т.е. в самые тяжелые дни Любанской операции, когда она действительно оказала огромное мобилизующее и, я бы сказал, нравственное воздействие на воинов армии.

борьбу с трусами, паникерами, распространителями провокационных слухов. В обороне и наступлении будьте непоколебимыми, уверенными и настойчивыми — в этом Ваш долг, долг воина Красной Армии перед матерью-Родиной. Бесщадно истребляйте коренную чуму. Каждый убитый фашист, каждое уничтоженное оружие противника, каждый взорванный, сожженный танк, каждый сбитый фашистский самолет — все это приближает день габели гитлеровской грабярнии.

Партия, советское правительство и вождь народов Народный Комиссар Обороны товарищ Сталин поставили перед воинами Красной Армии задачу — в 1942 году полностью разгромить фашистскую грабярнию.

Выше боевые знамена, овеянные славой в боях с немечкими оккупантами! Свято храните и множете героическое традицию 2-й ударной армии!

Воинским умением и стой-
е 1942 году.

Нас ведет к победе Сталин!

Смерть немечким оккупанта

Да здравствуют воины 2-й

Да здравствует наша победа!

Военный Совет П
фронта

Смерть немечким оккупантам!

Доблестные воины 2-й ударной армии!

В огне и грохоте орудий, лязге танков, реве самолетов, жестоких схватках с гитлеровскими мерзавцами завоевали вы славу доблестных воинов Волховских рубежей.

Мужественно и бесстрашно, в течение стуровой зимы и весны, вы вели борьбу с фашистскими захватчиками.

Боевая слава воинов 2-й ударной армии золотыми буквами занесена в истории Великой Отечественной войны.

Сейчас, когда потребовала обстановка, по приказу Командования фронта, армия занимает новые, более выгодные рубежи для обороны и наступления, чтобы еще крепче, еще сильнее бить врага, уничтожить его живую силу и технику, срывать его планы. Организационно занимая новые рубежи, 2-я ударная армия одновременно наносит сокрушительные удары по врагу. Тысячи немцев корчат могильных червей под Красной Горкой, Червино, под Дубовиком и Еглыно.

Ваши силы велики, и они могут быть умножены — это уже почувствовали на своей шкуре немецко-гитлеровские мерзавцы.

Мы теперь несравненно лучше, чем в прошлом году, вооружены для борьбы с вражескими танками и самолетами, для борьбы за победу и в воздухе, и на земле.

От каждого воина 2-й ударной требуется величайшая дисциплинированность и организованность. Каждый боец должен сражаться отважно, держаться непоколебимо, быть готовым скорее погибнуть смертью храбрых, чем не выполнить свой воинский долг.

Товарищи бойцы, командиры и политработники 2-й ударной армии!

Ни минуты успокоенности и благодушия. Помните, что врагу нанесены сильные удары, но он еще не разбит, он коварен и лют, он готов на всякие подлости, провокации, инсинуации. Будьте бдительны, дисциплинированы, подтянуты. Решительно ведите

Обращение Военного Совета Волховского фронта к воинам
2-й Ударной армии.

А после выхода из окружения не обращался к нам Военсовет фронта ни с какими призывами и словами благодарности. Первым и последним сообщением о Любанской операции явилось сообщение Совинформбюро от 30 июня 1942 года, о котором говорилось выше. Именно этим сообщением словно бы раз и навсегда накладывалось жестокое табу на Любанскую операцию, и заговор молчания распространился на целые десятилетия.

Достаточно вспомнить, что награждение медалью “За оборону Ленинграда”, утвержденную 22 декабря 1942 года (это была первая медаль в ознаменование важных событий в борьбе с фашистской Германией), не распространялось на участников Любанской операции. Неоднократные ходатайства Совета ветеранов в различные высокие инстанции ни к чему не привели. Объяснения носили, как и полагается, железобетонный непробиваемый характер. То, видите ли, кто-то в свое время по каким-то причинам не включил или забыл включить в списки соединения и части, участвовавшие в Любанской операции, то времени с тех пор прошло слишком много, и теперь, мол, поздно возвращаться к этому...

Но может ли быть “поздно” для истории ?

* * *

Постскриптумом к этим заметкам о Любанской катастрофе, составленным мною в апреле 1989 года по просьбе одного из московских изданий, могут послужить выдержки из книги “Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах”. В этой книге, изданной Воениздатом в 1993 году, впервые опубликованы обобщенные материалы о потерях армии и флота за всю историю их существования.

При подготовке книги использованы документальные материалы военных ведомств и важнейших архивных учреждений СССР. В книге содержатся и цифровые данные о Любанской операции. Повидимому это наиболее близкие к истине данные в сопоставлении со всеми ранее появлявшимися публикациями на эту тему.

В книге сообщается, что Любанская операция (наступательная) проходила с 7.1. по 30.4.42 г. и осуществлялась Волховским фронтом и 54-й армией Ленинградского фронта. К началу операции численность войск составляла 325.700 человек. Потери в ходе операции составили 308.367 чел. (в том числе, безвозвратные —

95 064 человека и санитарные — 213 303).

К числу безвозвратных потерь отнесены убитые на поле боя, умершие от ран на этапах санитарной эвакуации, пропавшие без вести и оказавшиеся в плену. В число безвозвратных потерь действующей армии включены также небоевые потери, не связанные с непосредственным ведением боевых действий, — погибшие в результате чрезвычайных происшествий, осужденные военными трибуналами к высшей мере наказания за различного рода преступления, покончившие жизнь самоубийством, умершие от болезней в госпиталях.

Санитарные потери составляют раненые, контуженные, обожженные, заболевшие и обмороженные военнослужащие, которые были эвакуированы из районов боевых действий в армейские, фронтовые и тыловые госпитали. Среднесуточные потери в ходе операции составили 2 705 чел. (с.224).

Операция по выводу из окружения 2-й Ударной армии Волховского фронта проходила с 13.5 по 10.7.42 г. и осуществлялась силами 2-й Ударной армии, 52 и 59 армиями Волховского фронта. Численность войск к началу операции составляла 231 900 человек. Потери в этой операции составляли 94 751 чел. (в т.ч. безвозвратные 54774 и санитарные — 39 977). Среднесуточные потери составляли 1 606 человек (там же, с.225).

К середине июля 1942 года закончились бездомные блуждания уцелевших "отважников" вблизи Волхова. Мы обосновались в деревне Мокрые Гоголицы. Это совсем недалеко от Бурги, где начиналась фронтовая жизнь нашей "Отваги". Именно в Бурге был выпущен первый ее номер в конце декабря 1941 года. Мокрые Гоголицы расположились на невысоком холме, и вроде бы название деревни вовсе к ней не подходит. Но природа торопится рассеять наши сомнения: несколько обильных дождей превратили протекающий вдоль холма ручей в настоящее озеро. Стога только что убранного сена оказались подтопленными, в воде стоит какой-то амбарчик, к нему сейчас ни подойти, ни подъехать...

...Раннее утро. Туман еще не совсем сошел. Он медленно отрывается от земли, образуя легкие светлые облачка, ветерок сносит их в сторону, и они неторопливо тают в воздухе. Сначала из тумана проступают островки кустов и осоки, но вот, освещенная солнцем, появляется изумрудная полоска льна. Исчезающий туман оставляет влажные следы на земле: мокрая изгородь, бусинки росы на паутине, мокрые камни на берегу ручья...

Низко над водой носятся ласточки, опять обещая дождливые дни. Где-то подальше, в низине, крикают утки. На левом отлогом берегу ручья, побрякивая боталами, пасется скот.

Вдоль проселка белеют свежеструганные телеграфные столбы. Проводов на них пока еще нет. Помаленьку мирная жизнь входит в обычную колею...

Откуда-то со стороны Бурги доносится протяжный свисток паровоза, слышится слабый перестук колес, приглушенный утренней сыростью и расстоянием:..

* * *

Но военная пора не оставляет много времени для подобных любований природой. Уже к исходу июля завершилось формирование нового состава редакции "Отвага".

Первым документом, выпущенным после восстановления "Отваги", оказался знаменитый приказ НКО № 227 от 28 июля 1942 года. Этот приказ, несколько десятилетий и после войны находив-

шийся под жесточайшим запретом цензуры, не был в действительности секретным документом; он лишь не подлежал публикации. В нашей редакции приказ был размножен в ограниченном количестве экземпляров по распоряжению политотдела армии. В частях и соединениях армии ознакомление с текстом приказа осуществлялось под личную расписку каждого военнослужащего, подобно тому, как это делалось при принятии военной присяги...

На одном из сохранившихся у меня листочков — первый оттиск с цинкового клише заголовка нашей “Отваги”. Завтра печатная машина вновь начнет множить газетные листы с этим заголовком, возвещая о возрождении Второй Ударной армии... На обороте этого же листочка сохранилась тезисная запись редакционного совещания, состоявшегося в полночь 29 июля 1942 года. Новый редактор “Отваги” Николай Григорьевич Лакирев только что вернулся из политотдела, тоже лишь недавно воссозданного.

В карандашной записи содержится своеобразная ориентировка на первый период работы газеты, полученная Николаем Григорьевичем в политотделе.

На первое место ставятся вопросы передачи боевого опыта новичкам (наша армия выведена из боя, получает новые пополнения, в том числе необученные); показ лучших примеров боевых действий, лучших снайперов (названа возможная кандидатура отличного снайпера Изегова; знак вопроса после его фамилии, видимо, означает необходимость выяснить, в какой части он служит, как разыскать его).

Внимание вопросам устной и печатной пропаганды, работе агитаторов. Восстановить в газете рубрику “Блокнот агитатора”. Работа парторганизаций. Роль коммунистов и комсомольцев в бою. Политработа. Воспитание молодых коммунистов.

Младший командир. Его подготовка и воспитание. Не становится ли он в бою рядовым бойцом.

Политработа. Культработа. Бдительность. Дисциплинированность. Опрятность воина.

Из числа новых сотрудников редакции мне больше всего пришлось по душе Федор Козлов — начальник боевого отдела, Анатолий Шляхтин, чье творческое перо испытывало заметное влияние почитаемого им Эренбурга, два закадычных друга Сергей Наровчатов и Марк Урес, Василий Роговский, ленинградский писатель Давид Славентатор... Все они прошли с редакцией нашей

газеты до великого дня Победы...

Первый номер "Отваги" вышел 2 августа 1942 года, то есть через 39 дней после Любанской трагедии. Значительную часть первой страницы заняла передовица "Красной звезды", излагающая основное содержание приказа НКО № 227. Успели не только разыскать снайпера Изегова, о котором упоминалось на первой редакционной летучке, но и дать его фотопортрет, подпись под которым сообщает, что снайпер лейтенант И.Р.Изегов, награжденный орденом Красного Знамени, имеет на своем истребительном счету 156 фашистов. 14 учеников Изегова, прошедших его снайперскую школу, истребили 500 гитлеровцев.

Теперь с фотоиллюстрациями у нас проще — новая "Отвага" имеет свою цинкографию.

* * *

А в конце августа мы снова отправились в путь, как потом оказалось — в Приладожье.

В дороге нечего делать, поэтому в моих блокнотах вновь появляются путевые заметки.

28 августа. Снова Бурга. Снова то же самое кладбище, где мы выгружались из вагонов зимней ночью 27 декабря 1941 года перед началом Любанской операции. То же самое необычное для подобного места оживление царит весь день. Только на этот раз мы не высаживаемся из вагонов, а ждем эшелона, который увезет нас, еще не знаем куда. Поезд однако запаздывает.

Среди могил уж очень по-домашнему дымятся костры, в котелках готовится неприхотливая солдатская еда. Закутавшись от утренней прохлады в плащ-палатки, многие спят прямо на могилах или между давно заброшенными могильными холмиками. На двери убогой часовенки строгая надпись: "Курить воспрещается". В часовне нашел временный приют какой-то продовольственный склад. Неподалеку от часовни на массивной каменной гробнице сидит боец и, беззаботно свесив ноги, что-то аппетитно жует...

Есть и свежие могилы. Вот одна из них. Обнесена крашеной суриком изгородью. Столбик с фанерной звездочкой наверху. Скорбная надпись: "Здесь похоронен прах красноармейца Кашенко Клавдии Михайловны, героически погибшей 29.04.42 года. 1923-1942". Значит, погибла в те самые дни Любанской операции. Девятнадцать лет было Клавдии Михайловне. Наша Женя Желтова родилась

тоже в 1923...

Покоящиеся здесь вечным сном не должны обижаться на кажущуюся бесцеремонность вторгшихся сюда живых. Война как-то притупляет мысль о смерти, не то чтобы устраняет, а словно бы обесцвечивает, делает почти неразличимой ту черту, которая в обычных условиях резко разделяет жизнь и смерть. Даже и здесь, среди могил, солдаты не предаются скорбным размышлениям и благочестивому смирению перед вечностью. Завтра любой из них может оказаться похороненным или пропавшим бесследно, как пропали два месяца назад все мои боевые соратники и друзья. Солдат словно бы уже заранее смирился с этой мыслью и отбросил от себя, как нечто мешающее ему заниматься повседневными солдатскими делами. И есть что-то загадочное, гипнотизирующее в этом безразличии, в этой постоянной готовности к внезапному исчезновению. Очень хорошо выражено это состояние духа в стихах Владимира Калачева: "Письмо от милой он не дочитал, но сохранил счастливую улыбку..."

...Легко и словно бы шаловливо кувыркаясь в воздухе, с тополя опадают листья. Один из них, задержавшись на мгновение на моем рукаве, спешит вслед за своими бесчисленными собратьями... Первые пожелтевшие листья... Близка осень...

* * *

Погрузка началась лишь поздно вечером. Уже погрузившиеся сразу же начинают домовито обживать новое место. В отличие от мирного времени, когда на вокзале и отъезжающие и провожающие томительно ждут третьего звонка, воинские эшелоны живут по иным законам. Их обитатели обычно не обращают внимания, долго ли будет продолжаться погрузка, скоро ли отправятся в путь, часты ли будут остановки или долго ли будет торчать поезд перед закрытым семафором...

Жизнь в вагоне уже началась... Вот один из бойцов успел разуться, почесывая ногу, неторопливо продолжает словно бы и не прекращавшийся рассказ:

— И что же? Через два года он такой дом себе отчубучил, что все диву дались...

Второй солдат молча слушает, не прерывая рассказчика, не задавая ему никаких вопросов. Похоже, что неторопливая речь соседа лишь помогает ему сосредоточиться на своих думах о доме,

о родных...

А погрузка еще продолжается. Привыкшие за время войны ко всему лошади покорно заходят в вагоны по непрочным наклонным щитам. И в вагонах они стоят смирно, плотно прижавшись друг к другу, помахивая хвостами и подрагивая холками, лениво жуют сено. Никому не мешает острый запах всевозможных испарений, конского навоза и пота...

Но вот погрузка закончилась. Вдоль состава пробежали какие-то люди, отдавая последние распоряжения. Локомотив хлопотливо запыхтел, поднатужился и сразу крянул весь длинный и тяжелый состав с места. Сначала медленно, а потом все чаще и в лад застучали на стыках колеса...

29 августа. Маршруты воинских эшелонов почти никогда не представляют собой кратчайшей прямой к цели. Они всегда загадочно и прихотливо запутаны. Вот и теперь, начав движение в Бурге и вроде бы имея конечной целью Приладожье, мы почему-то уже долго едем в юго-восточном направлении и оказались в Медведеве, которое миновали, не задерживаясь.

Медведево... Знакомое слово. На этой станции, когда-то в незапамятные времена, меня еще тогда не было и на свете, начинал свою службу в качестве железнодорожника мой отец. И может быть, видел то же, что проплывает сейчас перед моими глазами... Утренним туманом подернулось озеро, мимо которого наш состав идет по высокой дамбе. В тумане слабо вырисовывается фигура одинокого рыбака, словно застывшего в своей лодке между небом и землей...

Вот и другие, знакомые с детства названия станций. Максатиха, Бологое...

Железнодорожные пути в Бологом пересекает крытый пешеходный виадук. Когда-то мать возила нас, малышню, из Кесовой Горы на свою родину — в вышневолоцкую деревню. Среди глубокой ночи мы должны были в Бологом пересесть на другой поезд. Мать торопливо вела нас по этому виадуку, и мне, полусонному, было почему-то очень страшно идти этим темным коридором, сквозь щели деревянного настила которого прорывались клубы дыма и пара гремевшего под ногами железнодорожного состава... Наш поезд как раз и гроыхает сейчас под этим виадуком...

Словно избрал наш поезд этот запутанный маршрут, чтобы показать мне родные места... В последний раз? Жаль, что не удалось ему заглянуть и на мой полустанок Кесову Гору, где

проходило мое раннее детство. Ведь она совсем близко отсюда...

30 августа. Ефимовское. Следующая станция Тихвин. Наконец-то становится ясным наше предназначение...

На станции остановившийся состав осаждают пацаны с расцвеченными спелой черникой и гонобобелем мордочками. Продают, вернее обменивают ягоды на хлеб, соль, табак. Деньги цены не имеют...

Железные дороги, надо сказать, работают с поразительной четкостью. Вряд ли до войны столь четок был ритм их работы. Наш эшелон день и ночь идет полным ходом, словно курьерский. Могучий локомотив легко тянет огромный состав. Всюду образцовый порядок и чистота. Бровки вдоль полотна дороги чисто выполоты, песок разравнен граблями, дежурный в каждой будке встречает поезда днем — флажком, ночью — фонарем...

... Как жаль, что знакомство со своей родной землей происходит вот так — из теплушки воинского эшелона. До войны ведь кроме своего милого провинциального Кашина, да Москвы, куда я приехал учиться, я, по существу, нигде и не успел побывать...

2 сентября. Прибыли на место. Приладожье. Редакция "Отваги" обосновалась в деревне Подолье. На северо-запад от нас во всю ширь горизонта раскинулось свинцовое полотно суровой, нелюдимой и какой-то недоброй Ладоги. Бешеный ветер гонит со стороны озера тяжелые тучи, остервенело рвет с деревьев последние листья и гонит их через всю деревню над лощиной. Ладога то ли пугает нас, то ли предупреждает о суровости ждущих нас новых испытаний...

Вражеские бомбовозы дни и ночи бомбят все дороги, ведущие к Ладоге. Дрожат стены нашей избы, дребезжат и вылетают стекла. Не умолкают зенитки, которых здесь видимо-невидимо, не то, что там, за Мясным Бором...

Оказывается, уже началась новая остервенелая схватка с врагом, получившая наименование Синявинской операции. На этот раз Вторая Ударная армия схлестнулась с армией Манштейна, переброшенной сюда из Крыма, чтобы наконец-то покончить с Ленинградом...

Но здесь уже открывается новая страница нашей Второй Ударной армии, о которой надо рассказывать отдельно... В мои планы это не входит...

ИЗ ОПОЛЧЕНЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

В моих фронтовых бумагах сохранилась еще одна заветная тетрадка с записями о начальном периоде войны, где начиналась и предистория нашей "Отваги".

Вероятно, именно с нее мне и следовало начинать эту книжку, но так уж получилось... Ведь я собирался рассказать лишь о Любанской операции...

А может быть и лучше, что так получилось. Может быть и читателю, с трудом добравшемуся до этой страницы сквозь дебри авторских отступлений и возвращений к уже сказанному, именно теперь, уже после знакомства с, так сказать, персонажами моего повествования, будет интересно спросить: "А и в самом деле, откуда взялась эта "Отвага", что ей предшествовало?"

Можно привести и еще одно оправдание: ведь автор вовсе и не собирался писать книгу, заранее составлять ее план, отыскивать наиболее приемлемую форму подачи материала, он просто листал сохранившиеся у него фронтовые тетрадки и блокноты, газетные странички, вглядывался в потускневшие снимки той поры, не зная, получится ли что-либо из его запоздалого путешествия в прошлое... Пусть читатель снисходительно отнесется к шершавости и разбросанности включенных в эту книжку заметок, ведь и судьба моей "Отваги" не была подобна светлому и прозрачному ручейку, неторопливо бегущему от своего истока к устью. Крутое время коржило и ломало ее судьбу, как и судьбу Второй Ударной, как и судьбу всей Великой Отечественной войны, каждого ее составного звеньища, каждого ее участника...

Итак, мы оказались у истоков нашей "Отваги". Полистаем мою ополченскую тетрадку.

3 июля 1941 года. Первое обращение к советскому народу Председателя Государственного Комитета обороны И.В.Сталина. "Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!"

Накануне, 2 июля, Военный совет Московского военного округа издал Постановление о формировании в Москве и Московской области народного ополчения. Запись добровольцев в ополчение

началась 3 июля.

Небезынтересно отметить, что формирование народного ополчения в Москве, Ленинграде и других крупнейших городах Советского Союза почти совпало по срокам с формированием ополчения в Отечественной войне 1812 года, начавшегося 6 июля. История снова как бы подчеркивала общность целей и народный характер этого патриотического движения.

* * *

Немало ныне “доброходов”, обильно проливающих слезы по поводу якобы ошибочной и даже преступной “затеи” с ополчением, но никаким хулителям не уйти от того факта, что народное ополчение явилось именно добровольным, возникло как стихийный отклик народа на смертельную опасность, именно смертельную, так как к началу июля 1941 года ни у кого уже не оставалось сомнений, что война будет идти и уже идет совсем не так, как рисовалось в нашем представлении до войны /“Если завтра война, если завтра в поход ...”/.

Под знамена народного ополчения собрались истинные патриоты Отечества без различия возраста, званий и степеней, все те, кто по каким-либо причинам не подлежал призыву в действующую армию, но в грозный час испытаний видел свое место только в общем строю защитников Советского Союза. Желавших записаться в ополчение было так много, что их приходилось отбирать. За четыре дня в Москве было принято в ополчение около 160 тысяч москвичей, из которых сформировали 12 ополченских дивизий (позже их число достигло 16 дивизий).

Стремительность формирования народного ополчения была подобна взрыву. В течение 4-6 июля ополченцы прибыли на свои сборные пункты и в ночь на 9 июля вышли в Подмосковье. В середине июля дивизии вошли в состав Резервного фронта, сменив кадровые части, отправленные на боевые позиции. 30 июля их зачислили в кадры РККА и присвоили им общевойсковые номера. В этот же день ополченцы приняли присягу, дивизиям были вручены знамена.

* * *

В Фрунзенском районе Москвы в первый же день записалось 4.500 добровольцев. За неделю их число превысило 9 тысяч (из

них 2 тысячи коммунистов и более 1.300 комсомольцев).

Наша дивизия формировалась в здании Института иностранных языков на Метростроевской улице (ныне Остоженка). Этот институт стал нашей первой казармой.

Личный состав нашей дивизии был весьма разнообразен и, можно сказать, достаточно колоритен. В нее вошли рабочие и служащие заводов, фабрик и учреждений Фрунзенского района ("Каучук", "Красная роза", имени Свердлова, Инструментальный завод, Метрострой, Управление строительства Дворца Советов); студенты-выпускники и профессорско-преподавательский состав Московского Государственного педагогического института им. В.И.Ленина, 1-го и 2-го Медицинских институтов, Института иностранных языков, Института тонкой химической технологии и др.

Очень высок был партийный и комсомольский состав дивизии — 80 % к общей численности.

На командные должности в ополченских дивизиях назначались кадровые офицеры Красной армии. В нашей Фрунзенской таких было около 80 человек. Политсостав в целом состоял из ополченцев. В партийно-политическом аппарате дивизии было 63 человека, все с высшим образованием, включая 5 профессоров и 62 доцентов.

В составе ополченцев были старые большевики, активные участники гражданской войны, видные архитекторы, инженеры строительства Дворца Советов, педагоги, медики.

Командиром нашей дивизии был генерал А.И.Пресняков, комиссаром — декан филологического факультета МГПИ Федор Михайлович Головенченко, комиссаром полка, в котором находился я, стал секретарь парткома МГПИ Михаил Поташников. Двух последних я хорошо знал, будучи студентом-выпускником этого института. Впрочем, знал, конечно, и всех других выпускников. Куда ни заглянешь — везде знакомые. Словно весь наш курс целиком оставлен еще для одного экзамена. Выдержим ли?

Весьма примечателен был принцип формирования частей и подразделений ополченцев, возникший тоже стихийно, — по "землячествам". Ополченцев какого-либо предприятия или учреждения старались включать в одно воинское подразделение. Ах, как оправдался этот принцип в боевой обстановке, особенно, когда дивизия оказалась в тяжелейших условиях окружения, без достаточного вооружения и боеприпасов. Только и выручало людей чувство принадлежности к родному коллективу, сплоченному не только святым долгом, общей бедой, а и многолетней совместной



Редакцию нашей ополченческой газеты часто навещал комиссар дивизии Ф.М.Головенченко. На снимке он в центре. Слева — В.А.Кузнецов и Л.Б.Перльмуттер, справа — Н.Д.Румянцев и М.Геллер.

работой. Братская взаимопомощь, взаимовыручка, то самое “чувство локтя”, особенно ярко проявились именно в ополченских дивизиях.

* * *

Итак, первой нашей казармой стал Институт иностранных языков на Метростроевской улице. Впрочем, на казарму помещение института еще очень мало похоже. Студенты уже исчезли, но все помещения института еще хранят следы их недавнего хозяйничанья. На классных досках еще не стерты какие-то математические формулы и чертежи, на стенах висят явно устаревшие расписания занятий, объявления (“такие-то студенты вызываются в деканат”, “немецкий факультет соревнуется”). В туалетной комнате на изящной дощечке осталось чье-то вдохновенное творение, вероятнее всего институтского коменданта: “Тт.студенты! Уважайте труд уборщиц, пользуйтесь культурно сиденьем в уборной, искореняйте варварство в вашей среде!”

Теперь публика в институте уже совсем другая. Каких только

людей не встретишь здесь. Правда, много и студентов и из Института иностранных языков, и из нашего педвуза, и из других институтов Фрунзенского района.

Вот перед вчерашним деканом факультета русского языка и литературы МГПИ профессором Федором Михайловичем Головенченко, только что завершившим хлопотные обязанности председателя государственной экзаменационной комиссии, а ныне комиссаром нашей дивизии стоит пожилой человек, вероятнее всего, крестьянин одного из подмосковных колхозов. Неловко вытягиваясь, он докладывает, что свежие газеты вовремя доставлены в батальоны. Комиссар, еще и сам не обретший должной военной выправки, слишком по-штатски благодарит солдата...

Крупнейший специалист западно-европейской литературы Борис Пуришев стал рядовым бойцом народного ополчения, как и его коллега Этингин, тоже любимец наших студентов (заметим в скобках, особенно студенток). На лекции Этингина о творчестве его любимого писателя-озорника Анатоля Франса собирались студенты едва ли не со всех факультетов института. Уверен, что ни Пуришев, ни Этингин никогда не брали в руки даже детского ружья.

Рядовой боец бывший сотрудник Академии наук СССР Маркин редактирует боевой листок своего взвода. И, надо полагать, его ученые труды давались ему куда проще, чем его первые опыты в редактировании этой крохотной стенгазеты. "Ничего, освоимся", — успокаивает он своего помощника Моргулева — рядового седьмой роты, до вступления в ополчение редактора одного из крупных московских издательств.

Боец второго батальона Александровский, незаменимый по общему признанию кашевар, до 1936 года был советским полпредом в Чехословакии. Он тоже доброволец народного ополчения. Рядовой Матвей Кальвари, драматург, не успел закончить постановку своей пьесы в театре. Теперь на стрельбище он удивляет своих товарищей меткой стрельбой по мишеням, снабжает боевой листок своего взвода хорошими сатирическими и юмористическими строчками.

Старик Борис Аксельрод долгие годы трудился корректором в типографии, но сразу же после речи Сталина 3 июля решил отречься от своей слишком мирной профессии и настоял, чтобы его приняли в ополчение.

Комбат третьего батальона Ивлев — старый партизан, бывший

моряк, истребитель бандитов, когда-то рыскавших по украинским степям, после гражданской войны стал хорошим семьянином, полюбил цветы, которых в его крошечном саду год от года становилось все больше. Вырастил такую же, как цветочек, красавицу-дочку. Веселый, общительный характер комбата, отеческая забота о подчиненных делают свое дело: бойцы просто влюблены в него. Разговаривая о чем-то с бойцами, он случайно обмолвился, что завтра ему исполняется пятьдесят лет. Подняв кверху палец, он шутливо замечает:

— Не сорок девять, не пятьдесят два, а пятьдесят. Полвека!

На другой день кто-то принес утром огромную охапку полевых цветов и водрузил их в походный котелок комбата.

Я видел, как стоял он в своем шалаше возле букета, задумчиво и бережно прикасался к цветам ладонью, и они лгнули к его ладони, словно передавая ему свою теплоту и нежность.

* * *

Вечерами, после ужина, у ополченцев — драгоценные минуты отдыха. И хоть нелегко даются дневные занятия по боевой подготовке, а главное, упражнения с лопатами на сооружении земляных укреплений, противотанковых рвов, эскарпов в подмосковной зоне обороны, бойцы не торопятся по своим палаткам и землянкам, тянутся туда, где люднее. Даже и занимаясь каким-нибудь своим делом, не ищут уединения.

Вот паренек сидит на пеньке и старательно возится с непослушными обмотками. Нелегкое это дело без привычки. Неумело замотанные, они то и дело разматываются на ходу, болтаются сзади... Расположившиеся неподалеку ребята подтрунивают над ним, дают нарочито противоречивые советы. В солдатском быту эти обмотки уже получили прочное наименование — “гусеницы”...

У стенгазеты “Народный ополченец” — группа бойцов. Кто-то вслух читает заметку старика-добровольца, еще в ту, германскую, побывавшего в немецком плену. Знакомые картины: где-то на перегоне один из пленных нагнул, чтоб поднять валявшийся на дороге огрызок яблока. Он больше не поднялся. Его пристрелил офицер — достойный папаша нынешних кровожадных выроdkов.

Молча стоят солдаты, слушая чтеца, но думают, я уверен, об одном: нам не дано иного выхода. Перед нами беспощадный и

безжалостный враг...

В другой группе собравшихся появился гармонист, тоже ополченец. Не оставил дома свою тальянку, взял с собой на фронт. Ведь наверняка надеется пронести ее через всю войну. Дай-то Бог!..

Гармонист начал с задорных, разухабистых частушек, охотно поддержанных слушателями, тут же превратившимися в участников внезапного самодеятельного концерта:

*Мы на лодочке катались,
Не качай, брат, головой.
Один раз поцеловались, —
Очутились под водой.*

Потом он запел о какой-то Мане, единственным занятием которой было пудриться и мазаться. и припев об этом же: “Пудрится, мажется. Мажется, пудрится...”

Потом дошло дело и до серьезного. “Меж высоких хлебов затерялося небогатое наше село...” Сразу посуровело лицо гармониста, да и гармонь застонала, заплакала... Притихли и воины, задумались...

* * *

В ночь на 22 июля, ровно через месяц после начала войны, немцы совершили первый налет на Москву. В этот день в нашей 5-й Фрунзенской произошел курьезный случай, давший повод нашим острословам засчитать этот день как день вступления наших славных ополченцев в бой с противником.

Запись о нем датирована в моем дневнике 23 июля:

Вскоре после воздушной тревоги командиру третьего полка доложили, что на одном из участков в соседнем лесу дежурный заметил подозрительные световые сигналы. Уж не вражеские ли сигнальщики? Командир полка приказал одному из офицеров взять пятерых бойцов и немедленно обследовать подозрительное место. “На всякий случай” офицер взял с собой не пять, а десяток бойцов. Вооруженный отряд осторожно приблизился к указанному месту. В темноте действительно происходила какая-то возня, перемещались тени, слышался приглушенный разговор шопотом.

Сомнений у командира группы не оставалось. Он был решительным, бесстрашным и, как все восточные люди (он оказался грузином), весьма горячим и темпераментным человеком.

Повысив голос, он громко скомандовал в темноту:

— Клады оружие и выходы!

“Окруженные”, услышав искаженную русскую речь, приняли нападающих за вражеских десантников.

— Воины Красной Армии в плен не сдаются! — раздалось из темноты. — По врагам Родины, огонь!

Затрещали беспорядочные выстрелы с обеих сторон. Отчаянная брань на чистейшем русском, сопровождавшая стрельбу, не оставила ни малейших сомнений в истинной принадлежности “враждующих сторон”. Лишь чудом можно объяснить, что никто не пострадал в этой первой “боевой схватке”. Лишь один солдат, пытавшийся вырваться из “окружения” и наткнувшийся на штык “противника”, отделался легкой царапиной.

Все объяснилось очень просто. У прожектористов одного из подразделений Московской зоны ПВО что-то случилось с прожекторной установкой. Попытки устранить неисправность привели к кратковременным вспышкам, принятым за сигналы фашистским самолетам...

* * *

После принятия присяги ополченцы передислоцировались на Смоленщину, в район Спас-Демянска и Кирова, где до начала боев настойчиво продолжалась боевая и политическая учеба.

* * *

В дивизии народного ополчения я был избран секретарем бюро ВЛКСМ 3-го полка. Недолго мне пришлось быть в этом полку. 6 августа 1941 года я был в одном из батальонов на учебном стрельбище, когда меня срочно вызвали в штаб полка. Там я совершенно неожиданно встретился с Николаем Дмитриевичем Румянцевым, бывшим сотрудником Центрального кабинета редакторов при Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП/б/, в котором и я работал референтом, будучи одновременно студентом литфака МГПИ имени В.И.Ленина.

— Хватит прятаться, Виктор! Иди, забирай свой вещевой мешок. Поедешь со мною: газету будем делать...

Я растерялся. Какую газету? Как же так? Ведь мне, по крайней мере, дела надо сдать...



Первый состав редакции: М.Геллер, Л.Перльмуттер, В.Кузнецов, В.Старченко, Н.Румянцев.

— Какие там дела! — смеется Н.Д. — Неужели уже успел бюрократию развести? С командиром полка я уже договорился, есть приказ комдива...

Через час мы с Румянцевым ехали в его “эмке” в расположение штаба дивизии. По дороге Николай Дм. рассказал мне, что его назначили редактором дивизионной газеты, что надо срочно создавать редакцию и что мне он прочит должность ответственного секретаря редакции.

— Давно уже тебя разыскиваю. Тебя хорошо знает комиссар дивизии Федор Михайлович Головенченко. Ты же учился у него... Он охотно согласился, чтобы я забрал тебя в редакцию...

Так началась наша дивизионная газета “За Отечество”. По рекомендации того же Федора Михайловича Головенченко, до вступления в народное ополчение — декана факультета русского языка и литературы МГПИ, в редакцию были зачислены доцент литфака Лазарь Борисович Перльмуттер (на должность литсотрудника), скульптор Евгений Викторович Вучетич (редакционным

художником), поэт Марк Геллер, Анна Ивановна Обыдена — корректором, Валя Старченко — машинисткой...

Следующую неделю мы провели в Москве в хлопотах по созданию походной типографии нашей ополченческой газеты. Военная пора не давала времени на раскачку: 12 августа редакция в полном составе выехала из Москвы в район дислокации 5-й дивизии народного ополчения.

Первый номер красноармейской газеты "За Отечество" был выпущен 19 августа 1941 года на Смоленском направлении (пос. Луначарского).

Дивизия еще не воюет. Командир дивизии генерал И.А.Пресняков рассказывает в своей беседе с сотрудником редакции о ближайших задачах по боевой подготовке.

По соображениям конспирации порядковый номер газеты обозначен с произвольной цифры (315). Любопытна пометка, сопровождавшая номер: "Прочел газету — сожги". Газета хотя и не секретный документ, но в руки противнику попадать не должна... Вскоре, однако, эта пометка была снята, как излишнее проявление конспиративности.

Редакционный поэт Марк Геллер не упустил случая откликнуться на это радостное для всех нас событие озорной шуткой. Автограф на сигнальном номере газеты принадлежит ему.

Ему принадлежит прочувствованное обращение к друзьям-газетчикам по поводу выхода в свет первого номера дивизионной газеты.

Т О В А Р И Щ А М

*Уже закат багровых красках тонет,
И жерла пушек подняты в зенит,
И на переднем крае обороны
Вошел в строку божественный петит.
Уже дрожат на ветерке страницы,
Волнуют эпизоды и стихи...
И эти дни снимают с нас скребницей
Густой налет гражданской шелухи.
Друзья мои! Закат разлегся графом,
И дышит лес. За каждой кочкой враг.
Мы постепенно входим в этот пафос
Сражений, версток, шуток и атак.*

Давайте ж
над газетой поклянемся,
Что мы, друзья,
как все большевики,
В боях сильны,
в сраженьях не сдаемся,
И знаем радость
дружеской руки.

Ах, как мы еще наивны и далеки от ужасающих реальностей войны. И сраженья, и атаки, и верстка газетных полос, и даже шутки, представляются нам еще равнозначной и вдохновляющей основой для пафоса наших бравых газетчиков...

* * *

Ночь на 9 сентября. В половине третьего срочный нарочный принес секретный приказ о разгроме немецких войск под Ельней. Первая радостная весть! Наборщики весело принялись за работу, несмотря на то, что уже несколько ночей подряд недосыпают.

— Сто ночей соглашусь не спать, лишь бы такие приказы набирать, — рифмой получилось у Моисея Марковича.

Ровно через два часа мы с редактором повезли сквозь лунную ночь готовый и чисто отпечатанный приказ в

...Ни я, ни Николай Дмитриевич Румянцев не знали в ту пору правил размножения секретных документов. Приказано отпечатать

150 экземпляров, но нужно ли оставлять все эти канцелярские пометы, вроде "п.п.", "верно", "исх. N 31", "НО-1", "нл"... Николай Дмитриевич тоже задумался, но потом решительно махнул рукой: "Давай, как есть! Приказано отпечатать точно по оригиналу..." И добавил еще одну заключительную строку, тоже весьма необычную для секретного документа: "Издание Политотдела 5 сд. Отв. редактор Н.Румянцев".

Как знать, возможно, это тоже единственный пример подобного

Секретно.

Эл. №

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ РЕЗЕРВНОГО ФРОНТА

7 сентября 1941 года.

Ново-Александровское.

№ 044

Товарищи красноармейцы, командиры, комиссары, политработники и весь участвующий состав фронта!

После упорных и ожесточенных боев доблестными частями 24 Армии одержана крупная победа. В районе Ельня наши войска нанесли сокрушительный удар. Разбитый противник понес огромные потери, истощил кровью, в беспорядке отступает.

Главное командование немецкой армии придало очень большое значение району Ельня, как очень выгодной позиции для дальнейшего наступления. Фашистское командование стремилось к этому удерживать в своих руках район Ельня, но жалел для этого тысяч своих солдат и офицеров.

В районе Ельня нашей легкой артиллерией, гаубицами и истребителями разгромлены 137, 78, 293, 268, 15 и 17-пехотные дивизии. Некоторые из этих дивизий полностью истреблены и наши бойцы захватили в плен тысячи солдат и офицеров. За время боев в районе Ельня наши войска разгромили в общей сложности восемь отборных немецких дивизий, в том числе одну дивизию «СС». Противник потерял более 75—80 тысяч человек убитыми и ранеными.

До наших знаний, наши войска в результате этого боя захватили более 100 пулеметов, более 50 орудий, более 500 патронных барабанов, около 5 тысяч винтовок, много автоматов и другого военного имущества.

В ожесточенных боях с немецко-фашистскими войсками бо командир, комиссары и политработники 24 Армии показали все образцы доблести, мужества, бесстрашия. Славные героические защитники чести и свободы нашей родины, на доказали свою беззаветную преданность советскому и коммунистическому делу.

Благодаря победе, одержанной частями 24 Армии, достигнута вся Красная Армия, весь советский народ на новые подвиги и бо за полный разгром и уничтожение немецкого врага.

Опыт этих боев еще раз показывает безусловное преимущество нашей Красной Армии над немецко-фашистской армией, превосходящей ее в численности, вооружении, в боевой подготовке.

нашей мощнейшей артиллерии, минометов, танков, самолетов и другой советской боевой техники.

Банды фашистских разбойников, разбитые нашими доблестными войсками, отступают, пытаясь вырваться на законный рубеж отступления.

Товарищи красноармейцы, командиры, комиссары и политработники! Военный Совет Фронта поднимает Вас с блестящей победой и призывает Вас к новым боевым подвигам.

Бейте фашистских мерзавцев беспощадно. Не давайте им ни минуты покоя, ни минуты передышки.

За пытки наших пленных, за уничтожение наших городов и сел, за дикое насилие над советскими женщинами, детьми и стариками, за кровь и смерть наших людей, за все страшные злодеяния — грозите, истребляйте фашистских злодеев.

Смерть полкам гитлеровским разрядам, оккупировавшим свянную землю нашей родины!

Военному Совету 24 Армии — представить всех отличившихся бойцов, командиров, комиссаров, политработников и внести в полном и высшей правительственной награде.

П. П. Командующий Войсками Резервного Фронта

Генерал Армии Жуков.

П. П. Член Военного Совета

Круглов.

Верно.

П. П. Зам. Начальника Штаба Фронта

Полковник Боголюбов.

Верно.

НО-1 Майор Глебов.

Эл. № 3

8.9.41

нл.

Исх. № 31

Военный Совет Фронта ПРИКАЗАЛ настоящий приказ довести до сведения всего личного состава.

П. П. Комиссар Штаба Фронта

Бригадный Комиссар Пряжко.

Верно. Нач. Секретной Части

Тинт. 1 Раша Кащенко.

Верно.

НО-1 Майор Глебов.

Эл. №

8.9.41

нл.

Тираж 150 экз. 9.11.41. Машин. Печатня 504. Отв. редактор Н. Румянцев.

Приказ войскам Резервного фронта

размножения знаменитой вести о первой нашей победе в районе Ельни...

19 сентября газете "За Отечество" исполнился месяц. Дивизия еще не воюет, приподнято-возвышенное настроение в ожидании близких, и как нам казалось, победоносных схваток с врагом, не покидает наших газетчиков.

Шутливое обращение к редакционному коллективу по случаю месячного "юбилея" газеты принадлежит также Марку Геллеру:

*Горит калина, ягодами свесясь,
Родная осень встала на пути...
Привет, друзья!
Ведь нам сегодня месяц!
Нам тридцать дней!
И нам еще расти.
На нас пока цветут одни нашивки,
Но наши груди будут в орденах.
И пухнет наша славная подшивка
Под караулом цербера в очках.
Нам тридцать дней,
А мы родные прямо,
Дружней друзей,
Сплоченней храбрецов,
Как будто бы Румянцев с Энской мамой
Нас произвел на свет, как близнецов!
Нам тридцать дней!
Наш паспорт нам не страшен,
Над нами гроздьба самых спелых звезд,
Пред нами бой —
Поднимем эту чашу,
Произнесем на юбилее тост.
Я, например, от жадности сгорая,
Готов и кружку выпить не шутя
За первый день в разрушенном сарае,
За первый оттиск нашего дитя!
Пьем за того,
Кто мощным лег эскарпом,
Чтоб к нам пути кретином преградить,
Кто не позволил старосельским карпам*

Друзья мои, поднимем этот тост!
...В садах души лирической калиткой
Мы звякали под пенье мандолин.
Так выпьем этот лучший из напитков
За девушек — за наших Магдалин.
За то, что на линейку ходят с зорькой,
За то, что нет помады на губах,
За то, что тоже носят гимнастерки,
За то, что тоже ходят в сапогах,
За то, что и не хнычут, и не стонут,
В слезливый не впадают тон,
За то, что нам как будто и не жены,
А без них было б хуже, чем без жен!
Тост поднимая, водку не пролей-ка,
Товарищи, газетчики, друзья!
Впервые водка к нам явилась с “лейкой” —
За Соркина не выпить нам нельзя!
Пока здесь нет от выпивки усталых,
Пока походка воина крепка,
Пока вино кипит еще в бокалах —
Я поднимаю тост за “Ястребка”!
Да, за того, кто с гордою отвагой
За тучами привык в атаках жить,
С кем я б хотел не только на бумаге
Но и в смертельной битве тезкой быть!
Нам тридцать дней...
Нас ждут еще сраженья.
Поднимем тост, пока напиток есть
За первый бой,
За радость вдохновенья,
За грозный час атак и наступленья,
За гордый гнев,
За час святого мщенья
И за Отечество в душе и для прочтенья,
За то, чтоб жизнь отдать без сожаленья,
За Родину, за Сталина, за честь!

Некоторые “внутриредакционные” бытовые частности, использованные автором “Юбилейного”, нуждаются в дополнительном комментарии.

Автор стихотворения кроме обычных обязанностей литсотрудника, вел сатирический отдел в газете под псевдонимом "Ястребок". Как "Ястребок" был очень популярен в дивизии. Работал и в первом составе "Отваги" (до середины мая 1941 года). Дальнейшая судьба Марка Геллера мне неизвестна.

"Цербер в очках" — Лазарь Борисович Перльмуттер — ученый, профессор, литературовед, специалист по творчеству М.Ю.Лермонтова, преподаватель литфака Московского Государственного педагогического института им. В.И.Ленина. В редакции, кроме обычных обязанностей литсотрудника, был корректором, а также отвечал за подшивку нашей дивизионной и некоторых других газет. Принимал также информацию для газет, передаваемую по радио. В связи с этим получил прозвище "Абзац-три-звездочки". Абсолютная неприиспособленность к военной службе и крайняя беспомощность в бытовых вопросах часто служили предметом веселых шуток над ним со стороны наших редакционных "шакалов". Все очень любили Перльмуттера. Ему не суждено было вернуться из-за Мясного Бора. При выходе из окружения в ночь с 24 на 25 июня 1942 года он был ранен и, видимо, погиб там же...

Румянцев Николай Дмитриевич — первый редактор "За Отечество" и "Отваги". До вступления в народное ополчение — сотрудник Центрального кабинета редакторов при Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП/б/. Лично подбирал и создавал первый коллектив редакции дивизионной газеты. Упомянутый в тексте "разрушенный сарай" — место первой дислокации редакции, где был выпущен первый номер "За Отечество" (пос.Луначарского Смоленской обл.).

"Сидит шакал и воет на клише" — отв.секретарь редакции Виктор Александрович Кузнецов, пришедший в редакцию с должности отв. секретаря бюро ВЛКСМ одного из полков 113-й сд. До вступления в народное ополчение студент выпускного курса литфака Московского Государственного педагогического института имени В.И.Ленина и референт Центрального кабинета редакторов при Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП/б/.

"...Он завтра едет в Ельню" — за несколько дней до описываемых в стихотворении событий Ельня была освобождена войсками Резервного фронта генерала армии Г.К.Жукова. Это был первый освобожденный от оккупации советский город.

Вучетич Евгений Викторович — будущий всемирно известный скульптор, в редакции работал художником. За неимением цинко-



Пока реактив очень мало —
тут еще будут
все шакалы

Пока наш “Ястребок” пишет “Юбилейное”, Е.В.Вучетич решил создать галерею “редакционных шакалов”, начав с удачного шаржа нашего филолога Лазаря Борисовича Перльмуттера. В верхнем углу широко расправил крылья в полете сам “Ястребок”. М.Геллер успел вставить свою реплику: “Пока рисунков очень мало — тут еще будут все шакалы”.



Первые военкоры
нашей редакции
(фото А.Соркина):

Л.ГРИБОВСКАЯ (слева)
— доброволец народного
ополчения. До войны была
слесарем одного из заводов
Фрунзенского района Мос-
квы. На войне стала медсе-
строй. В дивизии активно
участвовала в художествен-
ной самодеятельности.
Сентябрь 1941 г.

Маруся АВЕРИНА (справа)
— медсестра 112-го ППГ 43
армии. Активно участвовала в
распространении нашей газеты
среди раненых воинов. Снимок
сделан 17 октября 1941 г.



Фамилия этой девушки не
сохранилась в моих записках.
Она тоже была медсестрой на-
шего полевого госпиталя, тоже
была нашим военкором. Госпи-
таль в начале октября 1941 г.
оказался в окружении. Удалось
ли ей выйти?

графии делал клише на линолеуме. Первые опыты гравирования на линолеуме были не вполне удачны и часто служили предметом шуток для редакционных остроловов. Е.В.Вучетич работал в "Отваге" до середины мая 1942 года. По болезни уехал из редакции незадолго до Мясноборской трагедии.

"Наши Магдалины" — первые женщины нашей газеты — Анна Ивановна Обыдена — корректор и добровольная хозяйка нашего редакционного дома. Ее муж и сын — профессиональные военные — оказались на фронте с первого дня войны. Она не стала сидеть дома одна и записалась добровольцем в народное ополчение; Валя Старченко — московская комсомолка, в редакции работала машинисткой. На фронт ушла добровольно несмотря на протесты родителей.

Анна Ивановна Обыдена работала в "Отваге" до середины мая 1942 года, из редакции уехала незадолго до последней трагедии. Валя Старченко из окружения не вернулась.

А.Соркин (к сожалению, не могу вспомнить его имени и отчества) — фотокорреспондент газеты "За Отечество", а позже — газеты "Отвага". В "Отваге" был сравнительно недолго (в первой половине Любанской операции). Не помню точно, по какой причине он уехал из редакции. Вероятнее всего — по возрасту: он уже не подлежал призыву и в народное ополчение записался добровольно. Кроме отличных качеств оперативного фотокорреспондента обладал способностями предприимчивого хозяйственника, на что и намекает М.Геллер в строках, посвященных этому веселому, всегда жизне-радостному человеку.

"Юбилейное" написано еще до того, как наша дивизия вступила в бой. В ней еще много оптимизма, надежд на светлое будущее, на наше, как мы надеялись, скорое наступление. Ровно через полмесяца немцы начали свое наступление, отбросившее войска Западного фронта к самой Москве.

Начался самый тяжелый период газеты "За Отечество", а вскоре и "Отваги"...



Первая бомбежка

Первая бомбежка за-
стала нашу редакцию
3 октября 1941 г. в д.Но-
воселки. Деревня была
превращена в развалины
и сожжена.

Первая бомбежка.
Первые жертвы...

Снимки сделаны во
время бомбежки фотогра-
фом редакции А.Сорки-
ным.

30 сентября дивизия была переброшена к Десне, а 2 октября немецкие армии начали генеральное наступление на Москву.

В те дни мы еще не знали, да и не могли знать, что в ночь на 2 октября во всех ротах Восточной армии был зачитан приказ Гитлера: "Создана, наконец, предпосылка к последнему мощному удару, который еще до наступления зимы должен привести к уничтожению врага. Все приготовления, насколько это в человеческих силах, уже окончены."

Основной удар немецких войск был направлен в стык между 43-й и 50-й армиями — наиболее уязвимое место нашей обороны. Фронт на Десне был прорван. В этот же день наша дивизия вступила в бой и уже 3 октября оказалась в окружении войск противника.

В этот же день подверглась ожесточенной бомбардировке с воздуха и была полностью разрушена деревня Новоселки, в которой размещалась редакция нашей дивизионной газеты.

Ценою больших потерь пробивались ополченцы из окружения. Захваченные в плен тяжелораненые командир нашей дивизии генерал И.А.Пресняков и комиссар дивизии А.Н.Антропов подвергались жестоким пыткам и были расстреляны гитлеровцами. Но дивизия выдержала тяжкие испытания, оправилась от первых неудач, обретая боевой опыт, участвовала во многих боях, победоносно завершила свой боевой путь на территории Австрии...

* * *

3 октября началось и бегство нашей редакции. Маршрут, указанный нам в политотделе дивизии, оказался неудачным, да и не знали уже сами политотдельцы никакого "удачного" маршрута. Так получилось, что мы следовали как бы в догонку немецким войскам, спешащим к Москве. Куда ни сунься, везде уже немецкие мотоциклисты, танки. Все основные магистрали, ведущие к Москве, под их контролем. В ряде мест дороги перехватывались немецкими авиадесантами...

В одном месте я наблюдал из-за кустов, как немецкий танкист, высунувшись из открытой башни танка, издевательски регулировал флажком движение массы беженцев, бредущих на восток со своим немудрящим скарбом на подводах, повозках, ручных тележках, с

рюкзаками за спиной, с домашним скотом на веревках, с кудхтающим и крякающим живьем в плетеных корзинках...

...В одной из деревень мы остановились, чтобы выяснить, каким путем возможно следовать дальше. В опустевшей и полуразрушенной деревне я увидел древнего старика, стоявшего у своей избы. Потерянный взгляд словно тоже обесцвеченных временем глаз. В одной руке у него расплескавшаяся кринка молока. Настоявшиеся в кринке сливки текут по морщинистой руке. В другую руку деда вцепился малыш, тоже перепуганный, с заплаканными глазами, тревожно вглядывается в небо, откуда уже доносится нарастающий гул очередной группы немецких бомбовозов.

— А нам-то что же делать? — спрашивает меня старик. Вопрос не настойчивый, не требовательный, не возмущенный, а какой-то потухший, вероятно задает его уже не первый раз, машинально, не ожидая спасительного совета...

Что мог ответить я этому несчастному старику, которого мы, облаченные в военную форму, оставляли фашистам, а сами бежали на восток? Сказать, что мы еще вернемся?

Не мог я сказать этого. Это была бы ложь. В минуты тяжелейшего духовного упадка, нравственного опустошения, одолевавшего меня все эти дни, я и сам терял веру, что мы еще сможем вернуться...

Сейчас мне стыдно признаваться в этом, но это было так...

Он и теперь, этот старик с кринкой расплескавшегося молока и перепуганным внуком, стоит перед моими глазами ж и в ы м укором моему тогдашнему жалкому интеллигентскому малодушию...

РЕДАКТОР ... ИСПОЛНЯЕТ ОБЯЗАННОСТИ КОМАНДИРА ДИВИЗИИ

При отступлении наших войск получилось так, что застигнутые врасплох наши редакционные сотрудники оказались в разных местах и выходили из окружения порознь.

Редактор в день эвакуации был в командировке в Москве. Он вернулся на фронт 3 октября, пытался разыскать штаб нашей дивизии, несколько раз чуть не угодил в руки немцев... Получилось так, что выбравшись из окружения, я встретил первым из наших газетчиков именно Николая Дмитриевича. Рассказал ему обо всем, что мне было известно.

Редактор немедленно включил меня в активную работу. Находясь в селе Добром на Варшавском шоссе в 102 км от Москвы, он уже многое успел сделать. Об обстоятельствах "редакционной одиссеи" рассказывается в его донесении в отдел печати ГЛАВПУРа.

Доставить это донесение начальнику отдела печати бригадному комиссару Баяву было поручено мне. Однако мне не пришлось ехать в Москву: 10 октября на Варшавском шоссе у деревни Доброе мы почти случайно встретились с нашей походной типографией, вырвавшейся из окружения и теперь тоже разыскивающей штаб нашей дивизии.

Документ этот весьма примечателен уже тем, что наш редактор, самый что ни на есть гражданский человек, еще не вполне привыкший к военной форме, выступает здесь в самовольно присвоенной себе роли... "исполняющего (хотя и временно) обязанности командира 5-й дивизии народного ополчения..."

*В ГЛАВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РККА
БРИГАДНОМУ КОМИССАРУ тов.БАЕВУ.*

ДОНЕСЕНИЕ

Временно исполняющего обязанности командира 5 СД, редактора дивизионной газеты "За отечество" батальонного комиссара Н.Румянцева.

2.X.41 г. противник предпринял наступление на нашем участке фронта. Танки противника во взаимодействии с авиацией прорвали линию обороны 53 дивизии, стоящей на р.Десне и врезались в расположение 2 полка нашей дивизии. Брошенный на подкрепление 3 полк был разбит еще не успев занять исходного рубежа. Началось беспорядочное отступление нескольких дивизий 43 и 33 Армий.

В момент отступления я не был в расположении дивизии. 3.X.41 г. я возвращался из Москвы, куда был командирован политотделом дивизии 29.9.41 г. Предприняв ряд мер для нахождения штаба дивизии и штаба Армии и не получив о них никаких сведений, я принял на себя временное командование 5 стрелковой дивизией. Свои действия я согласовал с начальником Малоярославецкого Гарнизона, капитаном Государственной Безопасности тов.Виноградовым и представителем штаба Резервного Западного Фронта

батальонным комиссаром Габичем.

Штаб нашей дивизии находится сейчас в с.Добром на 102 км. по Варшавскому шоссе. Мне удалось собрать около 500 бойцов и командиров 5 СД, несколько десятков автомашин с боеприпасами и обозом.

Большинство задержанных сформировано отдельными подразделениями.

Судьба редакции и походной типографии такова. По указанию политотдела 5 СД типография эвакуировалась 3.X.41 г. в полдень. Маршрут, указанный политотделом для эвакуации типографии, был неудачен, т.к. ряд пунктов этого маршрута был уже занят немцами. Но по сведениям, которые мне удалось собрать, редакция и типография успели благополучно выехать из районов, занятых противником. Сейчас — лишь неизвестно, где они находятся, то-ли в одном из пунктов, расположенных на пути отступления 43 Армии, то-ли в Москве. Вероятно они, как и мы, разыскивают штаб Дивизии или штаб нашей Армии. Я со своей стороны принял все возможные меры к розыску походной типографии. В Серпухов (мне только что стало известно, что штаб Армии расположен возможно там), в Юхнов и Подольск посланы специальные люди для установления связи. Посылаемому с настоящим донесением ответ.секретарю редакции тов. Кузнецову также поручено выяснить, не находится ли типография нашей дивизии уже в Москве.

Я прошу дать письменное указание о том, что должны делать мы (редактор газеты “За отечество” Н.Румянцев, отв.секретарь редакции В.Кузнецов и литсотрудница А.Обыдена) после того, как будут закончены наши функции по формированию частей, оставшихся от 5 СД.

ВРИД.КОМАНДИРА 5 СД, РЕДАКТОР ДИВ.ГАЗЕТЫ
“ЗА ОТЕЧЕСТВО” БАТАЛЬОННЫЙ КОМИССАР
10.X.41г. /Н.РУМЯНЦЕВ/

* * *

Через несколько дней после “воссоединения” с блуждающей по смоленским лесам походной типографией редактор сам отправился в ГЛАВПУР, и его поездка завершилась превращением нашей дивизионки в газету 26-й резервной армии, проходившей очередное (уже третье по счету с начала войны!) формирование в Приволжском военном округе. В конце декабря эта армия была



В.А. Кузнецов

24/X-41
Вучетич

Портрет В.А.Кузнецова, рисунок Е.В.Вучетича.

переформирована во Вторую ударную армию.

А рапорт Н.Д.Румянцева так и остался в моем архиве...

К слову сказать, в 26-й резервной армии было очень много ополченцев-москвичей, выходивших из окружения в те горькие октябрьские дни.

...Первые неудачи, первые поражения заставили нас иначе взглянуть на реальность происходящих событий, грубо сдернули с нас розовые очки романтических представлений и ожиданий. Мы впервые увидели подлинный облик этой беспощадной и небывалой войны.

Очень хорошо это наше стремительное прозрение отразилось в стихах нашего редакционного поэта.

В О Й Н А

*Деревни вдоль шоссе горят,
В лесу — орудий дымный абрис...
Всего сто двадцать дней назад
Был у меня и стол, и адрес,
Жена и дочь, своя земля,
Сосед — добряк наивно хмурый,
И четкий силуэт Кремля
В полуовале амбразуры...
Всего сто двадцать дней назад
Я выходил с Маринкой в сад,
В его апрельскую хрустальность
И верил счастьем своему,
И объяснял ей, что к чему,
И выбирал ей специальность.
— Ты будешь инженером, дочь,
Ты будешь строить виадуки.
Сверля огнями эту ночь
И дым раскинув, словно руки,
По металлическим мостам,
Сквозь лес, неся эмблемой зори,
Промчится голубой состав
На юг, на южный берег моря!
И стук колес: "На юг! На юг!"
И силуэты в рамке окон.*

И с окончанием на "ю"
Впорхает слово в светлый локон...
И дочка слушала.
И сад.
Всего сто двадцать дней назад...
Сто двадцать дней, как сто годов.
И, где ты — тот апрельский вечер?
И нам грозит судьба рабов,
И люди чуждого наречья
Замкнув кольцо кричат мне "Хальт!"
Суют в лицо мне черный кольт.
А рядом — пепел русских хат...
И ненависть в сто тысяч вольт
Горит и ей не догореть,
И ей вовеки не погаснуть.
Звени, сердец литая медь
Стань коридорами, опасность! —
Сквозь этот страшный коридор
Свою судьбу и гордость нашу,
Мы, как несли до этих пор,
Так и сейчас несем, как чашу,
Как теплоту любимых рук,
Как звезды на груди героя,
Как дочь и легкий виадук,
Который дочь моя построит!

Марк Геллер (Ястребок).

20.10.41

Западное направление.

* * *

В ЛЕСАХ СМОЛЕНЩИНЫ

Заметка о партизанах Смоленщины памятна мне лишь тем, что появилась она в газете "Московский большевик" 3 октября 1941 года, в тот самый день, когда в распоряжение нашей дивизии ворвались немецкие танки и начались наши блуждания по смоленским лесам и глухим проселкам в поисках выхода из окружения...

254

На рассвете в расположение нашей части пришли партизаны Василий Парфенович Л. и Василий Николаевич Г. Всю ночь они тайком пробирались по лесным тропам, чтобы доставить в штаб Н-ского соединения важные сведения о противнике. Василий Николаевич — командир партизанского отряда, который уже около двух месяцев оперирует в глубоком тылу врага.

Вечереет. Партизаны собираются обратно к своим боевым друзьям, поджидающим их в глухом лесу одного из районов Смоленской области. Красноармейцы принесли котелки горячего флотского борща и мяса с кашей. Вытащив из-за голенищ деревянные ложки партизаны принялись за еду. Короткие винтовки-полуавтоматы лежат рядом.

Партизаны, покушав, спокойно и неторопливо рассказывают о своей кочевой жизни, о героической борьбе с фашистскими варварами.

— 3 августа немцы заняли районный центр С. Наши части отошли на новые позиции. Мы решили остаться в тылу противника. Отряд, в котором мы оба оказались, состоял вначале из 45 человек, в большинстве своем коммунистов. Как только по окрестным деревням разнесся слух о создании партизанского отряда, к нам стали приходить отовсюду люди, готовые дорого отдать свою жизнь в борьбе с кровавыми насильниками.

Началась трудная, полная лишений и боевых подвигов партизанская жизнь.

...14 августа наши разведчики донесли о продвижении вражеской колонны на одном из участков Варшавского шоссе. Мы залегли в придорожном кустарнике и стали ждать. Часа через два мы услышали шум приближающихся машин. Из-за поворота показались танки, бронемшины, повозки, доверху груженные награбленным добром.

Немцев было много, нас — 10 человек. Мы решили задержать продвижение фашистов. Когда колонна поравнялась с нами, мы открыли огонь, забросали машины связками гранат и бутылками. Грохнули взрывы, несколько машин загорелось, на шоссе поднялась невообразимая паника. Немцы сбились в кучу и без толку начали стрелять во все стороны.

Спустя несколько минут мы скрылись в лесу. Ни один из нас не получил ни царапины.

...300 немцев во главе со своим штабом разместились на заводе в местечке В. Наш отряд находился поблизости. Однажды

ночью к нам пришла девушка и посоветовала занять одно из помещений этого же завода.

— Немцы не догадаются разыскивать так близко от своего штаба, — говорила она.

Девушку звали Настенькой. Она местная жительница, комсомолка, до войны работала на заводе, была хорошей общественницей и стахановкой. Настенька рассказала нам, что вместе со своими подругами учительницей Натальей Д. и работницей завода С. она бывает в штабе: по приказу офицеров убирает комнаты, иногда готовит им картошку. Все, что удастся Настеньке узнать в штабе, она сообщает партизанам, оперирующим в окрестностях.

Мы послушались доброго совета. Два дня наш отряд жил бок о бок с офицерским штабом, и те ничего не подозревали. Настенька помогала нам. По нашему заданию она сделала восемнадцатикилометровую разведку и сообщила нужные сведения о расположении противника в одном из пунктов, где мы собирались пройти позиции немцев незамеченными.

На другой день Настенька принесла нам пачку каких-то документов. Утром она подметала комнату, воспользовавшись случаем, когда в комнате никого не было, забрала с собой портфель, туго набитый бумагами.

Мы не стали терять времени. Через час наш небольшой отряд уже пробирался по лесу, неся ценную Настенькину добычу. В штабе Н-ского соединения, куда мы доставили документы, выяснили, что это была секретная переписка немецкого штаба с командованием.

Спустя несколько дней мы опять проходили вблизи этого местечка. Местные жители рассказывали, что через два часа после нашего ухода фашисты хватились документов. Все 300 немцев были поставлены на ноги. Но было уже поздно. Ни документов, ни девушек они не нашли. Настенька увела своих подруг от ниминуемой расправы безвестными лесными тропами.

...Чуть темнело. Пробираясь невдалеке от немецкой части, расположившейся на ночлег, мы заметили в стороне от дороги склад горючего. Бочки с бензином и нефтью были беспорядочно свалены в мелком кустарнике. Шагах в пятидесяти от них мерно расхаживал часовой. Уверенный в полной безопасности, он обращал внимание не столько на горючее, сколько на ужин, который готовили недалеко от него солдаты.

Мы подкрались ближе. Часовой ничего не замечал. Мы подпол-

зли вплотную, осторожно вытащили пробки и перевернули бочки. Горючее полилось на землю. Мы подождали, пока бензин не вытечет, и так же незаметно скрылись. Без единого выстрела нам удалось уничтожить склад горючего, в котором немцы и без того испытывают острую нужду.

Фашистские варвары творят невиданные зверства. В деревне С. офицеры увели с собой 7 комсомолок. Долго судьба этих девушек была не известна. Лишь много дней спустя крестьянки, вышедшие на жнитво, нашли во ржи семь обезображенных трупов. Гитлеровские псы изнасиловали девушек и зарезали их.

Мы мстим фашистскому зверю на каждом шагу. За каплю нашей крови враг расплачивается десятками своих мерзких жизней. День ото дня крепнут силы советских партизан. В начале в нашем районе действовал лишь один отряд, а теперь их более десятка. От малых диверсионных актов мы переходим к крупным операциям, лицом к лицу встречаемся с немецкими бандитами и уничтожаем их.

Мы наладили регулярную связь не только со штабом Н-ского соединения, но и с соседними партизанскими отрядами. Население помогает нам во всем, снабжает нас продовольствием, спрятанным от немецких грабителей, указывает нам удобные пути, сообщает о продвижении немцев, их силах и вооружении. Однажды, например, старик-колхозник вывел наш отряд из окружения, в котором мы находились 4 дня. У нас много боеприпасов. Они спрятаны в лесу в нескольких местах. Мы били немцев их же оружием, отобранным в боях.

Фашисты охвачены бешеной злобой. То угрозами, то лестью пытаются заманить нас в ловушку. В одних листовках уверяют, что война уже окончена, и что мы можем спокойно выходить из леса; в других — грозят, что ни один партизан не избежит смерти. Но тщетны все уловки врага. Партизаны — грозная сила. Смоленские леса станут кладбищем для немецких захватчиков.

* * *

Надвигались сумерки. В темнеющем небе вырисовался бледный серп луны. На западе догорала заря.

— Нам пора! — сказал Василий Николаевич, поднимаясь с места.

Он привычно вскинул винтовку на плечо и подал мне руку.

— Завтра утром мы будем уже у своих. До свидания, товарищи! Некоторое время две фигуры быстро шагающих людей еще раз-

личались на светлеющем фоне заката, но потом сразу исчезли, как только партизаны подошли к опушке леса.

Добрый путь, дорогие друзья!...

Младший политрук В.Кузнецов.

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ

Моя последняя запись в дневнике, относящаяся к Любанской операции, сделана в начале июля 1942 года:

“Только что скрылось за горизонтом солнце, и море красок озарило небо. Потянуло вечерней прохладой и теплой сыростью, какая бывает после летнего дождя. Туман заполнил ложину до краев, и она кажется отсюда большим спокойным озером. В стороне от дороги расположилась на ночлег группа бойцов. Их вечерний бивак чем-то напоминает цыганский табор. Вблизи костра ходят, пощипывая мягкую от росы траву, стреноженные лошади. Повозки с задранными по-хозяйски вверх оглоблями поставлены под деревьями, заботливо прикрыты зелеными ветками и хвоей. В солдатских котелках закипает вода. Бойцы готовят кашу из концентратов, гороховый суп-пюре. На горячих углях разогреваются вспоротые штыком банки консервов. Горьковатый дымок низко стелется по сырой земле и слабый ветерок вытягивает его в длинные полосы...

Широкие волховские просторы. Отсюда, с высокого берега хорошо видна река, овеянная прелестью легенд и сказаний. Светлую ленту реки, теряющуюся за поворотом, перепоясывает понтонная переправа. Возле переправы то и дело взлетают вверх султаны воды и медленно опадают вниз. Только потом долетает смягченный расстоянием звук разрыва. Вдали, над синеющей полоской леса неподвижно висит черное пятнышко. Это вражеский аэростат, с которого корректируется огонь по переправе. Снаряды падают то ближе, то дальше, а по мосту, не обращая никакого внимания на обстрел, непрерывно снуют кажущиеся отсюда игрушечными груженные автомашины. За рекой вскипает частая пулеметная дробь, хлопают мины. Время от времени раздается металлический скрежет, словно какой-то великан пилит тупой пилой по куску железа. Это работают наши "катюши", прозванные немцами "дьявольской

флейтой”.

После крошечного ада в непролазных заволховских болотах открывающаяся передо мной картина представляется почти идиллическим выражением мира и покоя.

А между тем, фронт продолжает жить соей обычной напряженной жизнью. Война продолжается...”

* * *

Война после этого будет продолжаться еще тысячу дней.

Для Второй ударной армии это будет уже иная война. Странное стечение обстоятельств превратит все последующие военные январи для Второй ударной в крупнейшие вехи ее истории. Даже по числам эти события почти совпадут с первым ее январем, когда прорвав волховские рубежи, армия не смогла успешно завершить дерзко начатую операцию.

Вот главные рубежи Второй ударной армии:

13 января 1942 года — начало наступления на Волховском фронте, прорыв за Волхов, ожесточенная битва под Любанью.

12 января 1943 года — начало наступления южнее Ладожского озера, завершившееся прорывом блокады Ленинграда.

14 января 1944 года — начало наступления с Ораниенбаумского плацдарма, завершившееся полным снятием блокады Ленинграда и освобождением от оккупации всей Ленинградской области.

14 января 1945 года — начало наступления с Наревского плацдарма, завершившееся выходом к Балтийскому морю и отсечением Восточно-Прусской немецкой группировки от центральной Германии.

Во всех этих операциях Вторая ударная армия находилась на направлении главного удара и добивалась решающего успеха.

Участвуя в Берлинской операции в составе Второго Белорусского фронта, Вторая ударная армия закончила Великую Отечественную войну освобождением от врага островов Воллин, Узедом и Рюген.

...Но и послевоенная судьба Второй ударной армии оказалась не менее трагичной, чем ее первая боевая операция под Любанью. Армия уже давно не существует, но на нее (теперь уже на ее историю) продолжают обрушиваться

все новые и новые удары, невероятные вымыслы, один другого нелепее. И все они связаны именно с тем коротким периодом, исчисляемым буквально двумя месяцами и несколькими днями, когда ею командовал генерал Власов.

Впрочем, неограниченные просторы всевозможным домыслам только тогда и открываются, когда что-то пытаются спрятать, замолчать, оставить в тени... Именно так получилось и с судьбой Любанской операции, в течение долгих лет оказавшейся не в чести у наших официальных историографов и политиков.

Первое недоброе прикосновение к судьбе Второй ударной армии принадлежит А.И.Солженицыну. Ради сомнительного литературного эффекта, как мне тогда казалось, Александр Исаевич сравнил судьбу Второй русской армии генерала А.В.Самсонова с судьбой Второй ударной армии, якобы "столь же бездумно брошенной в котел". Опровергая этот домысел, советский историк Н.Н.Яковлев по существу повторил тот же тезис, относя лишь вину за любанскую трагедию на командовавшего в то время предателя Власова, который, по словам Яковлева, "бездарным командованием в 1942 году загнал свою(?) Вторую ударную армию в мешок" ("Литературная газета", 2.II.1974 г.)

Не надо бы так.

Никто не загонял Вторую ударную армию в мешок. Причины неудачи Любанской операции уже и тогда были достаточно объективно, хотя и не в полной мере исследованы в ряде серьезных научно-теоретических трудов, в частности, в "Истории Великой Отечественной войны", в военных мемуарах Маршала Советского Союза К.А.Мерецкова, генерала армии И.И.Федюнинского. Нельзя забывать, что к тому времени еще не полностью утратили свое значение преимущества агрессора, сохранявшего во многих местах перевес в силах и средствах и располагавшего огромными экономическими ресурсами почти всей Западной Европы.

Это была еще во многих отношениях неравная схватка не только для Второй ударной армии. Приходилось бросаться в бой сходу, без оглядки, иногда даже без большого расчета на немедленный успех. Судьба не оставляла нам возможности ждать, подобно нашим западным союзникам при подготовке второго фронта, когда к шинели последнего солдата будет

пришита последняя пуговица. Любой ценой надо было остановить врага. Ценой, которая кажется теперь невероятной, ценой прекрасных жизней прекрасных советских людей. Но сами эти люди не считали себя принесенными в жертву, и если удавалось остановить врага хоть на один миг, замедлить его продвижение хоть на один шаг, они считали свой патриотический долг исполненным.

И они остановили врага. Все соединения группы немецких армий "Север", нацеленные на Ленинград и готовившиеся к последнему прыжку, были надолго скованы и фактически так уж и не смогли повторить крупного наступления на Ленинград ни в тот год, ни в последующие...

Пристальный интерес к судьбе Второй ударной армии не ослабевает и поныне. С одной стороны — благороднейший труд юных поисковиков, из года в год совершающих нелегкие походы в районы боевых действий Второй ударной армии под Любанью и предающих земле новые и новые сотни до сих пор захороненных воинов, павших полвека назад. С другой стороны — нагромождение новых и новых небылиц, оценок и переоценок, чудовищных истолкований "феномена Власова", в сравнении с которыми первоначальные версии "переосмыслителей" нашей отечественной истории представляются пуштышной забавой...

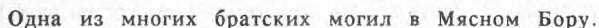
Похоже, что за последние годы, особенно в связи с приближением 50-летнего юбилея Победы, интерес к Любанской операции и, особенно, к личности генерала-предателя Власова не только резко возрос, но и приобрел какой-то болезненно-пристрастный характер. Предателя превращают чуть ли не в спасителя России или и того пуще — в самого выдающегося и удачливого агента Сталина, ловко проникшего в самую сердцевину гитлеровского рейха и почти решившего исход Второй мировой войны в пользу союзников антигитлеровской коалиции.

Бесполезно вступать в дискуссии с подобными "исследователями"...

Что-то не приходилось мне встречать в связи с полувековым юбилеем окончания Второй мировой войны какой-либо свистопляски в западной прессе с именами предателей типа Квислинга, Петена, Лавалья... Им ведь история давным-давно отвела полагающиеся им ниши...

Это была армия советских патриотов, армия дивизионного комиссара И.Зуева и генерала И.Антюфеева, армия украинца Якова Богдана, закрывшего своим телом амбразуру врага в первый день

Это была моя армия.



ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Вскоре после войны, почти каждое утро, по пути на работу я заставал в подземном переходе метро от Площади Свердлова к Площади Революции одну и ту же картину.

В молчаливой и по утреннему сосредоточенной толпе вечно спешащих москвичей вдруг возникали какие-то посторонние звуки, нарастающие с каждым мгновением. Равномерный поток движения словно бы сбивался с обычного ритма, толпа сдвигалась в сторону, уступая место кому-то, пока еще невидимому, но уже громко заявлявшему о своем появлении. И вот на едва покато́й плоскости пешеходного перехода с грохотом и треском проносилось странное сооружение, представляющее собой небольшую деревянную платформу на колесиках-шарикоподшипниках с наглухо прикрепленным к ней искалеченным человеком. Словно зловещий символ только что отгремевшей войны врывался в утреннее метро. Сохранилась лишь верхняя половина этого человека. Обе ноги обрублены по бедра, изрытое черной пороховой гарью лицо, искалеченная до локтя левая рука...

Ловко отталкиваясь от пола деревянной колодкой, цепко зажатой в уцелевшей правой руке, и помогая обрубком левой руки, к которой намертво прикреплена еще одна колодка, инвалид, все увеличивая на наклонной плоскости скорость, несется вперед, озорно поблескивая зубами. Все отняла война у этого человека, все, кроме неукротимого духа жизни...

В каменной трубе метрополитена грохот его тележки казался невыносимым, а он еще заодно покрикивал, распуская прохожих:

— Эге-ге! Посторонись! Дорогу Волховскому фронту!

Не знаю, как он спускался на эскалаторе, как он садился в вагон, как выходил из него. Знаю лишь, что зазорное, вызывающе бодрое настроение никогда не покидало его, но те, кто оказывался свидетелем его лихой поездки, становились еще более сосредоточенными, как бы еще глубже уходили в себя. Ни разу не видел, чтобы кто-то вступил с ним в разговор, откликнулся на его незамысловатые шуточки...

Я встречал его примерно в одно и то же время в одном и том же месте. Значит у него был постоянный маршрут, он куда-то ездил. На работу? По делам? Значит он не просто существовал.

Он жил!..

И теперь, через много лет, когда я оказываюсь в этом переходе метро, в моей памяти с поразительной отчетливостью возникает образ этого веселого человеческого обрубка, поправшего смертью смерть, принесшего домой Победу, которую все мы, все, включая и уцелевших в этой страшной войне, не смогли уберечь, сохранить...

* * *

Вернусь напоследок еще раз к моему дневнику, к одной из записей, сделанных уже после выхода из окружения (11 июля 1942 года).

“Ночью меня томила бессонница. Я вылез из шалаша, присел на бревнышке. Через некоторое время из шалаша вылез, кряхтя, Моисей Маркович, наш самый старый наборщик. Невольно вспомнилось, как наш художник Вучетич находил в нем сходство с медведем, вставшим на ходули...”

— Все не спите, Виктор Александрович? — Ведь уже два часа ночи...

— Тоска, Моисей Маркович. — Такая тоска...

Пожевав губами, старик пытается утешить меня:

— Не век же тосковать... Мой отец, умирая, наказывал нам: “Не плачьте о мертвом. Мертвый уже мертв. Плачьте о живых...”

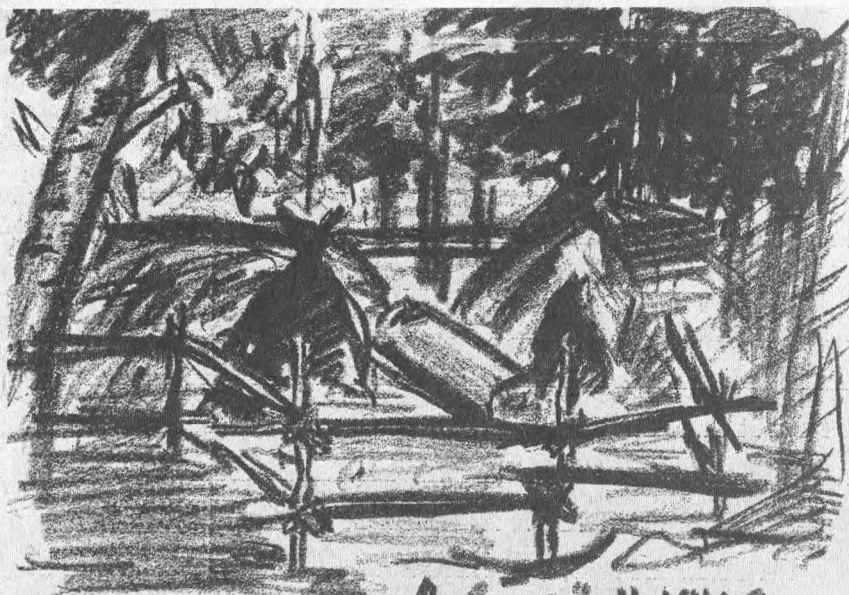
Нет, не утешает меня старая еврейская притча, поведенная мне Моисеем Марковичем. Потерять всех в одну ночь. Мне совестно, что я вышел цел и невредим, а все мои товарищи остались там... Словно и я виноват в их гибели...

— Причем здесь вы? — досадует старик. — Ведь тысячи погибли...

Некоторое время наша беседа течет в таком же беспредельном духе, и я чувствую, что и у самого Моисея Марковича также тоскливо и неутешно на душе, как и у меня...

Тоска железными клещами сжимает сердце. В самом деле, почему именно мне суждено было уцелеть? Ведь спросит же с меня отчет судьба, проведшая меня по кромке бездны?”

...И когда я, уже сам будучи глубоким стариком, встречаю в своем дневнике эту записи вновь вижу это “почему”, дополненное еще и новым вопросом “зачем?” — мне приходит на мысль, а не затем ли, чтобы все-таки рассказать обо всем, что я попытался собрать в этой книжке, хоть как-то разобраться с уцелевшими у меня бумагами и заметками той лютой поры. Но и мысль эта рождается во мне не как ответ на все мои



„Огбага“ 11-VII-42г.

Наше убежище после выхода из окружения.

... Шадами и хвойных веток много
защищать нас от донора...

Рядом сегодня выстроили скамейки. Это-куча.
Присел абрибу, на деревьях растаёт экран,
прикроют его сверху плащ-напалком, и мы будем
смотреть кино...

Последняя страничка дневника.

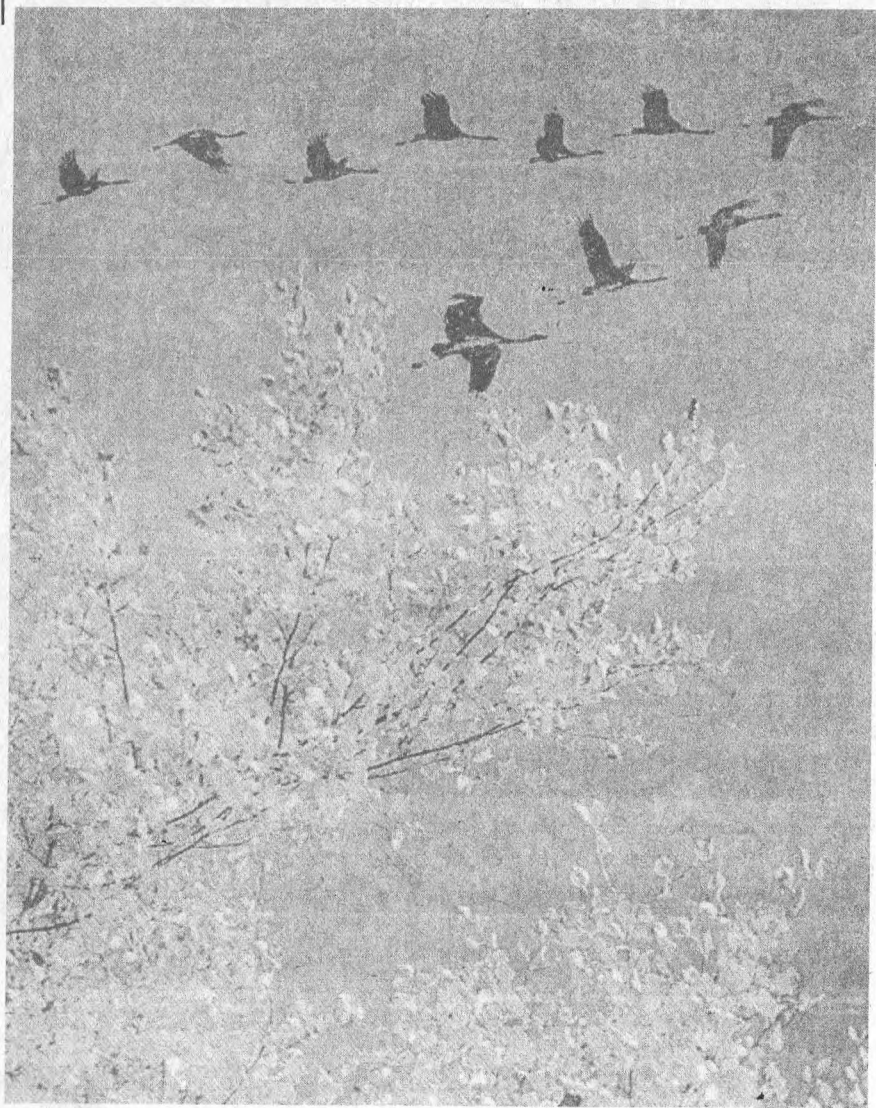
сомнения и раздумья, а как новый вопрос, на который, увы, я уже не узнаю ответа...

“А кому это нужно, кроме тебя самого? Нужно ли это уже не твоему, а сменившему тебя поколению, у которого начался свой век, свои цели и мечты, своя совсем не гладкая дорога, на которой, конечно же, не меньше колдобин, рытвин и ухабов?..

На этот новый вопрос мне, увы, уже не узнать ответа...

Январь 1996 года.

*...Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.*



ВАХТА ПАМЯТИ

*Долина смерти, Долина боли,
Долина скорби, Долина горя,
Долина без вести пропавших,
Долина павших, Долина павших...*

В.ЕРХОВ,
боец "Снежного десанта".



Каждый год в майские дни Победы сюда приезжают ветераны войны, родственники погибших солдат, их дети и внуки...



...Имя его неизвестно. Никто никогда не узнает его имени. Зато рассказать о себе он может и сейчас очень много. Словно именно для этого он хранил в течении полувека последнее мгновение своей жизни...

Осторожно, как опытные археологи, казанские студенты из "Снежного десанта" сняли легкой метелочкой верхний слой праха из опавших за прошедшие десятилетия листьев, древесных веточек, всякого лесного мусора, и каждый без труда прочел еще одну

горькую страницу трагедии, именуемой Мясным Бором.

Поза солдата сохранила мучительную боль, испытанную им в момент смерти. Судорожно сведенные ноги, взмах руки, не успевшей швырнуть во врага последнюю гранату. Солдат упал навзничь, не показав врагу свою спину, встретил его лицом к лицу...

Избежавшие тления солдатские ботинки с еще нестоптанными каблуками сушили ему еще многие версты фронтовых дорог...

Невозможно смотреть на этот снимок, не испытывая той же мучительной боли, которая выпала на долю безвестного героя, до последнего вздоха отстаивавшего свободу и независимость своей Отчизны...



А этого бойца лишили покоя мародеры...

В поиске — "Снежный десант"



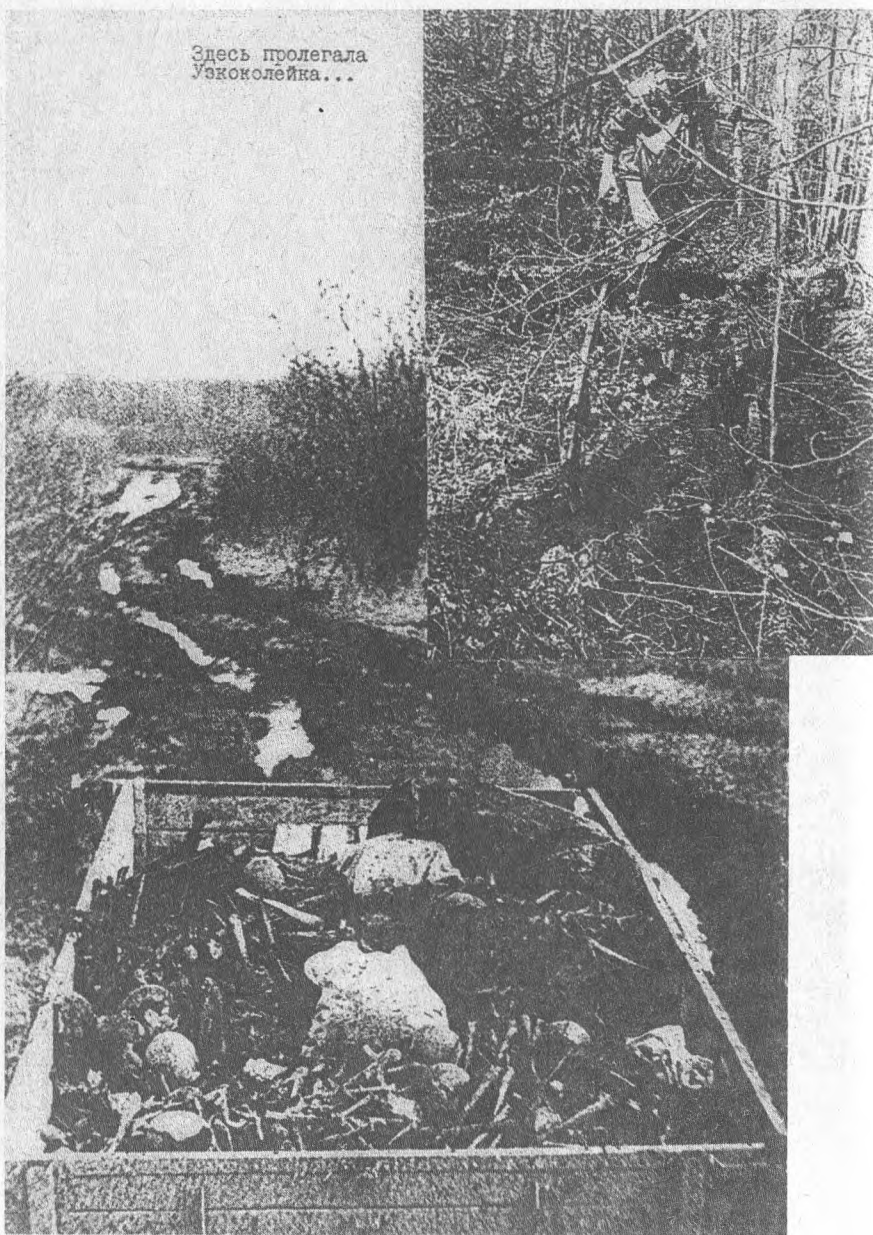
Тут, в небольшом окопчике, пролежал еще один боец 2-ой ударной армии полвека после войны.



Осторожнее, ребята!
Земля здесь продолжает
взрываться и теперь...



Здесь пролежала
Узкоколейка...

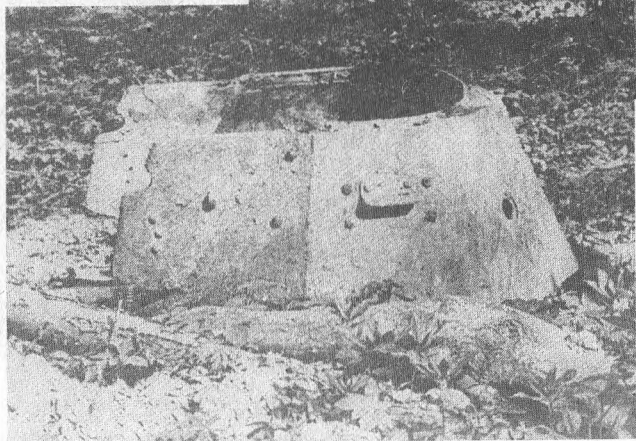


Так по той же просеке останки бойцов вывозят к Мясному Бору.

Бойцы одного из
лучших отрядов
"Снежного десанта"
Казани —
поисковики
Казанского
государственного
педагогического
университета.
В центре снимка —
командир отряда
А. Некрасов.



Башня танка.

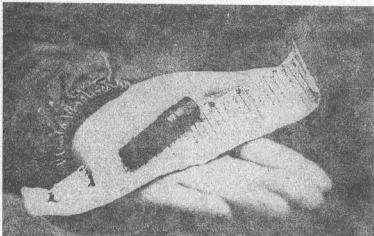




Лагерь поисковиков из Казани в Долине смерти.

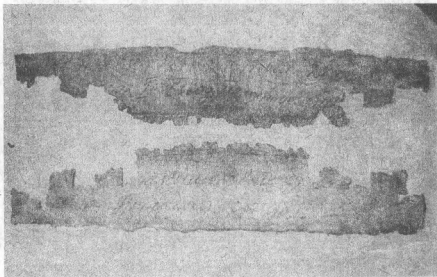


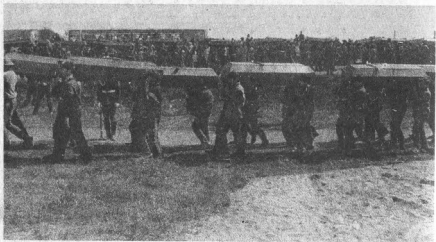
Читается еще один медальон. Справа — опытейшие поисковики Казани — И.Милюков и М.Айтуганова.



Медальон – самая ценная находка в Долине смерти. Каждая записка помогает вернуть имя погибшего героя, а порой и узнать адрес его родных.

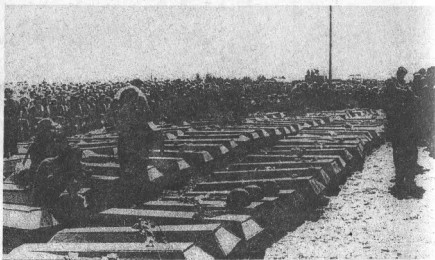
На нижнем снимке – находка ветерана-поисковика С.Халиуллина.

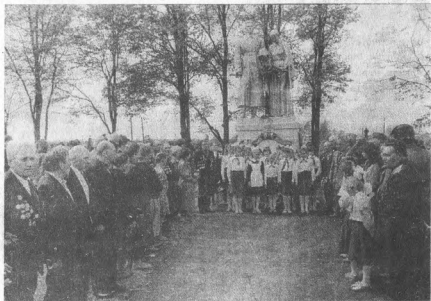
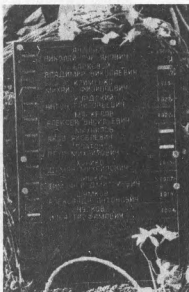




Траурная процессия растянулась более чем на километр. В каждом гробу — 10-15 останков погибших полвека назад воинов, каждый гроб — братская могила...

В результате каждой экспедиции до Мясного Бора "добирается" еще один полк "пропавших без вести", бойцов 2-ой ударной армии, чтобы обрести вечный покой. Всего за последние пятнадцать лет их захоронено уже более 16 тысяч.





ой армии выступают учащиеся средней

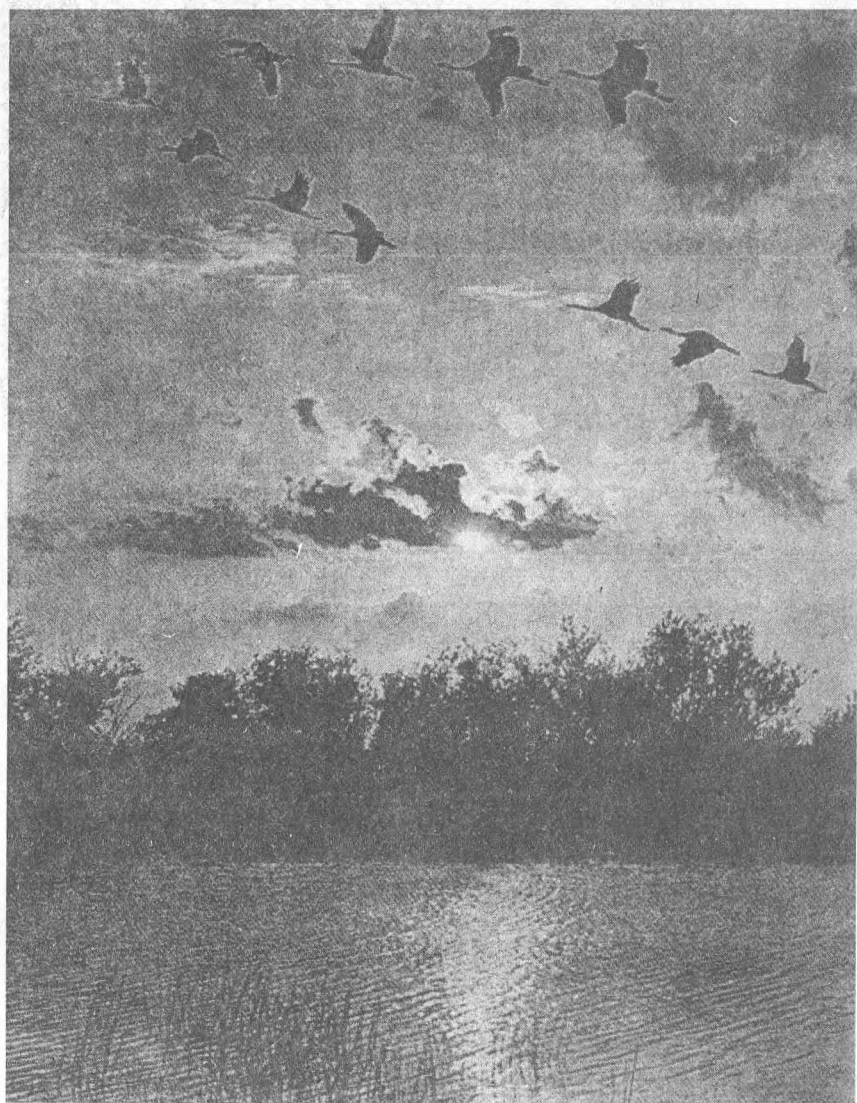


Ветераны 2-ой Ударной армии в Мясном Бору.



Одними из первых бойцов казанского "Снежного десанта" в Долину смерти пошли Р.Салахиев (слева) и М.Черепанов. Они и сейчас участвуют в экспедициях, в работе над Книгой Памяти.

*...И в том строю есть промежуток малый,
Быть может, это место для меня.*



СОДЕРЖАНИЕ

Правды чистый родник	3
Поиски предисловия	5
Начало пути	9
За Мясным Бором	15
В ночь на 25 июня 1942 года...	131
Последний номер "Отваги", не вышедший в свет	146
О тех, кто остался за Мясным Бором	154
Письма тех дней	166
"Некий капитан Черных..."	183
Поэтическая полка армейской газеты	194
И вновь считать мы стали раны...	
(По следам катастрофы)	200
Газета "Отвага" выходит вновь...	220
Последняя запись в дневнике	226
Вместо эпилога	263
Приложение. Вахта Памяти	266

Зак. Е-78. Тираж 5000 экз.
 Формат 60 × 90 1/16. Объем 17,5 п. л.
 Отпечатано в типографии
 Татарского газетно-журнального издательства.
 420066, г. Казань, Декабристов, 2.